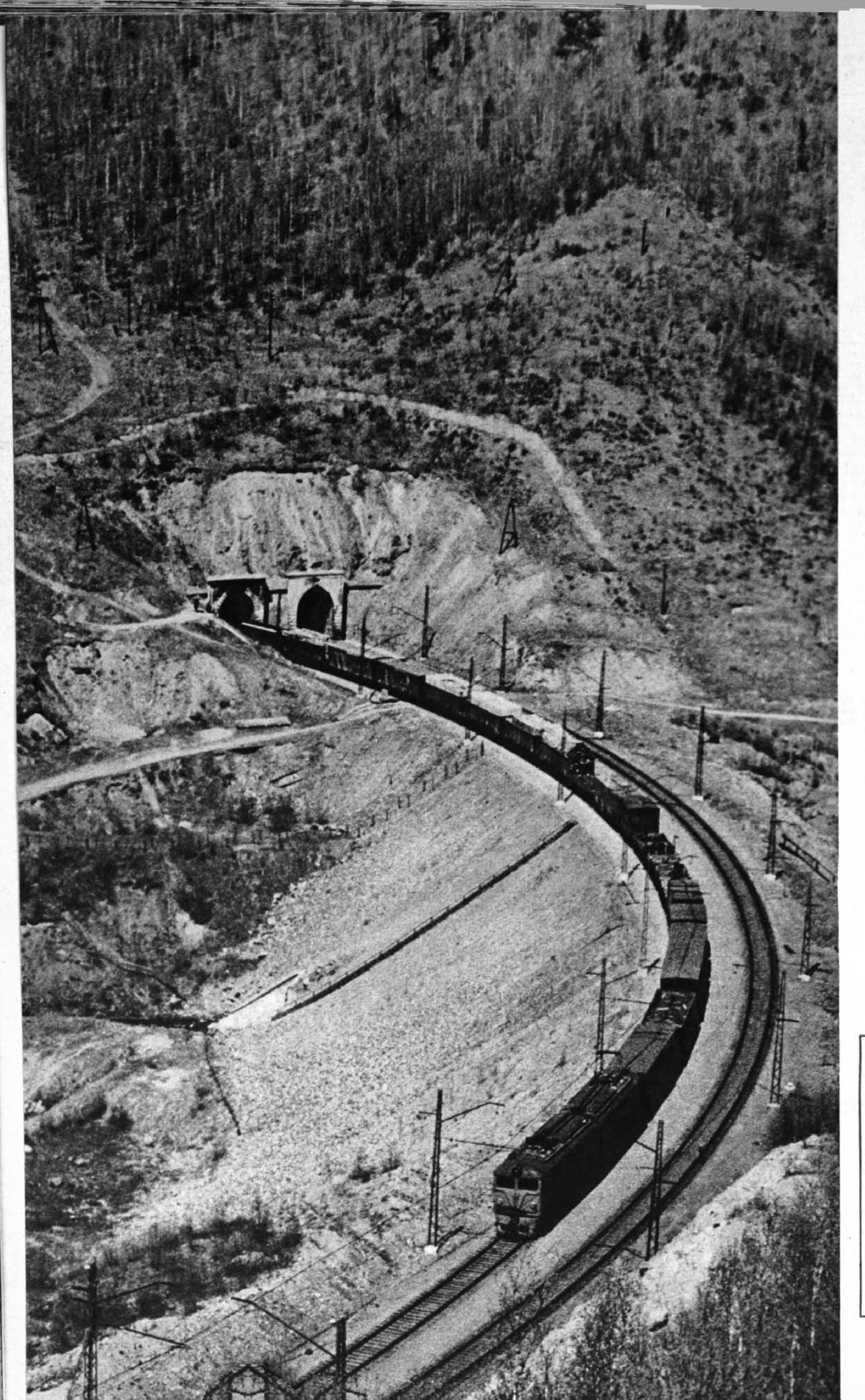

ВСПОМИНАЕТ БОРИС ПРОРОКОВ • Борис Бурков — ВПЕРВЫЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ • Алексей Сурков — АВСТРАЛИЯ ПОЕТ
ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОТ МОСКВЫ ДО БАЙКАЛА

«В течение семилетия должна быть осуществлена коренная техническая реконструкция основных видов транспорта, особенно железнодорожного, где необходимо произвести замену паровозов современными экономичными локомотивами — электровозами и тепловозами» — так решил XXI съезд КПСС.

Как же выполняется это решение? Чем встречают железнодорожники XXII съезд нашей партии?

В Министерстве путей сообщения СССР нам рассказали:

— За два года семилетки на тепловозную тягу переведено 6 563 километра дорог. Это расстояние превышает экваториальный радиус Земли! Электрифицировано 4 342 километра.

На снимке: один из участков магистрали Москва — Владивосток. К XXII съезду железнодорожники готовят подарок: в октябре они передадут в распоряжение электровозов участок Макушино — Исиль-Куль, закончив электрификацию пути от Москвы до Байкала.

Фото М. Минеева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 26 (1775)

25 ИЮНЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ:

● **МОСКВА**

Старший вальцовщик завода «Серп и молот» Василий ПЛЯСОВ:

— Меня радует мой труд, сознание того, что металл, который мы прокатываем на своих станах, идет на мирные цели. Радость моя — это счастливые мордашки моих дочек. Я рад, что детство их по-настоящему славное. Бывает много и других радостей, таких, например, как дружба с немецким прокатчиком Вильгельмом Ханке — человеком не только родственной мне профессии, но и моим идейным единомышленником.

Нам обоим больше всего нужен мир — прочный, незыблемый.

Слушая по радио выступление Никиты Сергеевича Хрущева, я думал, что каждое высказанное им предложение целиком совпадает с моими мыслями и желаниями, с желаниями любого рабочего человека. Требуя разоружения и установления прочного мира, глава нашего правительства говорил от имени всего народа. Вот что нам дорого больше всего в его выступлении.

● **ВЕНА**

Токарь Альфред ПЧЕТЦ (Вена, 4-й район, Рессельгассе, 9):

— Нам, людям труда, особенно понятен и близок призыв Советского Союза к всеобщему и полному разоружению. Народы не хотят войн, они хотят жить спокойно. Выступление Никиты Хрущева по телевидению о встрече с Джоном Кеннеди еще и еще раз подтверждает стремление Советского Союза к миру, ясно представляет благородную позицию Советского Союза в борьбе за мир во всем мире.

● **ПАРИЖ**

Ориа ЛЕДУ, служащая, проживающая в третьем округе Парижа, на улице Грамилье:

— Мы, француженки, не принадлежим к числу тех, кто делает политику. Но нам совершенно небезразлично, что делается в мире. Напротив, мы страстно хотим мира. Мира настоящего, прочного.

● **БЕРЛИН**

Гюнтер ХОФФМАН, строитель:

— На этом самом месте, где мы сейчас строим новые дома для тружеников нашей столицы, я разбирал развалины, оставшиеся после войны. Но самое страшное наследие, которое оставил нам фашизм,— не эти развалины, а незаживающие раны в сердцах людей, потерявших родных и близких.

Мы, рядовые люди Германии, всем сердцем одобряем и приветствуем советские предложения о заключении мирного договора с обоими германскими государствами. Только мирный договор с Германией может гарантировать мир в Европе.

● **НЬЮ-ЙОРК**

Мел МЕЙНЕРС, учитель:

— Я думаю, что главная причина трудностей — взаимное недоверие. Как же его устранить? Только путем встреч, путем переговоров и взаимных уступок. Переговоры, встречи надо продолжать. Лучше встречаться за столом мирных переговоров, чем на поле боя. Хотелось бы верить, что в результате таких усилий удастся разрешить и самый главный вопрос — добиться разоружения. Нельзя дальше жить, как мы живем сейчас.

Фото В. Володкина и А. Устинова.

Советское правительство будет и впредь со всей последовательностью осуществлять ленинскую политику мирного сосуществования, политику укрепления мира и дружбы между народами.

Н. С. ХРУЩЕВ

Из выступления по радио и телевидению 15 июня 1961 года.

Октябрь 1942 года. В Сталинграде идут ожесточенные бои с врагом. Пополненная новыми танками и свежими боевыми силами, наша танковая бригада должна через несколько часов вступить в бой. К танкистам обратился с пламенной речью член Военного Совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущев.

С первых дней Великой Отечественной войны Никита Сергеевич Хрущев находился на важнейших и решающих участках фронта, выполняя самые ответственные задания ЦК партии и Советского правительства.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к профессору Академии общественных наук при ЦК КПСС Павлу Никитовичу Гапочке с просьбой предоставить журналу из его любительского фотоархива снимки, посвященные деятельности Н. С. Хрущева в годы Великой Отечественной войны.

ЭТО БЫЛО В

Выступление Никиты Сергеевича Хрущева на митинге в честь освобождения от гитлеровцев Львова.

В конце января и начале февраля 1943 года Южный фронт (командующий фронтом Р. Я. Малиновский, член Военного Совета Н. С. Хрущев) развивает мощное наступление на Ростов. 14 февраля город был освобожден. Ростовчане сердечно приветствуют Н. С. Хрущева и Р. Я. Малиновского.

СУРОВЫЕ ГОДЫ

Этот снимок сделан в Киеве утром 6 ноября 1943 года, в день освобождения от фашистских захватчиков столицы Украины. →

Большой Кремлевский дворец. Президиум собрания. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. ХРУЩЕВ.

Фото Я. Рюмкина.

МОСКВА, 21 ИЮНЯ 1961 ГОДА

В связи с двадцатилетием со дня начала Великой Отечественной войны 1941—1945 годов 21 июня в Большом Кремлевском дворце состоялось собрание представителей общественности Москвы. В зале заседаний собрались рабочие, инженеры, служащие предприятий и учреждений столицы, ученые, писатели, общественные деятели, воины Советской Армии. Многие из присутствующих — участники Отечественной войны.

Доклад о 20-й годовщине со дня начала Великой Отечественной войны сделал Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Встреченный бурными аплодисментами, на собрании с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

←
Никита Сергеевич Хрущев крепко пожимает руки Героям Советского Союза М. В. Кантария, М. А. Егорову и К. Я. Самсонову, водрузившим знамя Победы над рейхстагом.

Москва, Кремль, 19 июня 1961 года. После вручения наград. На снимке (слева направо): в первом ряду — Ф. Р. Козлов, Н. С. Хрущев, М. В. Келдыш и Л. И. Брежнев; во втором ряду — Д. Ф. Устинов, К. Н. Руднев и В. Д. Калмыков.
Фото Я. Рюмкина.

ТРИУМФ ЕДИНСТВА ПАРТИИ И НАУКИ

Академик А. В. ТОПЧИЕВ,
вице-президент Академии наук СССР

Мечта человечества об освоении космоса сбывается. Советская наука проложила дорогу к звездам, по которой космический корабль «Восток», созданный нашими замечательными инженерами и рабочими, совершил беспримерный полет вокруг земного шара. Открытие космической эры — величайшее достижение советского народа, Коммунистической партии и советской науки.

Президиум Верховного Совета СССР наградил второй золотой медалью «Серп и Молот» семь видных ученых и конструкторов — Героев Социалистического Труда, присвоил звание Героя Социалистического Труда 95 ведущим конструкторам, руководящим работникам, ученым и рабочим, наградил орденами и медалями СССР 6 924 рабочих, конструкторов, ученых, руководящих и инженерно-технических работников.

Велики заслуги Никиты Сергеевича Хрущева, который повседневно заботился о развитии ракетной науки и техники, многое сделал для успешного осуществления полета корабля-спутника «Восток».

Коммунизм и передовая наука неразделимы, слиты воедино. Коммунизм — самая целесообразная, самая разумная, а значит, подлинно научная организация общества. Грандиозные успехи нашей науки и техники — свидетельство силы советского общественного строя, самым вдохновенным строителем и пламенным пропагандистом которого является дорогой Никита Сергеевич.

Советские ученые горячо, от всего сердца поздравляют Никиту Сергеевича — трижды Героя Социалистического Труда. Желают ему многих лет жизни, здоровья и новых успехов в благородном, вдохновенном труде на благо Родины, советского народа и всего человечества.

В родном Гжатске, на рыбалке, Юрий Алексеевич Гагарин читает землякам Указ о награждении Никиты Сергеевича Хрущева третьей золотой медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.
Фото А. Денисова.

СДЕЛАНО В ГДР

Кто не слышал о знаменитых мастерах фарфора из древнего Мейсена, чья эмблема — синие скрещенные мечи — обошла весь мир? Или о цейсовских аппаратах? Или о плауэнских кружевах, об игрушках из Зонneберга, об охотничьих ружьях, сработанных в Зуле?

Славно трудятся немецкие умельцы! И в этом еще раз убедился каждый, кто побывал в московском Парке культуры и отдыха имени М. Горького на выставке товаров широкого потребления Германской Демократической Республики.

Сердечные, братские отношения, существующие между нашими странами, проявляются, в частности, и в том, что из года в год ширятся торговые связи. На Советский Союз приходится более 45 процентов всего товарооборота ГДР. В свою очередь, Германская Демократическая Республика является одним из главных торговых партнеров СССР.

Выставка в Москве знакомит советских людей с успехами, достигнутыми первым в истории Германии рабоче-крестьянским государством. Очень приятное и радостное знакомство!

На снимке: возле стенда с изделиями мастеров фарфора.
Фото Г. Гуркова.

Япония: фашизм не пройдет!

На Японских островах развертывается грандиозное сражение за демократию, против фашизма и войны.

Накануне отъезда премьер-министра Икэда в США реакция пыталась протащить в парламенте так называемый «законопроект о предотвращении политических насилий». Этот драконовский акт должен был, по замыслу его авторов, дать в руки властей новое оружие против народа.

Могучая волна протестов прокатилась по всей Японии. Сотни тысяч людей заявили о своей воле к борьбе. «Требуем отставки кабинета Икэда!», «Долой американо-японский военный союз!», «Фашизм не пройдет!» — эти слова можно было прочитать на плакатах и транспарантах, с которыми вышел на улицы японских городов народ. Полиция применила оружие, были проведены аресты, но борцы за демократию оказались сильнее.

Рано утром, когда за окнами парламента гудело людское море, а в небе занимался рассвет, правящая партия отказалась от дальнейших попыток утверждения фашистского законопроекта на данной парламентской сессии.

Реакция потерпела сокрушительное поражение!

Фото Джапан Пресс.

М. НАЧИНКИН

Фото автора.

Города, как и люди, рождаются, переживают годы процветания или несчастий, времена изобилия или нужды, надежд, славы.

Человек, верящий в судьбу, сказал бы, что Темир-Тау на роду было написано стать счастливым, что, мол, так ему было предопределено. Ведь не с каждым городом происходит такая метаморфоза, когда в течение пятнадцати лет он буквально из ничего вдруг превращается в индустриальный металлургический центр Казахстана и когда его население за это время возрастает во многие десятки раз.

Тем не менее, отбросив мистический туман, можно с уверенностью сказать: не слепая удача, не каприз судьбы определили его могучий рост.

Сейчас, когда в этом городе, как и во всей республике, празднуется 40-летие Казахской ССР и Компартии Казахстана, уместно будет привести некоторые сравнительные данные из архивов статистиков.

Они сообщают: до 1945 года на месте нынешнего города Темир-Тау была степь. Где-то у реки затерялось не более десятка казахских домиков. Население поселка не превышало и ста человек, основным занятием было земледелие и скотоводство.

К этим старым свидетельствам статистики мы не можем прибавить ничего более: ни маленьких мастерских или кузниц, ни больничных городков и высших учебных заведений.

Та же статистика тем же бесстрастным языком фактов сейчас уже сообщает, что металлургические заводы нового города дают стране первый казахстанский ме-

У почтальона Оли Чуенко работа усложнилась: вот еще один дом заселен на улице, пока не имеющей названия, и, чтобы поскорее разыскать адресата, приходится наводить справки у жильцов.

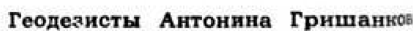
Шагай, Теми

Горновой Мурат Мухамеджанов.

Автогенщик-верхолаз Камза Агафанов.

Геодезисты Антонина Гришанков

талл. Эти предприятия за неделю вырабатывают продукции на такую сумму, которой хватило бы жителям старого поселка более чем на сто лет жизни.

Статистика также засвидетельствовала наличие в Темир-Тау ряда других крупных промышленных предприятий, которые играют решающую роль в индустриализации Советского Казахстана. Город, в котором большинство предприятий с полным основанием упоминается только в соединении с эпитетами «крупнейший...», «первый в республике...»; город, в котором число школ уже насчитывает не один десяток, где имеются технические училища, филиалы вузов, научно-исследовательских институтов Академии наук Казахской ССР; город, чьи библиотеки насчитывают, может быть, сотню тысяч томов, чьи больничные городки и поликлиники вызывают восхищение маститых деятелей медицины; город, чьи квартиры приводят в восторг любого горожанина...

Язык помещенных здесь фотографий убедительно дополняет язык статистики. Таким стал Темир-Тау.

Кто же его создал? Вот короткие выдержки из биографий строителей.

«...Камза Агафанов — автогенщик-верхолаз. Закончив работу на сооружении металлургического комбината в Кемеровской области, переехал в Темир-Тау строить Казахстанскую Магнитку...»

«...Александр Барданов — горновой домны № 1. Демобилизован в 1959 году. Приехал работать на строительство первой домны Карагандинского металлургического завода. С ее пуском сменил профессию монтажника-верхолаза на горнового. Без отрыва от производства учится на первом курсе политехнического института...»

«...Нурсультан Назарбаев — горновой домны № 1. Окончив в 1958 году в Алма-Ате училище, прибыл по комсомольской путевке...»

«...Алла Богданова — врач. Окончила Алма-Атинский мединститут. Работала в клинике. В 1960 году переехала на стройку. Ее муж — старший научный сотрудник филиала Института энергетики Академии наук Казахской ССР в Темир-Тау...»

...Таких биографий — многие и многие тысячи, но, кажется, и этих примеров достаточно, чтобы понять, кто они, создатели Темир-Тау.

Обыкновенные люди, они каждый день занимаются самыми обыкновенными делами: бреются, идут на работу, готовят обед, стирают, смотрят кинофильмы и спектакли, влюбляются, женятся. И за этой своей повседневностью порой даже не замечают, как растет их стройка, становится красивее город. Как будто недавно горновой Мурат Мухамеджанов плавил первый чугун первой домны. А сейчас, шагая на работу, он видит уже не только свою, но и вторую домну, которая вот-вот даст чугун.

А город! Он с удивительной быстротой расправляет свои улицы-крылья. Чтобы пересечь такие крупные районы Темир-Тау, как «Старый город», «Комсомольский», «Соцгород» и, наконец, Восточную часть, надо проехать восемнадцать километров. Восемнадцать километров новых жилых и административных зданий, магазинов, поликлиник, детских садов и яслей, кинотеатров, школ, скверов и садов. И стройка продолжается!

Темир-Тау — город рабочий. Когда видишь дымы над высокими трубами его заводов, невольно думаешь и о других таких же городах-тружениках, где вот так же, как и здесь, у домен и мартенов, у токарных и фрезерных станков, на строительных лесах работают простые люди.

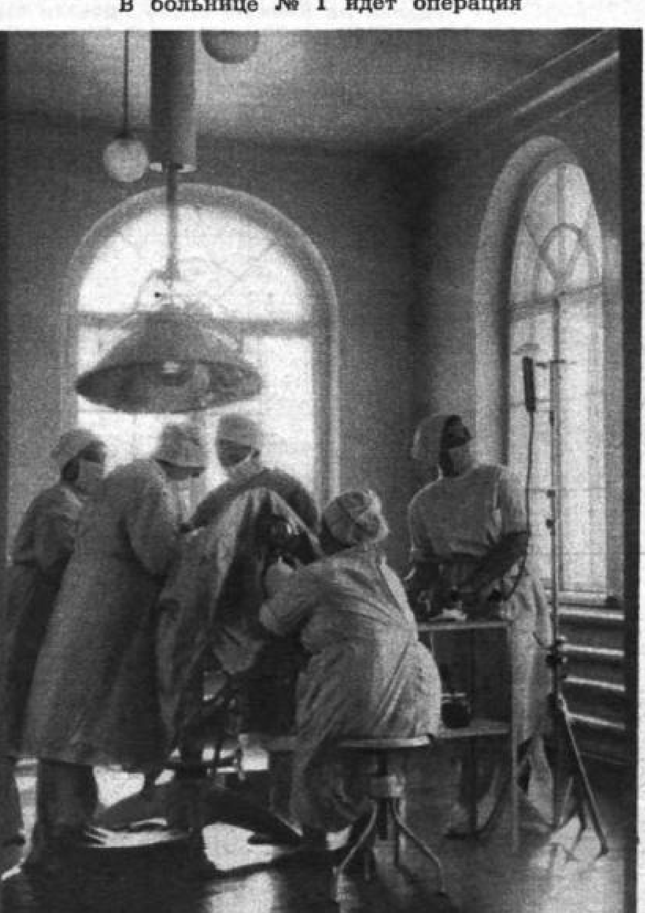
Последняя ночная сигарета... Два товарища — Владимир Колбаса и Александр Барданов — работают в одной бригаде первой домны и живут в одной комнате. И вместе «грызут гранит науки» по вечерам: они оба — студенты-заочники политехнического института... Отложена в сторону готовальня, оставлен учебник. Александр уже спит. Пора и тебе ложиться, Владимир, завтра утром — на работу.

р-Тау!

...и Нина Ибряшкина.

В больнице № 1 идет операция

Они все появились в родильном доме № 1 в один день. И все попали в заботливые руки медсестры Вали Кальневой.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ—ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

Петропавловск-Камчатский

Главная примета

Новостройки — главная примета современного Петропавловска-Камчатского. На склонах сопок светлые, многоэтажные дома отвоевывают место у старых, деревянных, прижимая их к самым вершинам. Дом связи, универмаг, Морской вокзал, школа-интернат, детские сады и ясли, комбинат бытового обслуживания — все это жители города получат до конца года.

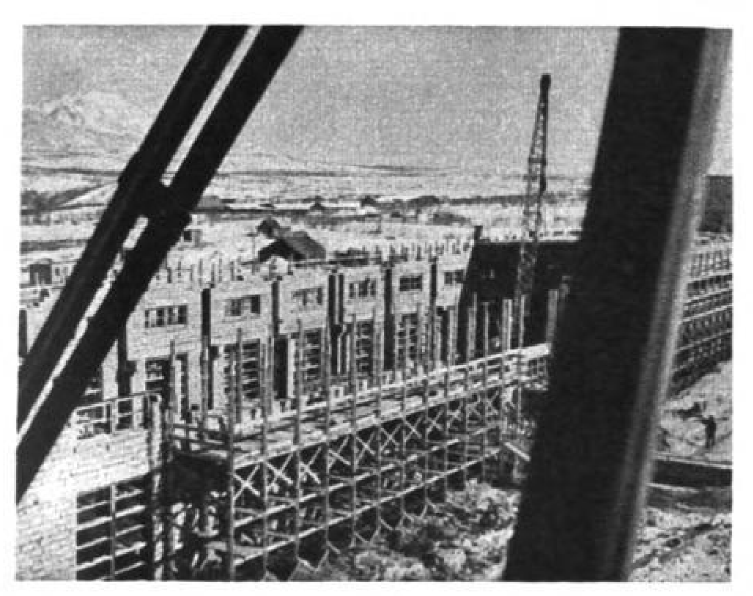
А как с жильем? В третьем году семилетки петропавловцы должны построить 64 254 квадратных метра жилой площади. Таких темпов еще не знали на Камчатке. Но строителям поможет широкое внедрение методов крупноблочного строительства, применение новых местных материалов.

Сейчас на одиннадцатом километре Елизовского шоссе воздвигается комбинат крупнопанельного домостроения. Первая очередь его должна войти в строй ко дню открытия XXII съезда КПСС. Детали домов тут будут изготовлять промышленным способом, а в дальнейшем работники комбината станут монтировать здания.

Здешняя природа будто специально постаралась припасти для нового комбината сырье: перлит — вулканическое стекло. Запасы его очень велики. Перлито-бетонные панели для стен — легкие, непроницаемые для звука и хорошо сохраняют тепло.

Годовой план — к XXII съезду! Строители комбината уверены, что выполнят свое обещание. Взять хотя бы коллектив коммунистического труда, которым руководит коммунист Игорь Скачков. Эта комплексная бригада — 25 человек — строит комбинат от самого фундамента. Пришлось стать мастерами на все руки: каждый из 25 — и плотник, и каменщик, и арматурщик, и бетонщик, и монтажник.

Г. КОПОСОВ
Фото автора.

Петропавловск-Камчатский строится.

Одесса

ИХ ЖДУТ ХЛЕБОРОБЫ

Поблескивая свежей краской, на заводском дворе стоят только что вышедшие из сборочного цеха новенькие зернопогрузчики. Их ждут хлеборобы Целинного края. Компактная, легкоуправляемая машина обладает высокой производительностью: за один час нагружает в автомобили до ста тонн зерна. Если понадобится, ее легко использовать для перевозки зерна, удобрений, горючего, воды и других грузов. Дело в том, что зернопогрузчики смонтированы на самоходных шасси Харьковского тракторосборочного завода, снабжены кузовами и съемными электромоторами. Недавно на одесском механическом заводе собран 1400-й зернопогрузчик.

В подарок предстоящему XXII съезду КПСС заводской коллектив выпускает из сэкономленных материалов двадцать таких машин сверх плана.

К. ПЕТРОВ
Фото Г. Викторова.

Минск

Золотые руки

Так зовут минские тракторостроители Евгения Ивановича Климченко. Слесарь-лекальщик шестого разряда, он трудится на мерительном участке инструментального цеха.

Нужно отремонтировать, наладить универсальный или инструментальный микроскоп, оптиметр или оптикатор, делительную головку или любой другой оптический измерительный прибор высокой точности — все знают: никто так быстро и хорошо не сделает этого, как Климченко. Его мастерство обеспечивает бесперебойную работу десятков станков и механизмов почти всех цехов предприятия.

Коммунист, член парткома завода, Евгений Климченко особенно с большим вдохновением трудится сейчас, встречая съезд родной партии.

В. БОРУШКО
Фото В. Китаса.

Астрахань

Астраханские рыбаки, готовясь к съезду партии, значительно перевыполняют план добычи осетровых рыб.

На снимке: на Оранжерейном рыбоконсервном комбинате.

Фото Б. Львова.

У подножия Эльбруса

Высокогорная база для туристов и альпинистов будет сооружена у Эльбруса. «Наше обязательство — выполнить годовой план к XXII съезду КПСС»,— говорят строители.

Фото Л. Бородулина.

Свердловск

Волжский ток—Уралу

На подстанции Южная в Свердловске установлено оборудование для приема электроэнергии от Волжской ГЭС имени Ленина: масляные выключатели и трансформаторы напряжением 500 тысяч вольт!

Прошло уже более двух лет, как по новой тысячекилометровой магистрали волжский ток впервые пришел на Урал. С тех пор с берегов великой русской реки принято около трех миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии...

Недавно на Южную вновь пришли строители, начался монтаж оборудования второй очереди. Дополнительные миллионы киловатт-часов электроэнергии с Волжской ГЭС получат города и предприятия индустриального Урала в дни работы XXII съезда партии. К этому сроку строители обязались сдать в эксплуатацию новый участок подстанции.

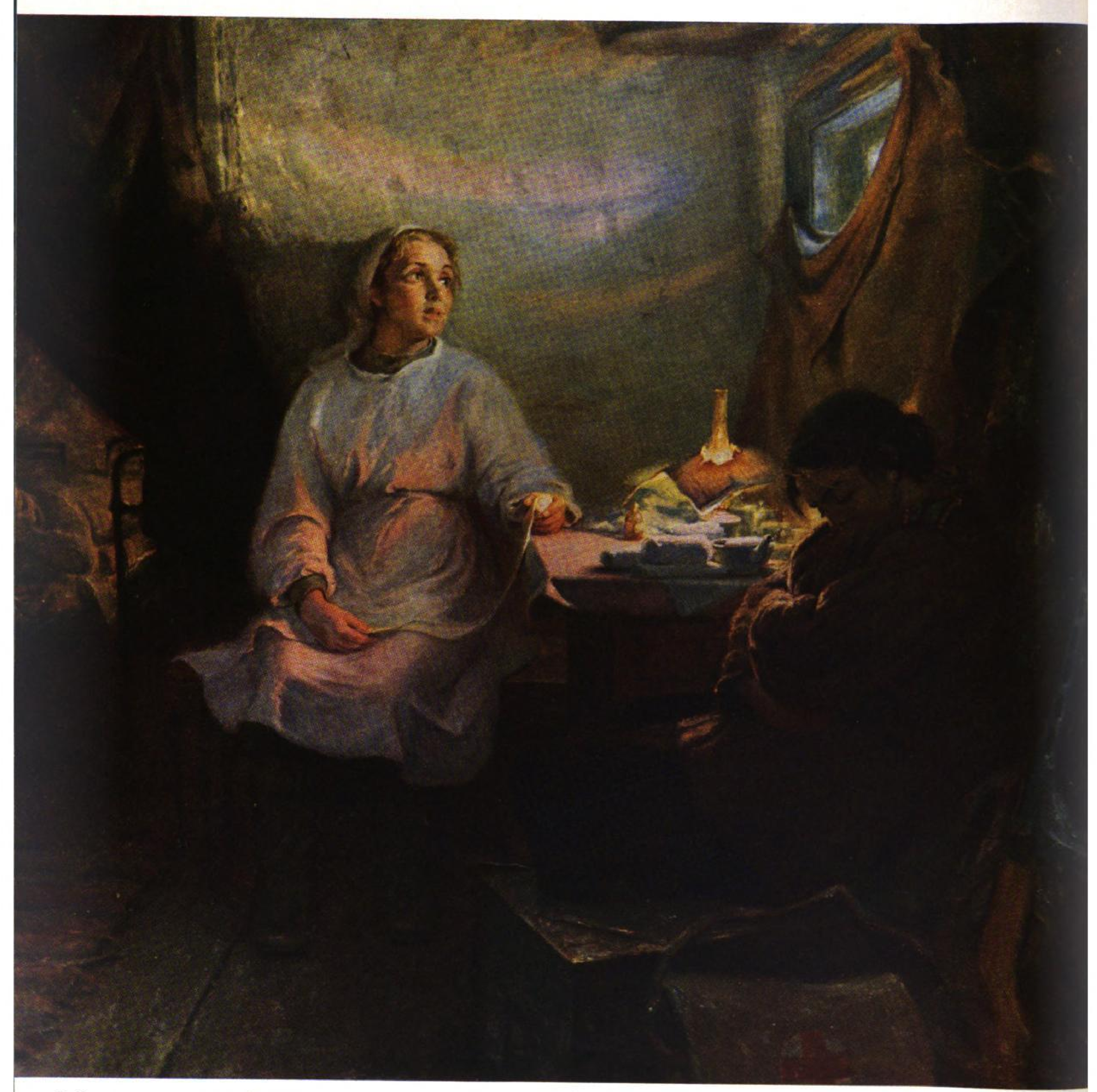
А. ГРИГОРЬЕВ

На снимке: масляные выключатели напряжением 500 тысяч вольт, изготовленные на заводе «Уралэлектроаппарат», монтирует бригада И. А. Журавель.
Фото И. Тюфякова.

В. Полтавец. АТАКА ОТБИТА.

В. Дмитриевский. ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ.

Б. Неменский. МЕДСЕСТРА МАШЕНЬКА.

Вспоминает Борис Пророков

— В начале войны,— рассказывает художник,— я получил назначение на Ханко, или Гангут, как назывался полуостров еще в петровские времена.

В ходе войны я то и дело встречал на Балтике, Черном море, в Берлине и Порт-Артуре кого-нибудь из гангутцев. Но сейчас мне хочется,— говорит Борис Иванович,— рассказать о самой последней, на сей раз заочной встрече с одним из славных защитников полуострова Ханко, не знавшего ни одного поражения... Весной этого года через «Комсомольскую правду» я получил письмо, которое меня глубоко взволновало.

Письмо в голубом скромном конверте лежит на виду, на письменном столе. Художник протягивает его мне. Я читаю:

«Дорогой мой друг!

Я осмеливаюсь Вас так называть потому, что я помню Ханко, «Красный Гангут» и «Гангут смеется» [1]. Я помню письмо Маннергейму, эвакуацию. Словом, я был на Ханко. Эвакуировался на корабле «И. Сталин». А все, кто был на Ханко, пережили эвакуацию. Мне дороги мои друзья. Вероятно, и каждый думает так.

О себе. Был в плену. После освобождения служил в армии. Заочно окончил педагогический институт, теперь работаю директором школы рабочей молодежи № 1, г. Верещагино, Пермской области.

Ученики нашей школы — это дети тех, кто погиб, пропал без вести, сгорел в пламени войны; дети тех, кто домой пришел калекой. Мои учащиеся — это те, кто был оторван войной от учебы, литературы и искусства.

Потому в меру своих сил наш учительский коллектив стремится дать учащимся наиболее широкое представление об искусстве, развить их кругозор. Мы периодически организуем в школе выставки репродукций картин художников и хотели бы организовать выставку репродукций Ваших картин.

Нам они нужны. Учащимся нашим нужны, рабочим нужны! Очень надо! Поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой выслать репродукции Ваших картин, особенно серию «Это не должно повториться».

В этом году исполняется 20 лет обороны Ханко. На Ханко я был телефонистом, и по службе своей я бывал в полку Симоняка, в батальоне Сукача, в отряде капитана Гранина. У меня было много друзей — моряков и пехотинцев. Очень хочется знать, как сложилась их судьба.

Вместе со мной в плен попал мой командир, старший лейтенант Ярошевский (батальон связи). Вот это был коммунист! Где он теперь?

Не знаю, как это сделать лучше, но встреча участников обороны Гангута нужна...

С приветом — Чертков Александр Федорович».

Борис Иванович продолжает:

— Я уже сказал, что это письмо меня очень взволновало. Дело в том, что я эвакуировался с полуострова Ханко на том же самом корабле, о котором пишет Александр Чертков. В одном из блокнотов военных лет я нашел запись, сделанную через несколько дней после происшедших событий...

В руках у художника самодельно переплетенная, с жесткой обложкой небольшого формата тетрадь из ватмана. Записи мелькают в ней вперемежку с зарисовками, сделанными где пером, где карандашом. Вот одна из записей Бориса Ивановича:

«1 декабря вечером наш турбоэлектроход «И. Сталин» снялся с якоря. Это большой, новый пассажирский корабль водоизмещением 10 тысяч тонн. Он пришел в числе других за нами из Кронштадта. К «гражданской команде» корабля на время переброски войск с Ханко были еще назначены военный командир и комиссар.

Всех пассажиров разбили на команды. Меня назначили начальником команды, состоящей из матросов, солдат и офицеров, работников типографии, редакции, Дома флота. Больше тридцати человек. Я отвечал за то, чтобы все они были доставлены в Ленинград.

Корабль, кроме людей, вез в блокированный Ленинград наши запасы продуктов. Все палубы уставлены людьми, вперемежку с пулеметами и мешками муки. Каюты переполнены, по шестнадцать человек втиснуто в каждую.

Перевалило уже за полночь, когда грохнул первый взрыв и весь корабль содрогнулся. Вскоре — второй взрыв. Мины?..

Эсминец подошел к нам, чтобы взять корабль на буксир. Но это сделать не удалось, т. к. якорная цепь, упав в воду, взорвала еще одну мину.

Взрывы следовали один за другим. Наш кубрик наполнился едким пороховым дымом. Вода уже не шла из крана, погас свет, была невыносимая духота. Новый взрыв. Ясно, что это уже не мины.

Я вышел на палубу. Ночь лунная, безоблачная. Ветер и шторм. Видимость хорошая,— береговая артиллерия с финской стороны обстреливала наш корабль.

Первые раненые. В коридорах и на трапах лежат серые, бесформенные фигуры, люди стонут, просят о помощи. Пол стал скользким от крови.

Раненых все больше и больше. Санчасть не справляется, и наша команда освобождает каюты, размещает в них пострадавших.

Многие бросаются в ледяную воду, думая, что корабль тонет. Но судно, как говорят моряки, «село на банку», т. е. уперлось килем в отмель и затонуло только частично.

Всем кораблям, шедшим также с Ханко, дан приказ принять на борт людей с нашего турбоэлектрохода.

Заметив, что комендант корабля спрыгнул на катер, наша команда взяла на себя обязанность по поддержанию порядка. Мы единодушно решили не покидать борт корабля, пока не спасем хотя бы тяжелораненых.

Это было трудно, т. к. корабли из-за сильного шторма не могли останавливаться и только медленно проходили вдоль нашего борта. При этом люди, чтобы спастись, прыгали и с нижних и с верхних палуб. Иные, не рассчитав прыжка, оказывались в воде, и многие погибли в ледяной пучине. Но очень и очень многие спаслись.

Все реже и реже появлялись суда. И под утро, получив приказание покинуть борт корабля, мои товарищи вместе с другими прыгали на подошедший тральщик.

На рассвете посчастливилось спастись и мне. Нужно было прыгать с порядочной высоты, среди невероятной давки. Посадив нескольких человек, я кинулся за борт сам. Вахтенный матрос тральщика схватил меня за ногу и втащил на скользкую палубу. Если бы не он, волна сбросила бы меня в море. Одна или две секунды промедления — и было бы поздно.

На нашем терпевшем бедствие корабле еще оставалось много людей. Что будет с ними? Уже наступало утро, и оказывать помощь становилось опасно.

Эта мысль не давала покоя. Даже тогда, когда мы, мокрые и голодные, радостно кидались в объятия, находя друг друга на скалистом острове Гогланд, не переставала точить мозг тревога за тех, кто остался на корабле. Тревожил вопрос: «Что будет с ними?»...

На этом обрывается запись Б. И. Пророкова в военном блокноте.

— Эта тревога тем более усилилась, когда на острове Гогланд, куда нас высадили,— продолжает художник,— я услышал самые разноречивые толки о судьбе нашего потерпевшего бедствие корабля. Один офицер сказал даже, что наши катера и самолеты, вышедшие к месту происшествия, не обнаружили корабля и что поиски продолжаются.

На протяжении всей войны этот вопрос не переставал нас мучить. Ходили слухи, что на корабле оказался предатель и днем, когда подошли немецкие катера, кто-то их приветствовал. Мы этому мало верили, а больше верили рассказам о том, что немцы были встречены огнем автоматов и винтовок.

И все же финал эпопеи с турбоэлектроходом «И. Сталин» все время оставался для нас тайной.

В 1944 году по пути к Таллину в дни боев за его освобождение наша грузовая машина на несколько минут остановилась возле какого-то поселка. К нам подбежали несколько человек, необычайно возбужденных. Это были наши солдаты: их только что освободили из немецкого лагеря для военнопленных, который находился поблизости.

Один из них был с острова Эзель. В коротком разговоре о пережитом и о том, с какой надеждой и верой ждали они прихода наших частей, эти незнакомые люди спешили поделиться с нами своей радостью освобождения. Я спросил у них, нет ли в их лагере кого-нибудь с Ханко. Один паренек сказал, что у них есть ребята с турбоэлектрохода «И. Сталин», и побежал, чтобы позвать кого-нибудь из них. Но в это время грузовик тронулся вперед к Таллину; я не мог остаться. Мне успели лишь сообщить, что наш корабль и доныне стоит на банке. Больше ничего нового мне тогда узнать не удалось...

Вот почему с почти священным трепетом читал я строки письма Александра Черткова — первого человека, который, вероятно, сможет мне рассказать о дальнейшей судьбе людей, оставшихся на корабле.

Б. И. Пророков сообщает, что он послал Черткову репродукции со своих рисунков для выставки в его школе и попросил Черткова рассказать все, что он знает об

[1] Автор письма имеет в виду издававшуюся на Ханко военную газету и ее юмористический отдел.— **Ред.**

Рисунок Б. И. Пророкова «Спасение раненого». Набросок из дневника. Декабрь 1941 года.

этом трагическом эпизоде эвакуации.

И вот от Александра Черткова получено второе письмо. Оно гласит:

«Дорогой Борис Иванович!

Спасибо за открытки, альбомы, отзывчивость, за любовь к людям! Мы думаем 23 мая открыть в школе выставку репродукций Ваших картин. Сейчас группа энтузиастов занята подготовкой школьной выставки.

У меня живет в памяти офицер, руководивший эвакуацией раненых на тральщике. Оказывается, этим руководителем были Вы. Трудно представить, что порядок на гибнущем корабле навел газетчик (не обижайтесь, хорошее это слово, гордое). Я и детям расскажу, как газетчики спасли жизнь сотням людей. Пусть они будут благодарны им и Вам.

М. Дудина помню. Точнее, голос его. Почему-то именно запомнился его голос. Читаю почти все, что он печатает. Если будете ему писать, черкните, что за его творчеством следит неизвестный ему солдат с Гангута. Пусть знает, что таких неизвестных еще много...»

Борис Иванович прерывает чтение и рассказывает:

— Поэт Михаил Дудин, тоже гангутский солдат, был в нашей команде, показал железную дисциплину, необычайную отвагу и огромное чувство товарищества. Я думаю, что еще появятся стихи Дудина об этом трагическом и в то же время героическом событии...

Чертков далее пишет:

«В сорок первом мне было всего двадцать, многого я не знал и не понимал. Вот то, что сохранилось в памяти, я Вам расскажу.

Хорошо помню последний тральщик. Мы еще ждали... Ждали наших самолетов... Надеялись...

Утром стало ясно, что помощь оказать не смогут.

Запомнилось. Корабль кренился на один из бортов, мы переходили на другой. Если крен увеличивался настолько, что устоять на палубе было невозможно, люди ложились, плотно прижавшись друг к другу.

Корабль оказался на отмели.

Днем подошли немецкие корабли. Пристрелялись. Несколько снарядов попало на палубу. Раненых много. Никто не обращал внимания на разрывающиеся снаряды, никто не прятался от осколков. Невредимые оказывали помощь раненым.

Я очень хорошо помню, когда над кораблем поднялась белая простыня. Предательство!.. Люди, разъяренные, готовые отдать жизнь, чтобы спасти честь воина, честь корабля, начинают палить в белую тряпку. Тысячи выстрелов, сотни автоматных очередей изрешетили ее, превратили в клочья, упавшие в море. Говорили, что был убит и выброшен в море помощник капитана, поднявший белый флаг.

Началась подготовка к высадке на берег. Люди снимали двери с кают, строили плоты и отправлялись в плавание. Такой плот сделали и мы. Но плыть не удалось. Буквально в 200—300 метрах от корабля взрывная волна сбросила нас в воду. Я вернулся на корабль. Тут у меня вышибло сознание. Упали, вероятно, корабельные надстройки. Видимо, это длилось недолго. Я снова плыл. Много нас плавало так... А немцы с катеров арканами и «кошками» вылавливали нас...

Судьба многих гангутцев с турбоэлектрохода «И. Сталин» сложилась, видимо, так же, как у меня. Большую группу гангутцев, снятых с корабля, отправили разминировать полуостров. Офицеров от нас отделили и увезли в другой лагерь.

Вот, Борис Иванович, и все, что я могу рассказать о последних часах пребывания на корабле. Потом был лагерь военнопленных...

Вы, думаю, поймете, почему я высоко ценю Вашу серию «Это не должно повториться».

Я напомнил Вам о войне. Прошу Вас, очень прошу: будьте мужественны, не волнуйтесь. Одержите еще одну победу — победу над болезнью!

Большой привет Вашей семье. Привет гангутцам. Будьте здоровы! Уважающий Вас А. Чертков».

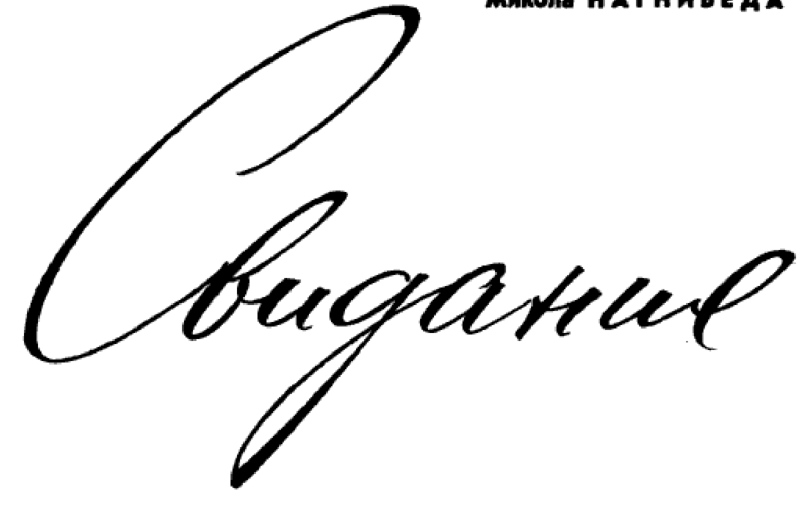
— Мне захотелось,— заканчивает Б. И. Пророков,— чтобы о страшных испытаниях, необычайном упорстве и мужестве молодого телефониста Черткова, бывшего солдата с Ханко, знал не только я. Мне захотелось рассказать о том, каким единодушным протестом встретили самую мысль о капитуляции израненные, окровавленные люди, которых могли полонить только насильно, «кошками» вылавливая их, обессилевших, из ледяной воды...

Я был счастлив, что получил это письмо. Пусть через двадцать лет, но я узнал правду о том, что гордое имя гангутцев не было посрамлено даже при самых тяжких испытаниях, выпавших на их долю в первые месяцы войны...

Прощаясь, художник Б. И. Пророков просит передать через «Огонек» его боевой привет всем соратникам по обороне полуострова Ханко.

Еф. БОРИСОВ

Микола НАГНИБЕДА

Памяти Героя Советского Союза Яна Налепка.

Из словацкого предгорья
К нам, на Украину,
Мать приехала седая
Поклониться сыну.

Нелегка была дорога —
Шла через Карпаты
На Полесье, на Полесье,
До сыновней хаты.

Провожали от границы
Мать в края лесные
Партизаны-генералы,
Воины седые.

А в дороге шла беседа
Про Налепка Яна...
И на сердце материнском
Давней скорби рана.

Много лет уж мать родная
Не видала сына.
Только знала: полюбилась
Янке Украина.

В тихом Овруче на встрече
Было много люда.
Поклонилась мать народу:
— Я родной вам буду.

И пошла среди людей,
Не тая тревоги,
Аж до самого конца
Всей своей дороги.

И увидела она...
Встреча долгожданна...
Обняла, поцеловала
Бронзового Яна.

До зари они вдвоем
Вспомнили немало:
Горы Татры и луга,
Что у перевала,

Рубчик первой борозды,
Вычерченный в поле,
Песню первую, что пел
Хлопцем на раздолье,

И ту первую любовь,
Те девичьи очи,
Ночи грозные войны,
Бессонные ночи.

Перед утренней зарей
Мать пропела сыну
Колыбельную его —
Песню соловьиную.

И от братьев передала,
От сестры приветы...
Не заметила разлива
Синего рассвета.

А рассвет струился тихо,
Луг накрыл туманом...
Вдруг дивчина-полесянка
Стала перед Яном.

И букетик росных роз
Яну подарила.
— Кто ты, девушка, ему? —
Тихо мать спросила.

— Я зовусь его сестрой...
С братьями-бойцами
Здесь, в отряде партизанском,
Он ходил лесами.

Так сказала и ушла
В марево тумана...
Бородатый полещук
Поклонился Яну.

— И вы знаете его? —
Мать слезу глотает.
Удивился полещук:
— Кто ж его не знает!

Вместе с сыном он моим
Шел на запад с боем,
Край полесский вызволял
и погиб героем...

К Яну школьники пришли
Русы и курчавы.
Молча смотрит детвора
В очи вечной славы.

Уж не спрашивает мать,
Кто они герою...
Все, что видела, она
Увезла с собою.

На обратной на дороге,
Где-то в Татрах синих,
Вновь послышался родимой
Дальний голос сына:

— Слышишь, мама?
Не спросил я
В краткий час свиданья,
Как живет моя Мария,
Помнит ли о Яне?
Слышишь, мама?
Поклонись ты,
Коль придешь в Смежаны,
Золотым долинам детства,
Юности курганам.
Слышишь, мама?
Не печалься
С дочерью, сынами:
Полесяне и словаки
Стали земляками.
В Банской Быстрице,
родная,
Где ветра, как песня,
Поклонись ты партизану —
Хлопцу из Полесья.
Ты постой подольше, мама,
Над его могилой...
Слышишь, мама?..
— Да, сыночек,
Слышу, слышу, милый!

Авторизованный перевод с украинского Бор. Палийчука.

Прага — Киев.

Делегация Ковентри в Сталинграде возлагает венок на могилу советских воинов.

Галина ШЕРГОВА

ПЕПЕЛ И ТРАВЫ

I

Каменный Шекспир казался розовощек — вероятно, стратфордский «Трест шекспировского места рождения» считал своим долгом поддерживать лубочную неувядаемость на лике усопшего земляка. Шекспир смотрел из гранитного квадрата надгробья, прилепившегося к стене церкви святой Троицы, как смотрит мастеровой, открывая по утрам окно в садик.

Энтони никогда не мог примириться ни с этой косметикой мертвого гения, ни с тесными створками каменного окна. Поэтому он не заходил в церковь, хотя уже по меньшей мере двадцать лет Энтони каждую субботу приезжал в Стратфорд. Белые домики, разлинованные черными клетками балок, походили на страницы ученических тетрадей, и Энтони научился читать по ним все события мемориального городка.

Энтони казалось немыслимым прожить без серого гребешка могильных плит, толпившихся вокруг церкви, без розоватых цветов, висящих на мосту и заглядывающих в невозмутимые воды Эйвона, без флегматичных лебедей, с презрением косящихся на лодки. Он любил даже желтые колени бронзового Фальстафа. Веселый собутыльник принца Гарри поднимал свой непустеющий металлический бокал в соседстве с чугунной леди Макбет, трущей руки у подножия шекспировского памятника. Колени Фальстафа были отполированы экспансивными туристками, фотографирующимися в обнимку с изваянием жизнелюбца.

В конце концов это — дело туристок. Энтони лично никогда бы не панибратствовал с Шекспиром. И «его» Шекспир не был розовощеким горожанином. Поэт Энтони Топпера поволевал бурями человеческого сердца, ему подвластны были добро и зло, противоборствующие в мире. Но Энтони был твердо убежден, что мудрость рождается не в крови: конечно, только заблуждения молодости заставили великого стратфордца выволочь в «Тите Андронике» тридцать четыре трупа на сцену.

Именно безмятежная зелень Стратфорда-на-Эйвоне и влекла Энтони, когда в субботу, покидая заводской поселок на окраине Ковентри, он приезжал сюда, чтобы подумать, сидя в церковной ограде.

Может, начнись иначе жизнь Тони Топпера, он сам был бы иным и в тот день, когда я встретила его у стратфордской церкви, не сказал бы мне:

— Кто из нас вправе ответить Гамлету: «Быть или не быть?» Ведь сегодня этот вопрос касается целой планеты...

Жизнь с самого начала обрекла Тони на раздумья.

Джеймс Топпер был одним из самых высоких, самых толстых и самых веселых жителей Ковентри. Таким, во всяком случае, отец казался Энтони и его пятерым братьям. Теперь, много лет спустя, Тони склонен думать, что фрезеровщик-автостроитель завода «Стандард моторс» Джеймс Топпер был не очень-то изобретательным весельчаком, но это значения не имеет. Во всяком случае, каждое воскресенье, когда семья сидела за столом, Джеймс, описывая пухлым пальцем кружок в воздухе, говорил одну и ту же фразу:

— Я думаю, что мы можем претендовать на вторую порцию десерта. А почему?

— О ханни! — всплескивала неизменно руками миссис Топпер. Она всегда звала мужа этим ласковым словом.

И тогда один за другим, по семейному ритуалу, поднимались мальчики и отчеканивали:

— Потому что мы ковентрийцы, а Ковентри — лучший город Англии.

— Потому что часы, сделанные в Ковентри, самые точные.

— Потому что здесь построен первый английский автомобиль и первый бензиновый двигатель.

— Потому что у нас старейшая текстильная промышленность.

— И самый замечательный собор,— вставлял кто-нибудь не по плану, а отец заключал:

— Потому, что мы рабочие люди. А значит, нас надо уважать и добавить нам десерта.

— Ох, ханни! — заливалась миссис Топпер и шла в кухню.

Как бы то ни было, с детства это приучило Тони к двум истинам: все в жизни неизменно, и человек рождается, чтобы трудиться.

У семьи Топперов была небольшая квартира, и мальчики спали по трое в комнате. Перед тем, как заснуть, Тони смотрел на две кровати у противоположной стены и на портрет отца над ними.

В ту ночь, с 14 на 15 ноября 1940 года, он проснулся оттого, что кто-то с грохотом тряхнул его. Открыв глаза, он увидел в рыжем отсвете пламени стену противоположного дома: ни кроватей, ни портрета, ни соседних комнат не было. И только чудом прилепившаяся к остатку пола его собственная кровать трепетала над грудой кирпича — точно диковинная лодка, зацепившаяся за небо.

В ту ночь налет гитлеровской авиации похоронил под обломками четырех тысяч домов неизменный порядок жизни и наделил людей новыми именами: «вдова», «сирота», «калека».

Я сказала, что жизнь с детства обрекла Тони на раздумья. Пожалуй, это не так. После громыхающей, смертоносной ночи Тони, помещенный в частный приют, несколько лет вообще не мог думать: перед ним стояла только дымящаяся громада кирпичей, в черном чреве которой, вероятно, спали мать, отец и братья, спали на своих постелях.

Так рухнула первая истина незыблемости, усвоенная Тони. Однако вторая торжествовала: полуразрушенный город трудился, и даже в разверстых цехах, похожих на вскрытые консервные банки, стучали станки.

В приюте тоже трудились: мальчики и девочки вышивали на носовых платках для фронтовиков необъятные и заклинающие слова: «Победи и вернись!» Тони боялся этих слов: к нему уже никто и никогда не мог вернуться.

Единственным близким человеком Тони, оставшимся в живых, была сестра матери — тетя Джоан. Она жила возле текстильной фабрики, где работала. Когда Тони остался один, тетя Джоан хотела взять его к себе, но Тони предпочел остаться в приюте: тетка все время плакала и говорила только о погибших, это было невыносимо. Однако на уик-энд он приходил к тетке и, чтобы заставить ее замолчать, читал ей вслух, пока та хлопотала по дому.

Тетка просила читать всегда одну и ту же книгу — легенду о леди Годиве. Некогда супруга жестокого графа Ковентри согласилась проскакать обнаженной по городу, чтобы этим позором спасти горожан от жестоких репрессий мужа. Леди Годива и по сию пору продолжала свою бесконечную и неподвижную скачку на бронзовом коне, прикрытая бронзовыми волосами.

Однажды, когда Тони в сотый раз заученно читал легенду, тетя Джоан что-то шила. Подняв глаза, Тони увидел, что тетка вышивала свое имя на какой-то странной скатерти, где уже были вышиты сотни других имен. И надпись: «Маленькая помощь лучше большой жалости».

— Что это? — спросил Тони.

— Это подарок от наших работниц Сталинграду,— сказала тетка и, видя, что Тони не понял, добавила: — Это город в России. Он

был разрушен еще больше, чем Ковентри. Но он сражался и спас мир от Гитлера. Этот город был благороден, как леди Годива.

Тетка больше ничего не рассказала, но с тех пор Тони все время думал и думал о почти фантастическом для него русском городе. Он представлял его похожим на Ковентри и даже был уверен, что и там есть разрушенный собор, где у разбомбленного алтаря спят чугунные изваяния святых, похожие на жертвы бомбежки. Тони стало казаться, что где-то там, в Сталинграде, живет мальчик, почти его двойник, с точно такой же судьбой. И он тоже ходит в обнаженный собор.

Во время войны ковентрийские школьники собирали деньги на приобретение рентгеновских установок для Красной Армии. И Тони тоже ходил по домам. Русским ребятам посылались игрушки. У Тони не было игрушек. Ведь нельзя же считать игрушкой плюшевого мишку Тедди, которого он держал в сонных объятиях в ту последнюю домашнюю ночь! Тедди был живым существом, самой сильной привязанностью Тони. Но именно потому только Тедди мог стать теплой, реальной связью между Тони и его сталинградским двойником. Тедди был отослан в Сталинград. И впервые за много лет Тони ощутил что-то похожее на радость.

Наверное, два обстоятельства определили выбор Тони, когда, повзрослев, он пошел работать на тракторный завод «Фергюссон». Завет отца да еще то, что и в Сталинграде был тракторный завод,— все эти годы каждая встреча со словом «Сталинград» имела для Тони свой волнующий, личный смысл.

...Он не подошел к этим людям, он слишком волновался. Но весь завод с утра был взбудоражен известием: приехали сталинградцы. И когда по цеху шли эти люди, а рядом рабочие кричали: «Ура! Товарищи!»,— Тони только напряженно всматривался в их лица: ведь они могли знать его двойника. Потом он смотрел, как весело сел за руль «Фергюссона» директор Сталинградского тракторного Иван Синицын.

Тони поехал за гостями и в Стратфорд. Русские не взбирались на колени Фальстафа. Они рассказывали о шекспировских пьесах, которые шли в Советском Союзе. А потом один из них сказал:

— Да, не хватает Шекспира, чтобы воссоздать страсти и бури нашего века.

Тогда же Тони увидел Сталинград. Город пришел к нему в переполненном зале ковентрийской мэрии, где на экране повторилась бессмертная эпопея. Солдаты ложились грудью на доты, они падали вместе с домами. Рядом с Тони какая-то женщина плакала громко, не стесняясь. Только теперь он увидел воочию, какой ценой было куплено спасение мира. Куда там леди Годива!

Погас экран, и через минуту каменная тишина взорвалась криком: «Ура! Сталинград!» Все встали и начали скандировать: «Ста-лин-град! Ста-лин-град!»

А Тони, беззвучно шевеля губами, повторял слова того русского о Шекспире.

* * *

Я не знаю, почему Энтони Топпер разговорился. Вообще-то он был немногословен. Но когда он поднимал на вас свои ярко-зеленые, широко расставленные глаза, вы понимали, сколько слов скрыто за ними.

Однако, сидя со мной в ограде стратфордской церкви, он говорил вслух, медленно, будто проверяя себя:

— В Стратфорде мне кажется, что я смогу написать книгу, в которой объясню миру надвигающееся безумие войны.

Раньше я ее даже представлял точно: это книга о Сталинграде и Ковентри — о пепле и травах у могильных надгробий. О самых разных вещах — о той ночи в Ковентри и о дне, когда Сталинград спас мир. О ковентрийце Эдварде Макгарри, который привез из России горсть сталинградской земли, чтобы она стала его совестью. О сестрах Шарк, которые ездили из Ковентри в Олдермастон, чтобы бороться против атомного вооружения. И о друге Сталинграда Маргарет Грим — пожилой женщине, вышедшей с плакатом против войны на площадь Ковентри. У нее погибли все, как у меня...

Внезапно с реки донесся свист, и мы подняли головы. На берегу, как нелепое горбатое животное, пасся, уткнув нос в траву, алый автомобильчик, а на его крыше плясала какая-то девица в коротких брючках из шотландки. Вокруг улюлюкала компания ее подвыпивших сверстников.

Тони посмотрел на меня, и голос его дрогнул:

— Вот именно. И это в Стратфорде! Я и подумал: к кому я обращу свою книгу — к этим юнцам, которые изнывают от восторга и зависти перед каким-нибудь Клифом Ричардом, потому что тот в 19 лет стал джазовым богом? Они горды, что они самое богатое в истории Англии поколение подростков: тратят три миллиона фунтов в день! В лучшем случае газеты делают героиней времени Джоан Трейвис из Сканторга: она, видите ли, в восемнадцать лет умудрилась стать директором мануфактурного магазинчика. Предел мечтаний.

А другие сопляки считают себя разнесчастными, потому что у них в Харллоу или Брекнелле, кроме бара, некуда деться. Один тип из Кролли заявил даже, что когда закрываются магазины, город становится городом привидений. Им нечем жить, они не умеют ни думать, ни чувствовать. И этому поколению предстоит решить: «Быть или не быть планете?»,— когда ей снова предстоит тонуть в крови? Нет, писать книгу о благородных идеалистах — значит стать напомаженным, розовощеким Шекспиром. Только без его гениальности.

И в общем становится все равно.

II

Прошел почти год со времени нашего разговора с Тони, когда совсем недавно я приехала в Сталинград.

Я помню его в весну 1943 года, когда он, выглядывая через голубые глазницы землянок, смотрел на нависающие над ними скелеты улиц. Я помню обугленный берег Волги и расстрелянные деревья. Казалось, жизни закрыта дорога сюда. И тогда — я помню, как защемило у меня сердце,— среди толпы мертвых деревьев я увидела калеку-яблоню. С черными культяпками ветвей, она стояла, протягивая к воде единственный уцелевший побег, и, точно в руке, бережно держала на нем распустившийся чудом цветок.

Через пять лет весь город напомнил мне эту яблоню: он упрямо сохранил биение жизни в своих поднимающихся улицах.

Сейчас я не нашла даже примет того Сталинграда в городе, раскинувшем широкие проспекты и бросающем гранитный шлейф лестницы к Волге, разговаривающей десятками своих речных голосов.

Он был очень красив, этот статный город, издали почти напоминающий абстрактный рисунок: у желтовато-розовых квадратов зданий бело-розовые взрывы цветущих яблонь и зеленые полосы бульваров, линующие проспекты.

Город вытянулся вдоль реки на десятки километров и к довоенным именам районов — Тракторный, Красный Октябрь, Баррикады — прибавились новые: Алюминиевый, ГЭС, Волжский. Там, у новой гидростанции, предстоит жить в степи еще многим заводам.

Над площадью световая газета, подаренная Сталинграду чешскими рабочими Остравы, рассказывала новости, и на следующий же день пребывания в городе рождалось ощущение, что поток сталинградских событий так же бежит, светясь, у тебя перед глазами.

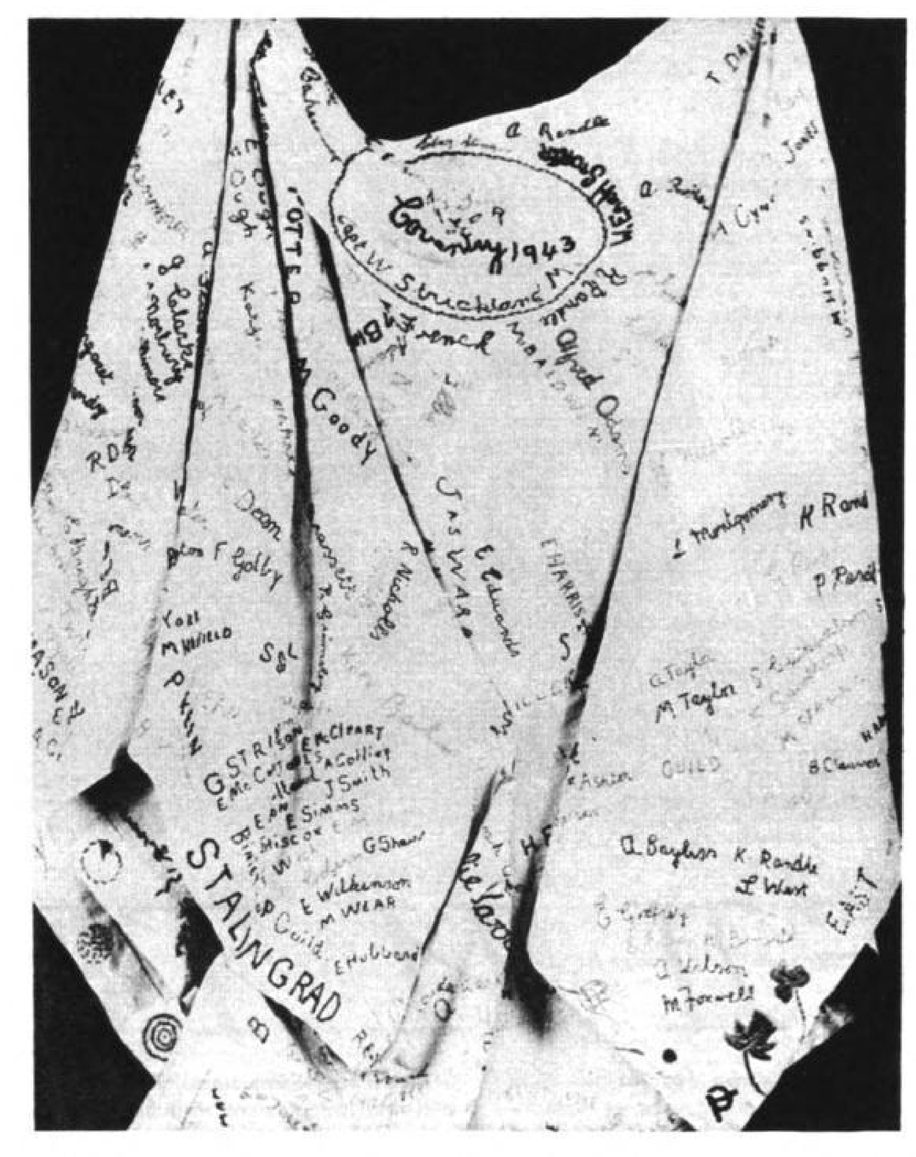
Он был очень озабочен, этот город: он торопил тракторостроителей сдать на конвейер новый мощный трактор — в счет второго миллиона тракторов, выпущенных здесь. Этих тракторов ждали поля алтайской целины и Вьетнама. Город следил за механиком стана «750» Афанасием Куприным, призвавшим завод «Красный Октябрь» сэкономить миллионы рублей, введя для рабочих личные счета экономии. Город торопился отгрузить зарубежным заказчикам сталинградское нефтеоборудование и высококачественные масла. Он учил китайских, грузинских и узбекских металлургов своим методам работы на природном газе.

И я снова подумала о 1943 годе. Тогда в Сталинград страна слала оконные стекла, табуретки, тарелки — все, чем могла поделиться с возвращающимся к жизни героем. Как щедро вернул город стране и миру эту помощь! Видимо, чувство дружбы и братства вошло в кровь этого города.

Он бережно сохранил и дружбу с английским военным побратимом: Ковентри по-прежнему занимал мысли Сталинграда.

...Я придумывала письмо Тони Топперу на Мамаевом кургане, где вечный сон его защитников охраняет богиня победы в бронзовой гимнастерке и сапогах, с бронзовым лавром в бронзовых руках. А у подножия дышат заводы, шагают линии высоковольтной передачи, и, как на старой, размытой фотографии, маячит в тумане город Волжский.

Я произнесла про себя: «Я видела в Сталинграде, Тони, и меч, подаренный городу королем Георгом VI, и герб Ковентри, и десятки писем и телеграмм — от первого письма ковентрийских женщин 1942 года до последних писем этих дней. Когда знаешь оба города в лицо, понимаешь, какой смысл был вложен в 12 тысяч фунтов стерлингов, собранных вашими рабочими для разрушенного города на Волге, и почему,

Эта скатерть подарена сталинградцам работницами ткацкой фабрики Ковентри. На скатерти вышито 830 подписей английских женщин.

стоя недавно на этом кургане, ваш земляк Сидней Стрингер сказал: «Я думаю, что возрожденный город выражает веру советского народа в то, что войне никогда не разрушить наши города».

— Нет, не может быть! — вдруг сказал за моей спиной голос.

Я обернулась. Неподалеку от меня стоял молодой человек в коротком брезентовом плаще, он не смотрел в мою сторону, и я поняла, что ослышалась.

«А разве обращение Сталинграда и Ковентри в ООН в 1954 году с требованием запретить ядерное оружие — это не действенная дружба наших городов? — продолжала я мысленное послание к Тони.— А вы знаете, что в то время, когда мы сидели с вами в Стратфорде, в сталинградском горисполкоме ковентрийцы и сталинградцы обсуждали совместные планы строительства? А знаете, что выставку о Ковентри здесь посмотрели тысячи человек?..»

— Нет, это черт-те что! — снова, уже отчетливо, произнес голос за моей спиной.

— Что — черт-те что ?— спросила я.

И, будто разговор не возник так внезапно, парень ответил словоохотливо:

— Нашел пряжку от своего ремня. Это мне раненый капитан подарил, мы его в 1942 году с Сашкой вытащили от орудия. Видите, гвоздем нацарапано: «Сталинградцу Вите»? — Он протянул мне пряжку.— Тут теперь стали лестницу к сталинградской панораме строить, вот, видимо, и выкопали. Черт-те что! Почти двадцать лет прошло!

Во-первых, прошло почти двадцать лет, а во-вторых, Виктору и было-то всего семь лет от роду, когда все случилось, поэтому память сохранила, как всегда в таких случаях, только зрительно очерченные образы времени.

«Все случилось» — это значит, заводские гудки не здоровались басовито с поселком «Красного Октября», а то и дело стонали тревожно и надрывно. Это значит, не стало дома и вся семья Прихожиных поселилась в мокрой щели у подножия Мамаева кургана еще с двумя такими же бездомными семьями. Это значит, ушел на фронт отец, а Витька стал членом какого-то огромного сообщества людей в гимнастерках, живших в блиндажах у Кургана. Они делили с ним еду, они умирали у него на глазах, когда Витька с дружками тянули раненых на плащ-палатках.

Смерть была всюду. Он почти привык к ней: для ребят из щели не было таинства в этом непостижимом слове, как бывает обычно для их ровесников из «гражданки». Смерть для Витьки — это были стоны, кровь, а уже потом тишина. Может, оттого, когда он увидел мать лежащей у щели, тихонько и смирно прижимающей к груди трехлетнюю Зинушку, он не узнал смерть. Не было ни стонов, ни крови. Только несколько минут спустя под лопаткой Зинушки он увидел тонкую красную ниточку: пуля прошла, соединив навсегда два сердца.

И именно оттого, что такой непохожей была эта смерть, Витька, потрясенный, побрел, ничего не понимая. Он шел почти весь день, всюду рвались снаряды, а он шел и шел.

Он не помнил точно, как его подобрали и переправили за Волгу. Он помнил себя уже в детском доме.

В этот момент рассказа у меня возникло почти мистическое ощущение: вот он стоит передо мной, двойник Тони Топпера. И, вспомнив медвежонка Тедди, я задала, видимо, нелепейший вопрос:

— А у вас были игрушки?

— Игрушки? — не понял Виктор.— Я не играл там. Я любил из вещей только эту пряжку. Потерял я ее в тот день.

И все-таки я была убеждена, что встретила двойника Тони. Ведь и для него пепел дома и смерть близких заслоняли мир перед детскими глазами не один год, ведь и он был сыном детдома. Один из миллионов военных двойников...

Вернувшись подростком в Сталинград, он, подобно Тони, поступил на Тракторный. Но, может, оттого, что в крови его было больше жизнестойкости и оптимизма, прошлое не так мучило его.

Наверное, Сталинград тех лет, Сталинград комсомольцев-добровольцев, приехавших со всех концов страны, Сталинград-строитель поселил навсегда в душе Виктора любовь к комсомольским эшелонам и к городам, возникающим на ровном месте. Он уехал сначала в Норильск, а потом в Братск.

Сейчас он ехал в отпуск на юг и по дороге решил на день-два заглянуть в родной город. Назавтра он двигался дальше.

Мы говорили, и снова, сменяя друг друга, как слова на световой газете, мелькали перед нами лица и жизни наших молодых знакомых сталинградцев. Мы говорили и об обычном рабочем пареньке с Тракторного Иване Аганове, который вечерами, откладывая институтские учебники, пускался в путешествия по странам, мысленно вслушивался в музыку Бартока и Энеску, повторяя вслух строки Тувима и Яна Неруды.

Мы рассказывали друг другу то о белых партах сталинградских школ, решивших стать «спутниками коммунистического труда», то о спорах, которые клокочут в группе «АД-3-57» института инженеров городского хозяйства. Неважно, что студентов этой группы, будущих дорожников, увлекают разные вещи, что для Аиды Аляевой рояль так же важен, как для Виталия Козловского шахматы, а для Володи Легкоступа — живопись. Они могут без конца говорить и об эстетике дорог и французском импрессионизме и разгадывать взаимодействия цвета и техники.

Мы вспоминали вечер в поддержку Кубы в клубе интернациональной дружбы мединститута, и невольно я еще раз подумала о том, как пристально и дружелюбно всматривается этот город в судьбы мира. И вдруг неожиданно, замолчав на минуту, Виктор прервал себя:

— В книгах пишут иногда: «Улица моего детства». А вот у сталинградских мальчишек, моих одногодков, даже улицы такой нет. Все новое. Но почему-то, где бы ни жил, хоть на краю земли, думаешь: живи так, чтобы детство свое не предавать. Куда ж от него денешься?

* * *

Нет, я не стала излагать Тони Топперу историю дружбы двух городов: ведь он, наверное, знал это и без меня. Я даже не стала описывать ему Сталинград, город, подаривший ему величайшее чувство людского единения,—он прочтет о нем в книгах. Мне захотелось рассказать Тони, как я встретила его двойника и как тот не оказался его двойником. Ведь не схожесть судеб, а общность мировосприятия дублирует и сращивает души. И Виктор не стал двойником Тони потому, что ему сопутствовала вера и ответственность за все, что творится вокруг него, как сопутствуют они тем согражданам Тони, которые шли из Олдермастона в Лондон, которые писали гневные письма Кеннеди во время интервенции на Кубе...

И я говорю сейчас: «Слышишь, Тони Топпер! Пепел войны еще долго будет стучать в наши сердца. Но травы прорастают не только у могильных плит. Они заливают зеленым половодьем весенние луга и маленькие газоны у детских площадок. И если кто-то хочет спалить их, а другие равнодушно взирают на это, мы не можем молчать. Равнодушие и неверие сегодня страшнее само́го бушевания злобы. Мы должны верить и сражаться за травы. Мы заплатили за их цветение пеплом нашего детства.

А двойники не подведут тебя, Тони Топпер».

Все великолепно, потому что это правда

В Турине в связи с празднованием 100-летия объединения Италии открыта международная выставка «Человек в труде». Выставка, в которой принимают участие 17 стран и 5 международных организаций, разместилась в специально построенном для этой цели Дворце труда — по проекту известного архитектора Нерви. Сорок тысяч квадратных метров занимает экспозиция.

Советский Союз широко представлен на выставке.

Туринская «Гадзетта дель пополо» писала: «Тема русских включает космический полет Гагарина. На стенде, посвященном ему, показываются фильмы, которые рассказывают о различных этапах подготовки запуска человека в космос. Это похоже на научную фантастику, а на самом деле — реальные факты».

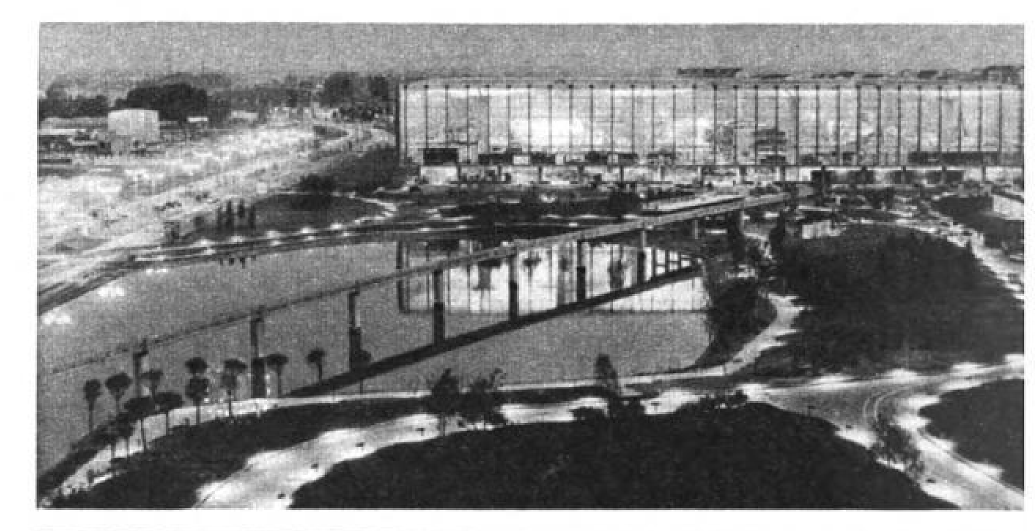
Действующие станки, машины с программным управлением, аппаратура электросчетных машин не могут не привлечь внимания посетителей. Живописные диорамы повествуют о жизни горняков в старом и новом Донбассе, о страдной поре — уборке урожая хлеба и хлопка. А документальный фильм о веселом отдыхе колхозников как бы завершает этот полнокровный рассказ о нашем быте. Киноустановки, фотовизоры, радиопередачи делают экспозицию еще более занимательной. Президент Итальянской Республики Джованни Гронки в день открытия выставки засвидетельствовал «искреннее восхищение интересным и содержательным оформлением секции».

За месяц в нашем павильоне побывал миллион человек, и сколько восторженных слов оставили они в книге отзывов! Правда, это уже не книга, а книги — собрание высказываний об уважении и дружбе итальянского народа к народам Советской страны.

«Русский народ вызывает восхищение. За 40 лет он сумел сделать такое, на что нам потребовался бы целый век. Марио Галлинелла».

Бутарелли Карло оставил такую запись: «Все великолепно, потому что это правда. Возможность увидеть хоть что-нибудь ваше мне кажется счастливым сном. Я желаю еще больших успехов народу Советского Союза».

П. ЧЕРВЯКОВ, директор Советского павильона

НА СНИМКАХ: 1. Международная выставка в Турине. 2. У «механических рук» всегда много народу.

НАДЕЖДЫ И МУКИ ИСПАНИИ

Пьер ГАМАРРА

Рисунки Васкузза де Сола.

Свет и тени Гранады

Покидая Валенсию, я, конечно, мечтал о восьми провинциях Андалузии: Альмерии, Гранаде, Малаге, Хаэне, Кордове, Кадисе, Севилье, Уэльве. Уже сами названия звучат как песня. Этими древними землями с зубчатыми вершинами гор, с низвергающимися на плодородные долины водопадами ледяной воды некогда владели арабы. По дороге из Валенсии, проезжая по красной земле вдоль темных рядов апельсиновых деревьев, все чаще встречаешь арабские названия.

Окруженная белыми, словно дышащими горами, внезапно возникает Хатива. А затем пейзаж сразу меняется. Сухая, цвета охры земля Эльда Пинель. Cuevas—пещеры, выдолбленные в скалах. Пестрые лохмотья висят у мрачного входа в эти норы из камня.

Мы продвигаемся вдоль Сьерра-Невады. Меж трех холмов открывается плодородная долина Гранады. «Это серебряная чаша, полная изумрудов, алмазов, рубинов»,— писал о Гранаде один арабский историк. И мне хотелось бы написать об Альгамбре и Хенералифе, об этих двух жемчужинах Гранады, поведать вам о трудно постижимом совершенстве природы, порожденном сочетанием воды и цветов, рыжих камней и темной зелени.

Альгамбра — это дворец мавров. Он выстроен на одном из холмов Гранады, на Золотой Вершине. «Альгамбра» — в переводе «красный». Так зовется дворец из-за цвета своих стен и башен. В течение дня изменчивое солнце заставляет башни и стены дворца Альгамбры отливать темным или светлым золотом,— из пурпурно-лилового они становятся цвета печеного хлеба, янтарного меда.

Синий бассейн за решеткой древнего гарема; Двор Львов с белыми колоннами, мраморные галереи, украшенные резьбой, комната послов. Под сводом из кедра мраморные узоры воспроизводят затейливую вязь корана. Ни одного изгиба, ни одного дюйма, не отделанного с предельным мастерством и роскошью.

Легенды о любви и смерти населяют в сумерки стены Альгамбры. Некогда во Дворе Львов царь Боабдил приказал умертвить целое племя. Рассказывают, что по ночам, бесшумно скользя по мраморным плитам, сюда приходят убиенные и несут под мышкой свои отсеченные головы. Здесь живут легенды о ревнивых султаншах, об истребленных рабах, о мести и заговорах. И по ночам под арками чудится не дуновение ветра, а стенания и шепот угасших давно голосов.

Эти легенды, как и легенды всего мира,— и вымысел и правда вместе.

Внизу находились залы для отдыха мавританских королей, бассейны и мраморные ложа. Слепые музыканты убаюкивали султанов. Люди с мертвыми глазами не могли видеть обнаженных тел наложниц, сияния цветных стекол, отражавшихся в бассейнах. «Нет муки ужаснее, чем быть слепым в Гранаде»,— гласит древняя поговорка.

— Богачи того времени,— сказал гид,— имели к своим услугам самую изысканную роскошь.

— Они ее и сейчас имеют,— ответил я.

— Да, вы, пожалуй, правы,—согласился мой провожатый.

На всем пути моих испанских странствий я мог убедиться, что нынешние господа, как прежде, владеют сказочными замками, а бедный люд не имеет ни хлеба, ни кола, ни двора.

Крохотный автобус-калека доставил меня на вершину Сакро Монте и в Албесинский квартал Гранады. Это район цыган.

Я отваживаюсь пересечь густую сеть узеньких переулков. Под писк детей в маленькой будочке какой-то кузнец чеканит медь. Налево от меня пещеры — cuevas. Это жилища цыган. На углу улочки обитатели этих нор — четыре женщины в пестрых платьях и мужчина с гитарой — поджидают туристов. Мальчуган, стоявший рядом с ними, уже бежит мне навстречу. Он заискивающе улыбается.

— Цыганские танцы, сеньор? Красивые танцы! Настоящие цыганские...

Меня зазывают и справа и слева: туристов в этом сезоне маловато.

Во всем квартале живут только цыгане и «настоящие» танцоры. Это целое маленькое племя, которое суетится возле своих пещер, словно приклеенных к скале. Внутри этих жилищ «комнаты», темные и узкие, но чисто выбеленные. Эта опрятность и чистота свойственны всем андалузцам. Фасады жалких лачуг тоже два-три раза в год белятся известкой. К счастью, стоит она недорого.

День угасает. Со всех сторон от белых стен лачуг доносятся звуки гитар. Женщины перед входом в пещеры раздувают угли под жаровнями, мальчишки идут по воду — кто с глиняным кувшином, кто со жбаном, кто с бутылками.

Пешком спускаюсь отсюда к Гранаде, где уже загораются неоновые огни. Обсаженные пальмами проспекты, огромные площади и роскошные магазины, большие кафе, множество таверн, несколько казино для узкого круга избранных. За стеклами витрин, не опасаясь любопытства толпы, беспечно беседуют и пьют, погрузившись в кожаные кресла, элегантные сеньоры и знатные господа. Это богатые — аристократы, коммерсанты, крупные владельцы. Чего? Всего.

Здесь, как и повсюду на улицах Испании, слепые продают лотерейные билеты, мальчишки — газеты или папиросы, старухи предлагают миндаль, семечки подсолнуха.

Я прогуливаюсь по очень оживленному пассажу Закатен. Между пассажем и собором расположился старинный арабский базар, где некогда торговали шелком. Улицы словно извилистые щели меж темных и мрачных стен домов. Узорные, красивые балконы повисли над мостовыми.

На следующий день я отправился в деревню Фуэнте-Вакуэрос — на родину поэта Гарсиа Федерико Лорки, убитого в 1936 году.

Трамвай, дребезжа, идет по Андалузской долине. Он останавливается в пяти или шести деревнях, прежде чем добирается до пыльной площади, замкнутой низкими белыми домиками. Почти все пассажиры — сельскохозяйственные рабочие или работницы. Они бедно одеты, худы и опалены солнцем. Я беседую с ними. Всегда одно и то же: земля богатая, а рабочие бедны. Плодородная долина дает хлеб, маслины, вино, а рабочие едят один раз в день.

Какой-то человек подковывает осла поблизости от дома, который я ищу.

— Дом Лорки? Федерико-поэта? Si, senor. Первая улица налево.

Это одноэтажный крестьянский дом. Он не изменился. Вот кухня, узкая и темная, вот двор, в котором Лорка играл ребенком. Вот его комната. Та же дверь из красноватого дерева и тот же засов на двери, что были при нем. На тесном, загроможденном дворе кудахчут куры...

Соседские девушки рассказывают мне о письмах, которые они получают со всех концов света, письмах, в которых расспрашивают о детстве поэта. Они рассказывают, а я думаю о своем. Лорка, любивший свой народ и поэзию, был убит где-то здесь, в этой деревне.

Старые крестьяне сидят в кафе за стаканом воды. Брюки и куртки в заплатах, обветренные лица, натруженные руки. И мне вспомнились слова Лорки, сказанные им более четверти века назад:

«В этом мире я был и буду всегда на стороне бедных. Я буду всегда на стороне тех, кто ничего не имеет и кому отказывают даже в безмятежном обладании этим ничем».

Чаболас

Севилью уже окутывали сумерки, когда я попал на ее улицы. Побродив в центре, я прошелся по широкой, обсаженной апельсиновыми деревьями городской магистрали, обошел вокруг огромного кафедрального собора и башни Жиральда, которая поднялась над собором стометровой грудой камней и кирпича. Совсем недалеко оказалась Ла калле де ла Сиерпес — очень оживленный пассаж с множеством лавчонок и изящных кафе. На этой улице некогда возвышалась тюрьма, в которой Сервантес задумал своего Дон-Кихота.

Оставив позади себя роскошные кварталы, спускаюсь к Гвадалквивиру. С широкого моста я приветствовал древнюю Золотую Башню, всю в пламени заходящего солнца. Река серо-синего цвета медлительно несет свои воды к далекому морю. Поблизости отсюда в воды Гвадалквивира выбрасывали пепел несчастных жертв, сожженных инквизиторами...

Триана... Тысячи мелких торговцев. Они кричат о своих товарах на изрытых тротуарах. Мальчишки и старухи предлагают спички и папиросы, продавая их поштучно. В лавчонках можно купить жареную или вареную рыбу, порцию стручков или гороха. Вхожу в та-

Продолжение. См. «Огонек» № 24.

← Все чаболас с адресом: большой номер написан черной краской на «фасаде». Нищета в Испании пронумерована!

верну. Посетителей немного — пять-шесть. Взглянул на их руки — рабочие, и один какой-то господин в галстуке, вероятно, конторский служащий. Не успел и рта раскрыть, как они узнали во мне иностранца.

— Уже побывали на башне Жиральда? — спрашивает меня сосед у стойки.

— Нет еще. Завтра...

— Отличный оттуда вид на Севилью.

— Красивый город, большой...

Человек в галстуке подает голос:

— Большой, это верно. А красивый — все зависит от того, как на него посмотришь. В нем есть и великолепное и уродливое.

Я спрашиваю, много ли здесь таких предместий, как Триана.

— Нет, немного. Как бы мне вам объяснить? Триана—это нечто среднее. Имеются и лучшие и худшие.

— Да,— вмешался другой,— в Триане нищета еще довольно пристойна. Здесь дома как дома.

— В Севилье вы столкнетесь с ее двумя сторонами,— снова подхватывает человек в галстуке.— Одну вы увидите, как турист: роскошные кварталы знати, расположенные вокруг собора. А вторую сторону вы, быть может, и не увидите: это чаболас...

— Что такое чаболас?

Мой вопрос вызывает смех. Но человек в галстуке вдруг становится серьезным.

— Чаболас,— отвечает он,— жалкие лачуги. Ни воды, ни газа, часто даже нет электричества. Никаких удобств. Севилья опоясана такими кварталами. То же самое и в Кордове и в Мадриде...

Человек в галстуке утверждает, что бóльшая половина населения Севильи живет в чаболас.

— Сколько жителей в Севилье?

— Добрых полмиллиона, месье!

Человек в галстуке поясняет мне, что в аристократический квартал затесалась одна улица. В начале ее идут очень богатые дома, и улица носит имя святого Винцента. Потом попадаются менее зажиточные, и улица уже зовется Дон Висенте — господин Винцент. И, наконец, там, где эта улица начинает походить на Триану, ее именуют Висентилло — маленький Винцентик.

Покинув Триану, я долго блуждаю в кварталах Сан Винсенте и Санта Круц. В последнем находится дом, в котором родился Мурильо. Узкие и тихие улицы окаймлены белыми стенами, за которыми время от времени возникают сказочные дома. Здесь живет севильская аристократия, люди, как мне объясняют позднее, баснословно богатые, сродни тому герцогу, который мог, как он сам говорил, в течение всего дня и даже дольше ездить по земле, только ему одному принадлежащей. Эти дома говорят о тонком вкусе их строителей и великолепном приспособлении к климату. Слышится щебет птиц, доносятся сдержанные звуки гитары или пианино. Кованое железо, золоченые решетки, клумбы, ковры. Длинная белая стена, скрывающая от взора сокровища дома.

Назавтра я посетил Альказар: внутренние дворики мавританских королей, бассейны, своды из кедров, белые кружева мрамора. Кто-то тихо поясняет мне: «Когда он приезжает в Севилью, он живет в Альказаре». Он — это Франко. Во время наездов старинную мебель выносят и ставят мебель «модерн». А вдоль всей белой стены, опоясывающей старую крепость, через каждые десять метров вырастает стражник.

В этот же день я повидал и севильские чаболас. Тысячи ужасающих лачуг, более отталкивающих, чем можно о них рассказать, более страшных, чем вы могли бы представить себе. Хибарки менее двух метров высоты слеплены из досок, жести, картона, тряпья. Они построены на свалках и среди мусорных ям. Пыльные и грязные улочки, а вокруг — черные лужи и рвы. Время от времени попадаются более просторные участки—это «заповедники», свалка всевозможных отбросов, объедков, шелухи, кожуры, остатков бог знает чего, источник заразы и отвратительных запахов.

Через открытые двери, через крохотные окна — и эти не всегда имеются— я вижу ящики, табуретки, посуду, поставленную прямо на пол.

Это не квартал босяков, не скопище человеческих отбросов. В чаболас живут труженики — рабочий люд, пролетарии. Здесь есть каменщики, кондукторы трамваев, рабочие фаянсовых фабрик Севильи. Они, как могут, воюют с грязью в своих берлогах, стирают одежду, моют своих детей, моются сами, с трудом добывают воду, покупая ее, как хлеб.

Все халупы с «адресом». Большой номер черной краской выписан на фасаде чаболас. Вероятно, так нужно для удобства полицейских. Нищета в Испании пронумерована!

Я побывал и в другом квартале, носящем название Орлиный Холм. Чаболас там менее убоги. Некоторые сооружены даже из кирпичей или остатков кирпичей. Уверяют, что на Орлином Холме живут только сто двадцать тысяч человек. «Живут»!

Чтобы не окунуться в грязь, нужно идти вдоль стен. Иногда зловонный поток, текущий меж домов, вдруг исчезает, и тогда можно перейти улицу. Появляется торговец воды с железной бочкой, которую он везет на осле. Женщины бегут ему навстречу с кувшинами, ведрами, старыми банками из-под консервов. У другого торговца можно обменять рваную одежду на дешевую посуду. Не подумайте, что это квартал ста двадцати тысяч старьевщиков. Нет, это чаболас — город, где живут люди сотен полезных профессий. Эти люди каждый день бьются за то, чтобы помыться, постирать свою одежду, хоть что-нибудь съесть. Случается, что бедняки отправляются искать заработок в больницы Севильи. Там они продают свою кровь. За грамм крови — одна песета.

В деревенском кабачке. Куртки в заплатах, обветренные лица, натруженные руки...

Окончание следует.

Стихи о моих друзьях

Жаппар **ОМИРБЕКОВ**

Товарищ сталевар

Мой школьный товарищ
Не доктор наук.
Я знаю,
Ты варишь
Сталь,
Металлург!
Как я, от научной
Работы далек.
Вот после получки
Зашел на часок.
Привет!
Угощенья
Немало двоим.
На темы простые
Сидим, говорим.
О разном...
Чего не припомнится тут!
О наших вихрастых,
Что в школу пойдут.
О сталях тугих...
Ведь говаривал ты:
«Моя»,—
поглядев на плуги,
На мосты.
«А может, представь
(Почему бы и нет?),
Пошла
Твоя сталь
На каркасы ракет!
Твой труд будет мчаться
В созвездия, брат!
Ты тоже
Участник,
И ты
Космонавт...».
А он застыдился,
Он даже смутился,
И он, отказавшись
От почести той,
«Ну что ты! —
сказал.—
Я рабочий простой...».

Крепильщики

Рощи, и копры,
И терриконы!
Город,
Что мне дорог навсегда!
Я гляжу сегодня
По-другому
В глубину твою, Караганда!
Мощь какая!
Как же не гордиться!
Добывают и тепло и свет
Здесь мои друзья,
Карагандинцы,
Побратимы с юношеских лет.
Блещут лица. Улыбаясь щедро,
Утирают с лбов
Соленый пот...
Может быть,
Чем глубже эти недра,
Тем все выше
И ракет полет?..
Клеть несется,
Грохоча, по тросам
Вниз...
Я вижу огоньки сквозь мглу...
Пот течет
По богатырским торсам
Горняков...
Где друг мой, Толеў?
— Толеў!
Твоей шахтерской славе,—
Говорю,—
Завидует весь свет:
Сколько стоек
Ты поставил в лаве?..
— Сосчитай! —
Мне Толеў в ответ.—
Ставлю так я этот тес
крепежный,
Стойки прочные и горбыли,
Чтобы
На плечах своих надежных
Землю
Они выдержать могли!..

Перевел с казахского
Александр **КОРЕНЕВ**

Н. А. Мельникова и ее дочки Ирочка и Наташа на проспекте Стачек.

Фото Г. Копосова.

Комендант Нина

Двадцать лет тому назад за Кировским заводом кончался Ленинград, и улица Стачек постепенно переходила в загородное шоссе. В самом конце этой бесконечно длинной улицы незадолго до начала войны были построены два новых пятиэтажных дома. Весной 1941 года управляющим этими домами—104а и 104б—была назначена молодая женщина Нина Мельникова.

Когда началась война, новоселы—рабочие окрестных предприятий и строители городка — еще не успели толком обжиться, а Нина Мельникова — освоить свое большое домашнее хозяйство. Но о каком новоселье можно было думать, когда фашистские армии прорвались к Ленинграду, когда пустели одна за другой недавно заселенные квартиры? Мужчины уходили на фронт, женщин и детей увозили в тыл. Однако Нина Мельникова не торопилась с отъездом, хоть и имела для этого все основания. К осени она ждала ребенка.

Однажды летним утром жильцы домов, строители, как и обычно, отправились на работу в Сосновую Поляну — девять трамвайных остановок дальше по шоссе, но к вечеру никто не вернулся назад. В тот вечер Сосновую Поляну захватили гитлеровцы.

Что же делать женщине в покинутых домах на передовой? И все же дело для Нины Мельниковой нашлось. Уехавших жильцов заменяли все новые и новые постояльцы. Сперва на улице Стачек, 104, поселились бойцы автороты пехотной дивизии, держащей оборону Ленинграда в пяти трамвайных остановках от дома, у поселка Урицкого, потом в обширных подвалах разместился медсанбат, а затем к Нине явился саперный офицер и, улыбаясь, попросил прописать его часть в домовую книгу.

— Я предложила им квартиру на третьем этаже,— рассказывала мне Нина Мельникова,— но офицер улыбнулся и ответил, что квартиру он попросит после войны, а сейчас скажет спасибо за приличный подвал.

Самое страшное для Нины Мельниковой и еще пяти женщин, оставшихся в доме, было ходить за хлебом. Булочная помещалась рядом с Кировским заводом, который всегда находился под огнем. Но по-прежнему дымили его трубы, по-прежнему посылал он на передний край танки, орудия, снаряды. Город жил, трудился, и даже саперы, временные жильцы из дома 104а, вечером уходили на фронт, словно на работу.

В один из таких дней, заполненных до отказа комендантскими заботами, Нина добралась до пятого этажа и вдруг решила вылезти на крышу. Впереди виднелись домики поселка Урицкого. А что это за дым перед ними? Огненные шары прорывались сквозь пелену, словно кто-то яростно молотил землю гигантскими кулаками. «Да это же обстрел,— вдруг поняла Нина,— это снаряды рвутся». И она представила себе ясно и просто, как там, под снарядами, лежат солдаты, может быть, те, кто живет сейчас в подвалах ее домов.

В тот же день немцы внезапно обстреляли два дома по улице Стачек. Все шаталось из стороны в сторону, рассыпалось в прах. Когда после обстрела Нина выбежала во двор, у нее опустились руки. Все стекла выбиты, в стенах зияют пробоины. Что же делать? Ведь в домах 249 окон! А как заделывать дыры от снарядов? Но женщинам помогли солдаты, и к вечеру пробоины были заложены.

— Осенью очень трудно стало с едой,— рассказывала Нина.— И ребенка я чувствовала все чаще. Теперь во время обстрелов я боялась уже не за себя, а за него, еще не родившегося... В январе родился сын, через одиннадцать дней он умер...

От себя я должен добавить следующее. Санитары медсанбата похоронили ее сына вместе с павшими ночью бойцами в одной братской могиле.

— Ох, какая же трудная была зима, но мы прожили ее, дождались весны. А весной к нам приехали новые жильцы, артиллеристы. Перед домом поставили пушки, а на крыше расположились со своими приборами разведчики. Весной легче было жить, веселее. «Катюши» к нашим домам пожаловали. Со двора били по немцу. Потом снова зима подошла. И однажды ночью разбудил меня дежурный по штабу: «Вставай, комендант, надо флаги вывешивать». Никак я не могла понять, какие флаги. Только потом разобрала, что в Шлиссельбурге наши части прорвали немецкую блокаду. Вскочила, бегу, а дежурный мне вдогонку кричит: «Вывешивай на фронтовую сторону, чтоб немцы видели!..»

Вот что рассказала мне Нина Мельникова, комендант двух домов по улице Стачек. Шестнадцать лет прошло со дня нашего знакомства, а я все жалел о том, что так и не написал о ней. И в конце концов я решил разыскать Нину Мельникову, узнать о том, как сложилась ее послевоенная судьба.

...Метро быстро доставило меня в Автово — самый конец проспекта Стачек. Какие же поразительные перемены произошли здесь за эти годы! Где два серых пятиэтажных дома, стоявших в самом конце города? Никак их не найдешь, затерялись среди новых многоэтажных корпусов. Долго я искал эти дома. И вот они передо мной. Дома Нины Мельниковой отступили в тыл. Во время войны бесстрашно прикрывали город, а теперь, после войны, отступили на второй план? Нет, не отступили! Их просто заслонили более молодые, более плечистые соседи. Не нашел я по старому адресу и Нину Мельникову: давно переехала она на новое место. Но старая домовая книга помогла мне разыскать Нину Мельникову, теперь Нину Ушакову. Она живет на Васильевском острове, на Среднем проспекте, в доме № 52. Поднимаюсь на четвертый этаж, и дверь мне открывают две белокурые, как две капельки воды похожие друг на друга девочки...

Нина Алексеевна рассказывает мне о своей жизни. Она работает на заводе «Металлоизделий», монтирует игрушки. Довольна. И ею довольны. Сейчас ее портрет можно увидеть на заводской доске почета. Вот растит дочерей-близнецов...

А в воскресенье я поехал с Ниной Алексеевной, Наташей и Ирочкой на проспект Стачек, туда, где и теперь стоят два ленинградских дома, которые во время войны комендант Нина обороняла от врагов.

В. ВИКТОРОВ

На рубежах семилетки

СКОРОСТЬ, СИЛА!

заводском дворе отцветают яблони. Порывистый ветер подхватывает белые лепестки и уносит их мимо расцветших кустов сирени по широкой заводской улице, туда, где шеренгами стоят новенькие гусеничные тракторы.

Завод, яблони, улицы, сирень, тракторы — может быть, несколько необычно это сочетание, но именно оно бросается прежде всего в глаза каждому, кто впервые попадет на Харьковский тракторный завод.

ХТЗ в этом году будет отмечать тридцатилетие. За тридцать лет из ворот завода вышел миллион тракторов. Миллион!

Совершим небольшое путешествие по заводу. Из царства зелени и фиолетовых облачков сирени попадаем в царство огня. Это литейный цех. У бушующей печи стоит среднего роста плотный человек. Движения неторопливые, размеренные, да и вся фигура дышит каким-то подчеркнутым спокойствием. И говорит этот человек медленно, не спеша. Кто он? Бригадир бригады коммунистического труда Владимир Михайлович Борисов. Чем знаменит? Скоростными плавками. К съезду партии он обязался сварить 1 100 тонн стали сверх плана. И сварит! 600 тонн лишку уже есть.

...В третьем сборочном цехе собирают колесные тракторы «ДТ-20». Симпатичные маленькие машины прямо с конвейера выезжают на заводской двор.

— Это для французов,— объяснили нам.

Через несколько дней погрузят их на платформы, снабдят необходимой документацией — и в путь.

Недавно к очередной партии тракторов, отправляемых за рубеж, приложили необычный документ. В нем не было ни одной цифры, зато были такие слова:

«Дорогие друзья! Может быть, вы встретите на полях вашей страны тракторы с тремя буквами на радиаторе: «ХТЗ» — Харьковский тракторный завод. Эти машины мы собрали своими руками. Собирали для вас с любовью, стараясь сделать их как можно лучше. И представляли себе солнечный остров, буйные всходы на щедрой земле, вспаханной нашими тракторами. Такой, не пылающей от пожаров войны, а вольной, цветущей и счастливой, хотим видеть мы вашу родину».

Это было письмо слесарей-сборщиков третьего сборочного цеха народу героической Кубы.

На Харьковский тракторный завод много приходит писем из-за границы. Люди разных стран благодарят инженеров и рабочих, создавших хорошие, экономичные машины. Однажды пришло письмо из Греции. В конверт была вложена фотография. Мимо улыбающихся людей едет харьковский трактор, за рулем — женщина. До сих пор в Греции на тракторах работали только мужчины. И вот первая трактористка-гречанка Афродита Ставропулу села за руль советского трактора «ДТ-14Б».

— В добрый путь,— говорят харьковчане — пусть сопутствует ей удача!

Но продолжим наше путешествие по «улицам» Харьковского тракторного. Рядом с обычными для любого города табличками «Берегись автомобиля» мы увидели и такие: «Берегись трактора». Это вполне оправдано: тракторы набирают скорость, и теперь заводской пешеход должен обращать на них такое же внимание, как и на автомобили. Трактор новой марки «Т-75», выпускаемый харьковчанами, значительно расторопней знаменитого «ДТ-54». Работы он выполняет в основном те же, что и предшественник. Только там, где раньше трудились три «ДТ-54», теперь управляются два «Т-75». Борьба за скорости в сельском хозяйстве становится одной из важнейших задач, а значит, и одной из важнейших задач тракторостроителей.

...Работы много. Пока из просторных цехов выходят машины, представляющие настоящее Харьковского тракторного, в экспериментальном цехе уже стоит машина будущего — новый трактор, содружество скорости и силы.

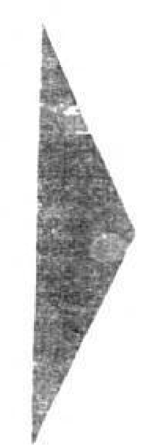
О. КУПРИН

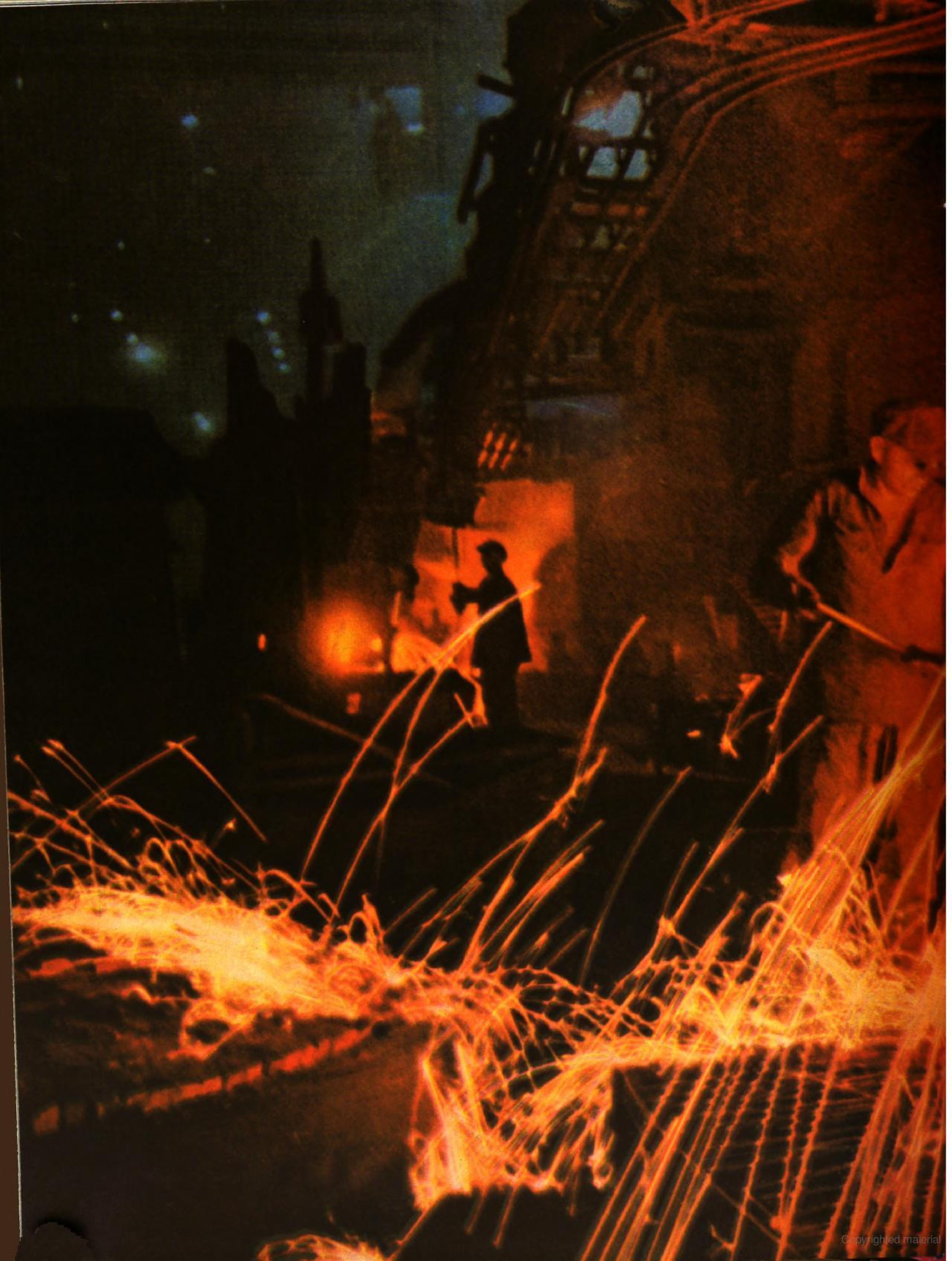
Тесно содружество науки и завода. Доцент Харьковского политехнического института С. М. Хмара обсуждает с шлифовальщиком ХТЗ Александром Снурниковым и инженером-технологом Ниной Калиновской вопросы обработки твердосплавных штампов.

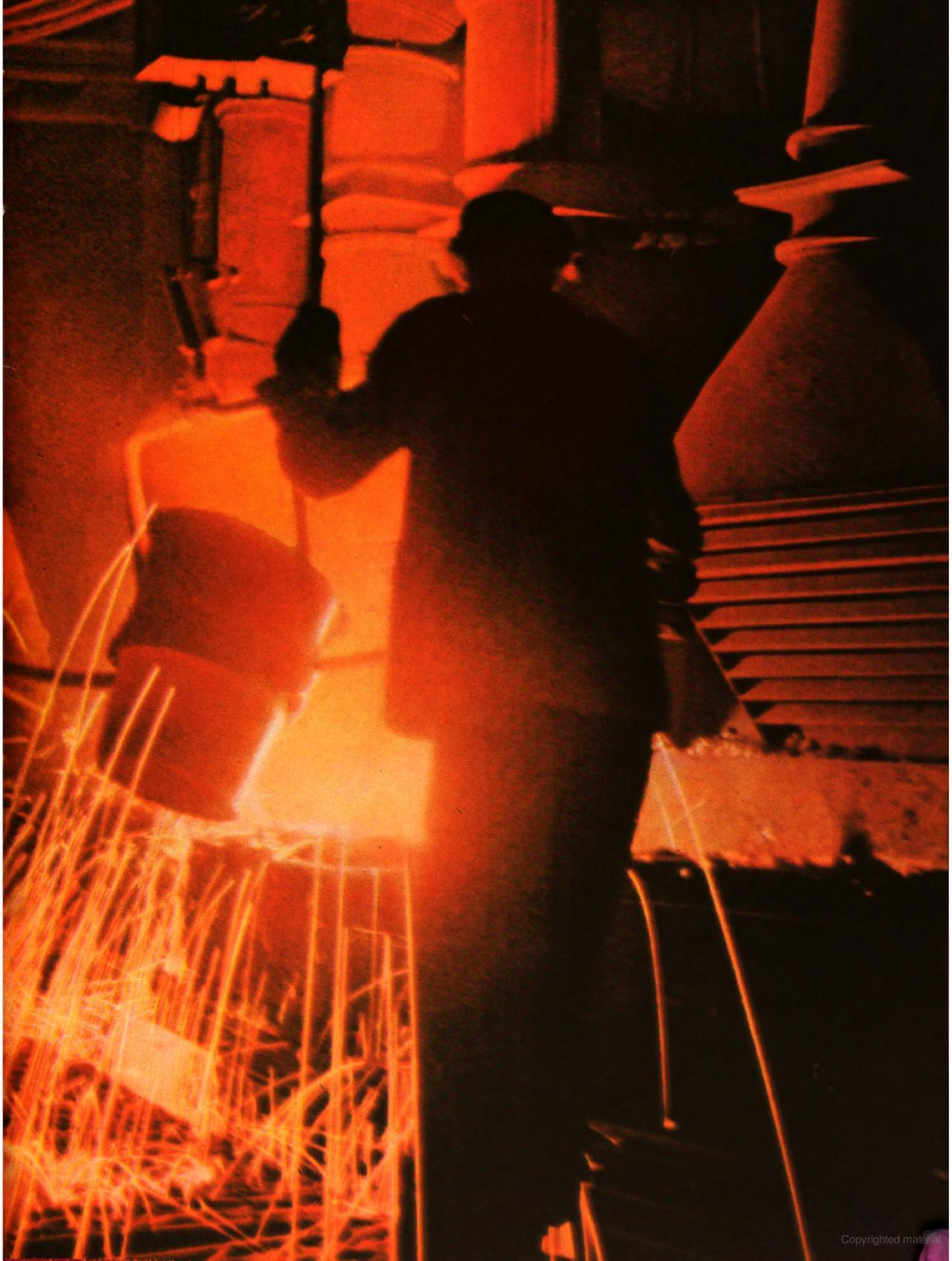
Готовая продукция Харьковского тракторного завода.
На переднем плане — тракторы для Кубы.

На обороте вкладки: В сталелитейном цехе Харьковского тракторного.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Быстроходные тракторы «Т-75» перед отправкой.

Глаз тайфуна

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Неведров уже прошел было мимо конторы колхоза, когда его окликнул радист:

— Кирилл Тимофеевич, сводочку о погоде!..

— А я уже знаю, — ответил Неведров, не оборачиваясь.— Какая еще сводка?

— Видите, в чем дело, — приглушенно сказал радист, — только что сообщили... К берегам Японии подошел тайфун. Так чтобы это... меры чтобы приняли...

— В море я далеко не хожу. Какие мне нужны меры?.. Пусть председатель меры принимает.

— Но нет же их! — в тихом отчаянии, прижав руку с бланком к груди, сказал молоденький радист, еще не умевший управлять своими чувствами. — И председатель и зам со вчерашнего дня на совещании в районе. Вам оставили все свои регалии и прерогативы.

Неведров сокрушенно почесал в затылке.

— Ах да! — проговорил он с досадой. — Ну говори, что там...

Радист скрылся в окошке конторы и потом выглянул опять.

— Может, ложная, — пробормотал он. — Часто ведь ложная тревога бывает.

— Бывает, — кивнул Неведров. — Все бывает.

Не поддержав разговора, он повернулся и пошел домой, хотя идти туда ему не очень-то хотелось.

Плечи у него опустились, будто принял он на них тяжелую ношу, носками кирзовых сапог загребал мягкую пыль. К ночи она станет над поселком стеной, тучей, закрутится в смерчах. Если, конечно, тайфун не обойдет острова стороной, на что Неведров втайне уповал.

Не поднимая головы, он прошел по улочке поселка, мимо огородов с редиской да морковкой, защищенных от кур натянутыми на колья списанными рыболовными сетями. Огороды смахивали на вольеры в зверинце, и странным казалось, что оттуда не выглядывала вдруг потешная морда зверя... Почти через каждую сотню метров здесь сбегала в залив тихая речонка. Вдоль речонок были воткнуты палки — нынче они распушились, зазеленели, будто специально посадил кто-то здесь аллею деревцев... Что говорить, земля здесь, на самых южных Курилах, была благодатная!

На заборе невдалеке от столовой какой-то сорванец нацарапал мелом некое заклинание: «Баран баран дипупа»,— и этот баран, который д и п у п а, необъяснимо всегда волновал Неведрова и вызывал снисходительную улыбку. В который раз прочитав эту абракадабру, Неведров почему-то вспомнил, что жена просила его сегодня утром: «Ты хотя бы каких-нибудь бичков, Кирюша, разок привез».

Хотя бы «бичков»! Из-за этих «бичков» и произошла утром стычка между ними.

Жена родом была из Керчи и прожила там до окончания войны. У нее, как и у всех потомственных керчан, был игнорирующий букву «ы» выговор. Неведров до войны рыбачил тоже в Керчи. Оттуда его призвали в армию, чуть грянули первые бои, но служить и воевать ему пришлось на Дальнем Востоке. В августе сорок пятого штурмовал он в составе десанта доты острова Шумшу, был ранен.

А когда пришла пора демобилизации, сказали ему откровенно:

— Вы рыбак. И тут нужно рыбу ловить, налаживать рыбное производство. Что у вас в Керчи, дом, хозяйство?..

Никакого дома, никакого хозяйства в Керчи у него не было, все железной метлой вымела война. Там остались только жена и четырехлетняя дочка, ютились они в блиндаже фронтовых времен. Да, Керчь лежала в развалинах, ей тоже нужны были рабочие руки...

— Приказывать мы вам не можем, поскольку вы нынче гражданин вольный,— подчеркнули его собеседники. — Мы вас просим...

...Месяца через полтора на Парамушир, где он тогда обосновался, приехала жена с дочкой...

Уже тогда она была женщиной болезненной: не прошли даром война, голодная жизнь, нервные потрясения. Неведров того не видел, чего насмотрелась его жена. А ведь была она в молодые годы здоровячкой.

Неведрова, человека с железным здоровьем (в последнее время, правда, что-то сердце стало барахлить), раздражал ее болезненный вид; он, крепкий и кряжистый, с трудом мог осмыслить, что у жены действительно неважно с желудком и с чем-то там еще, как не может ребенок осмыслить неизбежность смерти.

Но он уважал, ценил и, как ему хотелось думать, любил свою жену. Тогда, на Парамушире, с ними была дочь, а года четыре спустя родился еще ребенок, сын... Жилось как-то радостней и покойней — во всяком случае, ему, Неведрову. Но дети... Стоило только Неведрову вспомнить о них, и в груди будто камень тупой поворачивался.

Дочь почти ничего не ела, таяла на глазах. Соня вскипятит молока, дочь говорит: «Сухое». Сварит борща, девочке тоже не идет: «Консервированный».

«Мама, — говорила она, — все у тебя нежиное. Ты свари что-нибудь живое».

Детей пришлось отправить к родителям Неведрова, в Крым. И виделся он с ними редко — только во время отпусков.

Сперва детей, а теперь вот и жену впору отправлять на материк. Что там впору, несколько раз затевали об этом разговор, да только ни к какому решению пока не пришли.

Неведров твердо был уверен, что на этом благословенном острове, невдалеке от которого маячили уже берега Японии, можно жить в достатке, если не лениться. И вольготно здесь было бы детям, чего-чего, а молока хватало в разных видах, и уж, конечно, не сухого. Соня чахла и от разлуки с детьми, может, ей не хватало здесь именно детей, сына. Ему уже десять годков стукнуло. О дочери и говорить нечего: та окончила техникум и работала в виноградарском совхозе, — ей ни к чему теперь родители, вот-вот и замуж...

...— Ты чего вернулся? — встревоженно спросила Соня. — Опять с двигателем что-то, да?

Он пожал плечами и прошел к окну. В хорошую погоду в нем проступал изящными очертаниями будто выдутый из хрупкого голубоватого фаянса вулкан Остроглавый. Неведров мог подолгу любоваться им, но сейчас его внимание привлек вовсе не потухший вулкан.

По улице прошла местная русалка Женя Гайда. Была она совсем юная, как и подобает русалке, лет девятнадцати (как раз столько

исполнилось недавно дочери Неведрова), но непутевая какая-то. Несколько лет она прожила на материке, где-то училась и, приехав назад, ошарашила поселковую публику точеной талией да тем еще, что ходила по уличной пыли в босоножках, из которых проглядывали пальцы с педикюром. Как раз тут только и не хватало педикюра! Впрочем, насмешкою ее никто не мог пронять, — голову она держала всегда высоко, ходила без оглядки, беспечно помахивая лакированным ридикюльчиком.

Мать у нее тоже была странная — громадная этакая бабища с обрюзгшим лицом, чем-то смахивавшая на Кутузова, каким его изображают в кино. Полное сходство усугубляла черная повязка на глазу. Где Матрена Гайда потеряла глаз, не знал никто, да и о других пунктах ее биографии ничего в поселке толком не было известно.

Женя Гайда каждый раз бродила на берегу, когда шхуна Неведрова приходила с траления. Поначалу Неведров думал, что ее привлекает кто-то из молодых рыбаков. Ан нет! Ваня Жмыхов попробовал было шутя облапить ее, но она с убийственным равнодушием сказала ему:

— Дитё, усы сломаешь...

С тех пор никто из рыбаков ее не затрагивал.

Потом Неведров понял, что именно он, тридцативосьмилетний мужик, пришелся чем-то ей по нраву.

— Чего тебе нужно? — спросил он ее однажды напрямик.

К тому времени педикюр на ногтях у нее слез и ридикюля она уже не носила.

Смешавшись, Женя покраснела. Но тотчас, вызывающе тряхнув копной волос и широко открыв карминный рот, засмеялась. У нее был армянский тип лица, смуглая кожа, и зубы прямо-таки слепили своей белизной. Неведров отвернулся, чтобы не поддаваться искушению.

— Мне нравятся злые, — сказала она, перестав хохотать и уже вполне овладев собою.— Вы злой. Ненавижу добреньких, слюнявых. В жизни нужно быть твердым и злым. Вы злой, товарищ капитан.

— Не капитан я. Бригадир...

— Какая разница? На этой шхуне вы капитан.

Он что-то пробормотал невнятное, а затем подивился:

— Скажи ты, какую развела философию! — И, неожиданно повернув ее, шлепнул по тугому заду. — Ну-ну, катись отсюда подобру-поздорову! Будто тебе парней мало!

Можно было ожидать, что она вспыхнет, скажет что-то язвительное, вцепится ногтями в лицо, но Женя, ни слова не говоря, пошла прочь.

Немного отойдя, она обернулась.

— Только, пожалуйста, не воображайте о себе много. Очень вы мне нужны!

— Иди, иди! — засмеялся Неведров. — Смотри, какая ты прыткая!

Он долго смотрел ей вслед. Красные босоножки несла она в руках. Белыми, сморщенными от воды ступнями давила она пустую крабовую скорлупу, и слабый треск сливался со слабым рокотанием прибоя.

Из раздумья его вывела Соня. Она безжалостно сказала:

— Что... соскучился по ней?

Как у любой женщины, у Сони было чутье на такого рода вещи. Она о чем-то догадывалась, но подозревала то, чего не было и не могло быть на самом деле, и оттого становилась несправедливой.

— Дуреха! — сказал Неведров, протирая глаза, будто спросонок; подойдя к столу, он мешковато присел. — Тайфун идет, понимаешь?

— Понимаю, — упавшим голосом сказала она. — Извини. — Она помолчала. — Опять ждать беды?

— Не знаю. Нет. — Неведров, тупо уставившись в желтоватую, с кленовыми листьями льняную скатерть, говорил равнодушно.— По сводке судя, он может пройти стороной. А там черт его разберет! В общем, сообщи на всякий случай кому тут... кто поближе к воде живет. Пусть поостерегутся. А я пойду на шхуну, и так вот запоздали с выходом.

— С каким выходом? — робко сказала Соня, с усилием поднимая голову и глядя ему в глаза. — С каким выходом?.. Ведь тайфун же!..

Он докучливо отмахнулся и уже с порога попросил:

— Позавчера норд-вест работал. Сходила бы ты, собрала морской капусты для салата...

Он любил салат из ламинарии, если его по-настоящему приготовить. А Соня это умела. Недаром она жила на островах вот уже без малого пятнадцать лет.

Рассеянно покусывая стебелек молодого бамбука, он вышел к необычно присмиревшему океану. Он был как зеркало, глядясь в которое можно загадывать загадки. Неведров не любил загадок. Он знал и без гадания приблизительно все, что могло случиться с ним в жизни. За исключением, может, мелочей...

Где-то в островных дебрях куковала кукушка, пророча ему не чересчур продолжительную, но — он смел это предположить — нескучную жизнь.

Он шел напрямик, а потому пришлось продираться сквозь поля цветущих ирисов в кинжальных листьях, сквозь цепкие лианы, хватающие за ноги, как спутанная проволока. Оголтело выпирали из земли необъятные лопухи и папоротники.

Сквозь частокол шеломайника, сплетавшегося зонтами соцветий, еле различима была полоска грязно-серого пляжа, заваленная клубами мягкой, пропитанной илом анфельции. Как на перинах, лежали на анфельции загорающие. Шел август — золотая пора установилась на острове. В заливе вода походила на парное молоко, купались даже дети.

На японском берегу смутно, как намек, различался быстро перемещавшийся поезд. Видимость была отличная, но из тех краев и откуда-то сбоку наплывали уже первые тучки.

Когда шхуна, с двух бортов сжатая «противовесами» накрепко пришвартованных баркасов, была уже на середине залива, начал задувать ветер. Здесь, поблизости от берега, он пока не страшил. Слегка покачивало, «штивало», как говорят в Керчи... Появились барашки.

Трал набивался анфельцией очень плотно, от этого не открывались запоры «кутка», и всякий раз повисшую на стреле, сжатую сетью анфельцию приходилось раскачивать, шпынять и выковыривать баграми, чтобы породить внутри «кутка» сдвиг... Однажды трос, не выдержав тяжести трала, оборвался.

Ваня Жмыхов, сплюнув за борт окурок, в сердцах съехидничал:

— Тоже мне техника: нажал на кнопку — и спина мокрая!

— Поговори у меня, — покосился на парня Неведров. — Курил бы поменьше во время работы.

Траление явно не спорилось.

«Легко ей сказать «бички»! — раздраженно подумал Неведров. — Легко ей сказать!..»

Как будто сам он не тяготился осточертевшей анфельцией. Но в нынешнем году правление колхоза решило, поскольку рыба шла плохо, отправить часть сейнеров на экспедиционный лов сайры, а две-три шхуны оставить дома, в заливе, на добыче водорослей для агар-агаровых заводов. Тем более, что за анфельцию платили хорошо, работа оказалась для колхозников прибыльной.

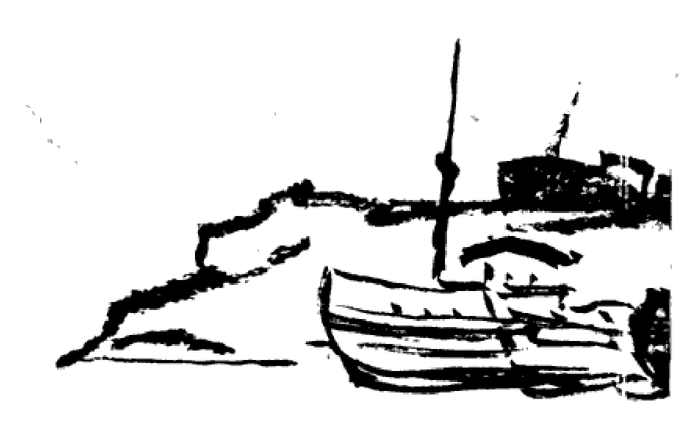
Оставили дома и Неведрова.

Он уже забыл самый запах рыбы. А она говорит «бички»! Да и какие тут бычки? Постнота одна...

— Дует, зараза губатая! — поеживаясь, сказал кто-то над ухом. — От тайфуна первая весточка...

— Да, да, — спохватился Неведров. — Вот только загрузим баркасы и пойдем к берегу.

Неведров посмотрел на залив, на небо. Берегов Хоккайдо уже не было видно, их затянуло белесой пеленой. Но здесь, над островом, в облачном окружении проглядывало синее небо. Что-то похожее Неведров наблюдал, попав несколько лет назад в так называемый «глаз тайфуна». Ученые объясняют, что это некий относительно спокойный район с малой скоростью ветра и даже просветами в небе, где как бы зарождается тайфун. Вместе с нарастанием ветра этот «глаз», этот участок желанного среди разгула стихии равновесия, расширяется, таращится от каких-нибудь шести до семидесяти километров. Не попал ли остров нынче в такой «глаз»?

Но нет, тайфуны обычно зарождаются южнее. А там почем знать, где и как они зарождаются, не все в их жутком круговерчении до конца понятно даже ученым.

Шхуна подошла к пирсу. Поселок на обрывистом берегу просматривался весь, как на ладони, бугрились сопки, белели кручи.

Чем-то поселок напоминал милую сердцу Неведрова Керчь. Он даже сам не сказал бы внятно, чем... Невысокими горами. Округлым заливом. Желто-белыми кручами. Сыпучим песком и въедливой пылью. А главное, должно быть, особой освещенностью, открытостью места, на котором он стоял, доступный всем ветрам и грозам...

Где-то у китайских берегов и у японских, близ нашего Приморья и Сахалина, уже расправил крылья ураган. А здесь было сравнительно тихо, и казалось, что во всем мире тоже тихо и в душе у каждого человека покой. Но в душе у каждого человека — по крайней мере на острове — копошилась тихая буря. И во всем мире была тихая буря.

И что-то такое неуклюжее и щемящее ворочалось в душе Неведрова, но он не давал своему ощущению названия, потому что, дав его, вынужден был бы бороться с ним. А у него и без того забот хватало.

Выйдя на берег и распорядившись о швартовке шхуны, Неведров не пошел ни в контору колхоза, ни домой. Он не пошел ни с кем из рыбаков, своих жен они сами успокоят. Неведров завернул в ту сторону, где поблизости от берега, на скудном, не защищенном от всякой напасти взгорке, стояли щелястые домики еще японской постройки, — окна в них были вынесены вперед и держались на весу, как бастиончики, а стены от ветра спасал разве что удручающе траурный руберойд.

Их, правда, не снесло еще ни одной волной цунами — не доставала она сюда, — но всякой бурей трепало почем зря.

В ряду этих музейных домиков стоял один — вместо обычных дверей в нем поблескивали лакированные, красного дерева двери с растерзанного морем парохода. На белой эмалированной железке выпукло проступало: «Старший помощник». А на внутренней двери в потемках коридорчика не в первый уже раз с некоторым трепетом и тягостью в душе Неведров прочитал: «Капитан».

Встреча ему предстояла отнюдь не с капитаном, и двери эти были вставлены по воле стихий вместо сорванных непогодой. Он постучал, и ему открыла старушка. При виде его на блеклые ее глаза навернулись слезы.

— Навестить пришел, — проговорила она тихо. — Спасибо, не забываешь старуху. Стульчик бы тебе какой поцельней... Да вон табаретка.

Неведров сел и огляделся, хотя все в уютной, но хилой, скособоченной комнатушке было, как и прежде, как год, как два назад... Недоставало чего-то неуловимого, чего-то... А впрочем, здесь когда-то жил мужчина, веселый жил молодой человек, и лежали повсюду предметы холостяцкого обихода, книги по навигации, висела на спинках стульев отутюженная одежда и пахло табаком, крепким питьем, немудрящим одеколоном.

Здесь не было мужчины, вот в чем дело! Мужчина погиб...

Неведров знал того паренька, сына Лукиничны, и примерно представлял обстоятельства его гибели. Он слышал, как разыгралась маленькая трагедия на море из уст очевидцев, и больше того не могла знать сама Лукинична. Но мать всегда провидица. В ее устах рассказ о смерти сына приобретал особую зна-

чимость, по-матерински она учуяла и слепо уверовала в преступность причин, породивших столь горестное следствие. Хотя, кто знает, как там оно было во вздернутом тайфуном на дыбы море!

— Шесть тыщ вез, — сложив руки на животе, говорила и говорила Лукинична, и в который раз накипали на ее морщинистых веках слезы, — подарки кой-какие... Хорошо вез, чего толковать, и вот возьми — как доля указала! Уж кулачищи были, уж плечи — не подступись, а море поломало, взяло! Не езди, грю, сыночек, лях с ним, с морем. Не-ет, грит... Я, грит, мама, денег заработаю, потому как тебе нужно лечиться. Обещал, что с ём, мол, на материк лечиться поеду, как у меня головные боли. И ничего он не заработал, окромя как шесть тыщ, в ентот год рыба и вовсе не шла. А был он, сам знаешь, механиком в портовых мастерских, и я отговаривала, и все отговаривали — не ходи, мол, — нет, пошел! Опосля рыбы перегон у них был — из Корсакова сюда, значит, новые катера гнали. Енти, которые на буксире-то вели, обрубили буксир — ну и зачали катера переворачиваться, как их мотнет то в енту сторону, то в енту... Четыре штуки и перевернулись от тайфунта-то!

А ведь был механиком, а ране, в училище мореходном когда учился, комсором был, не пускали его, мог бы жить. Нет, ушел... Только женился, еще и внучонка-то не дождалась.

Неведров не впервые выслушивал от Лукиничны эту историю, она была тягостной сверх меры. Но он внимал ей исступленно, потому что беда на море может приключиться с каждым и нужно знать ее на вкус, на цвет, на запах еще до того, как она придет. Нужно знать, что она приносит с собой в море и чем отзывается на берегу. Да, и чем отзывается на берегу!

Он смотрел на плачущую Лукиничну, а мерещились ему серые валы, увенчанные накипью пены, идущие бесконечной и безликой чередой и ужасающие этой своей безликостью. Неведров мысленно воспринимал штормующее море обеззвученным, как в немом кино, оттого оно казалось ему сейчас особенно тупобезжалостным.

— Плачь не плачь, — встрепенулась Лукинична, разом обрывая рассказ, — а слезы — вода, золотая слеза не выкатится. По делу пришел, сынок, или так наведался?

— Да так... — растерявшись, пробормотал Неведров. — Вроде бы не по делу. По дороге заглянул. Вспомнил Анатолия — и заглянул. Как вы, думаю, тут...

— А все так же, — сказала Лукинична, — как видишь. Пенсию выплачивают справно, и за сына пособие было. Да маятно жить-то вот так-то, без детей, без внучонков. Ни туда, ни сюда. Ни до бога, ни до людей.

— Без детей плохо, — совсем не успокаивая ее, как будто даже бессердечно подтвердил Неведров. — Без детей плохо.

Он посмотрел на японскую лакированную ширму, отгораживавшую в углу кровать, и позавидовал чужому искусству. Давненько уже, когда Анатолий был еще практикантом, он привез ее из заграничного плавания и объяснял, что иероглифы внизу означают слово «ветер». Стало быть, на ширме изображался ветер, а между тем деревья стояли совершенно неподвижные, и ландшафт выглядел умиротворенным. Ощущение ветра можно было уловить только в фигурках бегущих, чуть взъерошенных детей. Они были до странности непохожими на наших детей, но их милая взъерошенность трогала сердце всеединой печалью и трепетным беспокойством, будь то сердце русского или японца. Наверное, в этом и заключается сила искусства, понятного без слов, не признающего рубежей, не ведающего запретов,— в воздействии скорее на сердце, нежели на ум.

Неведров перевел взгляд выше, на стенку, где в одной общей рамке висело множество фотографий, наползающих одна на другую. Заметил он среди них и дешевую, сделанную в училище фотографию Анатолия — безусого, крепкого, со спокойными глазами, не замутненными внутренним видением тайфунов, цунами и прочих напастей. Он всмотрелся в юное лицо Анатолия и неожиданно, без перехода сказал:

— Тайфун ожидается, Лукинична. Вы бы поберeглись. У вас тут место открытое, чего доброго, сдует! Может, помочь перенести что, так я это организую.

Кроме постели, сундучка с бельем да разве еще ширмы, переносить было нечего. Неведров знал это, но он не мог не предложить старушке помощь. Она его поняла. Но ответила не сразу.

— Оповещали меня уже, сынок. Знаю я... Да только от ентого цунами сколько раз за весну в сопки бегали, а все понапрасну. Неужто теперя от тайфунта не уберегусь? Неужто так и сдует?..

Неведров посмотрел ей в глаза. Ему нравилась своенравная старуха.

— Может, и не сдует. Даже скорее всего,— хрипло проговорил он. — Но и упрямиться ради того, чтобы характер показать, не следует.

— И-и, куды мне, сынок, характер-то показывать! Ужли я такая характерная? — всполошенно сказала Лукинична и даже по-птичьи руками на него взмахнула.

— Домик ваш на виду, — сурово повторил Неведров, — настежь распахнут. Вот я о чем.

Лукинична вздохнула и, аккуратно вытирая кончиком платка углы губ, вдруг по-детски усомнилась:

— Может, и не будет его, тайфунта оглашенного? Может, снег пойдет?

— Откуда снег? — изумился Неведров. — Лето еще не прошло.

— А у бога, сынок, все готовое.

Так он ни о чем с ней не договорился.

Все-таки Неведров решил присматривать за ее хибаркой, если буре суждено будет начаться.

За калиткой он столкнулся с Матреной Гайдой. Та силой тащила за собой мальчишку лет десяти. Вокруг их ног тупо взбалтывалась и опадала пыль.

Пройти мимо Неведрову не удалось — идти выпало в одну сторону, — и он нехотя поздоровался. По задворкам сознания быстро прошло, не оформившись в какой-то вывод, мимолетное сравнение этих двух женщин: Лукиничны и Матрены. Они были чудовищно разными, зато дети, Анатолий и Женя, какими-то гранями своих характеров и поведения соприкасались. Вот поди, разберись...

— Ну, что ваша дочь? — спросил Неведров, потому что надо было вести какой-то разговор, а ни о чем другом поинтересоваться ему не пришло в голову.

Дернув напоследок мальца за руку, чтобы шел тихо да смирно, Матрена неожиданно тонким голосом, очень тонким при ее сложении, воскликнула:

— А, дочь! Лозы доброй на мою дочь не найдется! Мабудь, плохо ей на материке жилось, что сюда прикатила! Видали, какая фря?.. На материке могла бы к делу приспособиться, училась же... А тут...

— Смотрю я на вас — и что-то у Жени с вами ничего нет общего.

Матрена Гайда согласно мотнула головой.

— Правильно вы подметили. Она в мою комплекцию не пойдет. Она в отца — скудненькая-скудненькая. А була отакахонька. — Матрена показала, какой была некогда Женя. — И на что она будет годна, не знаю.

Помолчав, она доверительно продолжала, ничуть не смущаясь присутствием раскрывшего щербатый рот мальчишки:

— Еще когда она родилась, женщины гутарили мне, что не будет она у тебя, Мотя, жить: в глазах мяса нет, как стеклянные. И не будет, и не думай! А живет, дарма что такая... Оно, конечно, если и отца взять... Видите, был у нас в Нахичевани, это с-под Ростова, армя-

нин-сапожник. С лица ничего, да хлипкий. А мои родители в голос кричали, чтоб замуж за армянина выходила. Вот им так приспичило, чтоб за армянина... Оно не без того, что они на примете сапожную его мастерскую имели. Ну и пошло и пошло! Справит он себе серый или там кофейный костюм, шевиот там или что, родители мне в точности такой же справляют. Чтобы, значит, пару було видать.

Весу у меня тогда чистого набиралось восемьдесят четыре килограмма. И абы не тот армянин, була б я не клята, не мята. Я еще не разродилась, а уж он смотался не то на Урал, не то еще куда помидорами торговать. Нет и нет его, нет и нет... Женщины гутарють: «Мотя, не волнуйся, вернется твой муж чистый и честный». А как же, вернулся!..

Вдруг приходит из самого Ериваня письмо — и в нем фото, и лежит на той фоте мой муж в гробу, весь в белых цветах, мертвец мертвецом... Родители будто бы тую фоту прислали, будто я дура какая деревенская, так им и поверила... Оно и получилось на проверку, что живой-здоровый...

Неведров усмехнулся: ловок муженек-то!..

Между тем мальчишка вспомнил какие-то старые претензии и нудно затянул:

— Ма-ам, да-ай денег... Да-ай...

— Не дам! Что ты, как грех, над душой...

Он надулся, сосредоточенно поддел и взбросил босой ногой песок.

В необъятной груди матери вдруг шевельнулось раскаяние.

— Обиделся, — сказала она чуть потише. — Давай, поворачивай свою ряху сюда! На, вытри нос...

Когда процедура эта была закончена, Матрена сунула ему смятую трехрублевку. И тут с ним произошло нечто поразительное. Он вырвался из рук матери, по-козлиному подпрыгнул, сделал в пыли молниеносное сальто и, выпрямившись, ликующе потряс бумажкой.

— Ура! — закричал он. — Ура! Кутузов!..

И был таков.

Матрене, видно, польстило уже не впервые услышанное сравнение с Кутузовым. Должно быть, она уже знала, кто он такой, тот Кутузов... Сложив руки под могучей грудью, она растроганно пропела:

— Ох, дал мне бог, да еще и кинул...

Хотя уже можно было догадаться, что Женя и мальчишка родные только по матери, как-то машинально, но с деликатной заминкой Неведров полюбопытствовал:

— А у этого отец...

Матрена косо на него посмотрела и отвернулась.

— Этот — так...

— Ясно, — буркнул Неведров, и на его обветренных скулах проступил румянец.

По дороге гуляли вихри — они втягивали в стремительное свое верчение клочки газет, сухие бодылки, семечковую шелуху и обертки из-под лезвий «Нева». Налети вихрь посильнее — он закружит и палку. Случается, что так же кружат вихри — мало какие бывают в жизни вихри! — и человека, мотают его туда-сюда, не дают роздыху...

Неведрова крутили всякие вихри, но ни один не сломал.

Они вышли на взгорок, откуда была видна длинная белая коса Крыло, тонким ятаганом со слепящим лезвием вспоровшая воду залива, рассекшая его вдаль на много километров. И Неведров уже забыл о Матрене, да и помнить о ней не хотел. Не хотел, если бы Матрена жила сама по себе, не будь с нею Жени, не будь с нею того худого мальчонки с гуттаперчевыми косточками.

Около столовой Неведров остановился. Он хотел еще кое-куда заглянуть, в том числе в контору колхоза, но рассудил, что из-за всего этого домой вернется поздно, не грех и перекусить...

Свечерело, и в зале горел свет.

У окошка раздачи пищи он встретил Призмазонова — лысоватого толстяка, которому было уже за пятьдесят. Призмазонов работал когда-то секретарем в поселковом Совете, а сейчас приехал сюда из района в качестве заготовителя какого-то сырья...

Неведров разобраться в нем не мог, потому что, судя по всему, тот имел образование, а занимался пустяками, не давая должной отдачи.

Оглаживая смуглый череп, Призмазонов поздоровался.

— Так сказать, у кормила встретились, Кирилл Тимофеевич?

Не отвечая на сомнительную остроту, Неведров спросил:

— Чем здесь кормят?

— Икрой самосвежейшего посола. Только что привезли из района.

— О, икорки я возьму.

— А к ней не худо бы рюмашечку...

— Не до того, — отмахнулся Неведров.

Взяв порцию икры и супу, он все-таки завернул к столику Призмазонова. Сам человек малообразованный, крепкий скорее житейским умом, нежели точным знанием, наделенный скорее врожденным чутьем, нежели натасканной из книг и кое-как переваренной культурой, он между тем не прочь был потолковать с подкованными, грамотными людьми, любил послушать их молча.

— Да, жизнь течет, жизнь меняется, — сказал тот, освобождая Неведрову край столика. — История, можно сказать, кует свое железо прямо на глазах, не дает ему остывать. Посудите сами, Кирилл Тимофеевич: в обед стакан чаю не допил — позвали по делу. Возвращаюсь, а уж Киси ушел в отставку... И не предугадать, что может случиться, пока я допью второй стакан...

Круглое лицо Призмазонова уродовали две резкие морщины, как бы раздвигавшие упитанные щеки. Начинаясь у глаз, морщины остро обрисовывали подбородок — и лицо представлялось странно раздвоенным.

Неведрову кто-то говорил, что Призмазонов коллекционирует в спичечных коробках анекдоты. В каждом коробке на маленьких пронумерованных бумажках написаны анекдоты, и в каждом коробке на них заведена строгая опись.

«Ерунда», — решил Неведров, когда услышал эту сплетню.

А сейчас, взглянув на Призмазонова и както по-новому оценив его чисто внешне, подумал: «А если и коллекционирует, то бывают же причуды у человека! От тоски занялся этим, от неустройства... Что-то в нем не так».

— Вам бы жениться, — сказал он вдруг.

— Да, конечно, — охотно, с ноткой жалости к самому себе согласился Призмазонов. — В сущности, я был когда-то женат. Но она... она оказалась обывательницей. А в обывателе самое страшное, что он никого не уважает. Вот придешь домой, придешь тихо — не так. Придешь громко — опять придирается. Постоянно ищет, к чему бы придраться. Ну, с этого и начиналось. Поначалу я в чем-то виноват, потом на моих родителей, — вот ей насолили мои родители! Я говорю, давай уедем, раз родители мешают, уедем подальше, на Сахалин, что ли. Потом, стало быть, кроме прочего, начало доставаться и Сахалину. Потом крик, слезы, смех — истерика. Цикл завершен. После всего этого спит, как убитая. Шут ее знает, может, это у нее физиологическая потребность была, может, без этого она спать не могла. Ну, молчишь. Иной раз, правда, подкинешь словечко для ускорения цикла, вроде поленьями в печке огонь поджививишь. В общем, развелись. Теперь вздохнул посвободней. Но жирею, начал жиреть!

Внезапно погас свет. На улице было еще не темно. Но в столовой сгущались потемки. С икрой, которая только что была нежноалой, произошла мгновенная метаморфоза. Она вспыхнула голубым сиянием.

У окошка раздачи несведущий посетитель (не рыбак, отметил Неведров) поносил повара за то, что он-де «плесень» вместо икры подал. Он не слушал никаких оправданий, пока повар, рассердившись, не ткнул ему под нос свечу: наваждение исчезло, икра вновь стала икрой.

— Это пока она свежая, — сказал Неведров, — пока в ней морской рассол не загустел. Ишь, сколько в ней фосфора, как она пылает!

Рука Призмазонова нашарила на столике графин с водой — и горлышко задребезжало о край стакана со спиртом. Затем губы облепили стакан, присосались к нему, как щупальца спрута, послышалось бульканье — и Призмазонов удовлетворенно крякнул.

— Видите ли, — сказал он, отдуваясь и загребая кусочком хлеба икру, — я хоть человек беспартийный, но сознание у меня высокое, ну, нравственность, скажем... И все же я допускаю, что даже при моих убеждениях можно иметь вполне простительные человеческие слабости, некие моральные изъяны. Главное — быть прямым в основных идеологических и моральных вопросах. Я допускаю в человеке, подобном мне, отклонения от абсолюта!

Все это явно говорилось спьяну и как раз в расчете оправдать в глазах Неведрова бессмысленное распитие крепкого — если не крепчайшего — напитка. А может, Призмазонов знал за собой некие иные «моральные изъяны» и авансом хлопотал о терпимом к ним отношении.

«Не знаю, как твоя бывшая жена, а сам ты типичный обыватель, мещанин, пробы на тебе негде ставить. Со всей твоей философией и анекдотами в спичечных коробках», — подумал Неведров, вставая.

Он знал, что когда-нибудь, в более подходящей обстановке, выскажет это Призмазонову в глаза, но сейчас приходилось думать о другом; день выдался тяжелый, что-то сдуру даже сердце расшалилось, заныло...

— Да, как насчет тайфуна? — крикнул вдогонку Призмазонов.

— Идет тайфун. Идет.

На небе еще светлел один-одинешенек просвет — действительно, как глаз. Он фосфоресцировал, как икринка во рту у Призмазонова, он был призрачно-голубым и стылым, он дышал несчастьем...

Неведров сплюнул и зашагал в контору, выставив встречь ветру плечо, обтянутое промасленной робой. Ветер шелестел раскрылком робы, как жестью.

Возвращаясь часом позже домой, у забора, на котором были начертаны кабалистические слова «баран баран дипупа», он столкнулся с Женей. Вполне могло статься, что Женя поджидала его нарочно — здесь, на ближних подступах к собственному его дому.

— Здравствуйте, товарищ капитан. Давно не виделись.

— Здравствуй, чего тебе?

— Я насчет работы, товарищ капитан.

— Какой я тебе капитан, я рыбак, бригадир... тебе ясно?

— Ясно. А насчет работы не ясно.

— Какой еще работы? Что я тебе, управление по найму рабсилы?

— Да нет, товарищ капитан.— Вдруг она взяла его за руку.— Да нет, вы меня не поняли. Возьмите меня к себе, на шхуну. Анфельцию тралить, рыбу ловить, что угодно, что прикажете...

Просьба ее была горячей, искренней, слова слетали с губ напористо.

Они взошли на мостик, и здесь Неведров остановился. Он высвободил руку из руки Жени и, мгновение вслушиваясь в рокот моря, спросил вполне для себя неожиданно:

— Ты знаешь, что Анатолий Леваков, Лукиничны сын, погиб в тайфуне?

Она помолчала, пытаясь вникнуть в скрытый смысл вопроса.

— Знаю. Но при чем здесь я?

— Вот уж не скажу. Ни при чем. Просто к слову пришлось.

— Ну, хоть знаю. Не намекаете ли вы, что я на вашей посудине тоже могу утонуть? На этом-то «мониторе»?

Он покривился: нахваталась словечек!

— Утонуть, дорогая, можно в ложке с лапшой. Это как ее хлебнешь.

Мимо них, что-то спьяну бормоча, прошел Призмазонов.

— Нализался! — сказала брезгливо Женя, проследив за ним взглядом.

— Проспится.

— Пьяный проспится, дурак никогда. Ненавижу его, как червивую собаку.

— Да тебе-то он что?.. — изумился Неведров.

— Как это что? Он к моей матери сватается.

Это было новостью. Но Неведров, только что советовавший Призмазонову жениться, отнесся к ней равнодушно. Пусть хоть так: два сапога — пара...

— Вот и хорошо. Изменится. Пить перестанет.

— Волк шерсть меняет, а характера не меняет, — непримиримо сказала Женя; наверное, прибауткам она выучилась у матери, но у матери они звучали естественнее, даже если говорились не к месту, а Женина речь была куда мелодичнее без красного словца. — Да знаете, они жить собрались. Жить! А разве это жизнь? Чем так, лучше с моста в воду.

Он шутливо отстранил ее от перил, а сам засмотрелся вниз. Воды не было видно, лишь одним белесым намеком проступали раковины, крупные, как тарелки. Их занесло в речку прибоем. Они были очень декоративны, те раковины, и молодежь в поселке выложила ими вокруг каждого дерева ажурные бордюрчики.

Женя восприняла его непривычно теплый жест как разрешение говорить более задушевно и откровенно. Она прошептала жалостно, с интонацией обиженной девчонки:

— Надоело вот так. Как богодув хожу...

Неведров хмыкнул. Богодувами в здешних краях называли людей, слоняющихся без дела, забулдыг, пьяниц. Тоже нашлась... Он спросил, платя откровенностью за откровенность:

— Откуда ты такая? Мать твою я знаю. Ты не в мать.

Наверное, Жене не по душе был этот вопрос, и она расстроенно ответила:

— Ну, мать... она от своих родителей, от себя. А я, должно быть... не хочу, чтобы только от своих родителей и только от себя. Это само собою, этого никуда не денешь, конечно. А я... а мне этого мало. А я от всех хочу быть, с кем дружу, кого люблю. От всей страны. Чем она живет, страна, тем и я обязана жить.

Неведров помалкивал и в раздумье ломал в кармане спичку за спичкой: курить он давно бросил, а коробку со спичками по старой привычке всегда носил с собою.

— Вот что я тебе скажу, — сурово сказал Неведров. — Никакой работы для девчат на шхуне нет и не предвидится, далеко в море мы не уходим, на обед да на ужин возвращаемся к женам своим и детишкам...

— Нет же у вас детишек.

— Есть, — почти со злобой сказал Неведров. — Ты уж, сделай милость, моих детишек не тронь. Сделай такую милость. И в общем, на шхуну я тебя не возьму. Не блажи, езжай в район, там работы по горло. Да и здесь, помимо шхуны, найдется.

Женя пролепетала:

— Спасибо за совет.

— Не стоит благодарности.

На том они расстались. У Неведрова было двойственное чувство жалости к ней и злости. Но она достаточно его преследовала. Хватит! Пусть поищет других. Он ей не мальчик шутки разные шутить...

Домой он вернулся с тихим сознанием вины перед женой.

Соня казалась успокоенной. Хотя пронзительно задувал ветер, она сидела на веревке, натянутой между двумя столбиками только еще запланированного палисада, и раскачивалась, как на качелях. Наверное, все время ждала его...

Он грузно прошел мимо нее, но на пороге обернулся:

— Ну что ж, пойдем... Ты ужинала?

— Нет.

— А я не то обедал, не то ужинал — не пойму. Чайку бы выпил.

Соня, неслышно ступая за ним, зябко куталась в телогрейку.

— Я сделала салат из капусты.

— А, вот спасибо.

Пока он умывался под рукомойником, разбрызгивая во все стороны воду, Соня из другой комнаты приглушенно сказала:

— Так что, Кирилл, может быть, выпишем детей? Василька...

— Почтой, — фыркнул он под рукомойником. — Заказной бандеролью...

Но Соня, кажется, не шутила.

— Правда, Кирилл...

— А уезжать? А лечиться? — оторопело воззрился он на нее.— Тебе же лечиться нужно.

Она опустила голову и промолчала. Что-то с ней и в ней произошло сегодня, и он не мог найти этому объяснения. Неведров кое-как вытерся и подошел к жене.

Она стояла у стола, поникшая и взволнованная.

— Что будет с островами, если начнем уезжать отсюда ты, да я, да кто-то еще? — спросил он проникновенно, прикрыв ладонью ее ладонь, и натруженная, затвердевшая кожа коснулась такой же затвердевшей; казалось, достаточно ударить ладонью о ладонь — посыплются искры. — Что будет с островами, если останутся здесь одни призмазоновы?..

Соня не знала, что тогда станется с островами. Но он-то верил, что ей судьба островов небезразлична — иначе не жила бы она с ним здесь столько лет...

Неведров взглянул на нее искоса. За эти «столько лет» она подурнела, что говорить. Это к старости. Он никогда не питал к ней тех чувств, той страсти, о которых в книжках пишут. Впрочем, как знать, возвышает или принижает такая страсть. Он просто верой и правдой был ей мужем, а она верой и правдой была ему женой. Если бы кто-то сказал ему, что без некой особенной любви, без неких возвышенных ощущений вся его жизнь с Соней ничего не стоила, он бы плюнул тому в глаза.

— Милая, — сказал он непривычное для слуха обоих слово, и оба от этого слова вздрогнули. — Милая... Бессменная ты моя!

Соня первой опомнилась от наваждения. Она стала прежней Соней — суховатой и недоверчивой. Может, Неведров сам был виноват в том, что год за годом она становилась такой. Может, ему стоило назвать жену милой куда раньше.

Отстранив мужа, она сказала с легким упреком:

— Ты как будто в заслугу себе ставишь эту мою... бессменность. Как будто на этом чтото потерял...

Неведров обиделся, хотя она была права: никакой тут его заслуги...

Отойдя к окну, он начал ломать в кармане спички — методически, одну за другой... За окном ни зги не было видно. Ветер набрал уже такую силу, что дребезжали стекла и шевелились занавески. Вдруг вспомнилась Женя. И ее отец — по-видимому, пройдоха из пройдох, — он лежал в гробу среди вороха цветов и подмигивал живым глазом.

Странным казалось об этом думать, но у Жени была живость, унаследованная не иначе как от отца. Странно было об этом подумать, но Неведрова больше устраивало, что Женя позаимствовала что-то в характере отца, но начисто пренебрегла тяжеловесными мамиными добродетелями. Хотя по-своему она ее любила, тревожилась о ней...

Рассуждая так, Неведров пришел к выводу, что обидел Женю зря. И категорически отказывать ей было ни к чему. Конечно, сейчас девчонке на шхуне делать нечего, как бы она там ни настаивала. Но не век же бригада будет тралить анфельцию! Пойдут же они когда-нибудь и на экспедиционный лов, на сайру, на сельдь! Вот тогда-то и сгодилась бы Женина помощь, можно было бы взять ее коком, что ли... Он наказывал себе исправить оплошность и обнадежить Женю, чуть только та попадется ему на глаза.

— Я не хотела тебя обидеть, — где-то далеко-далеко и как-то глухо-глухо сказала Соня. — Я не хотела, правда же...

Но его обида уже прошла. Он повернулся от окна привычно насупленный, привычно грубоватый.

— Ладно, — сказал он. — Не будем считаться. За Василька — спасибо. Это ты... это ты молодец.

И, не отрывая от жены взгляда, потянулся за телогрейкой.

— Схожу на пирс.

— Опять! Выпил бы чаю хотя...

— Потом. Без чая еще никто не умирал. Да, вот что, — вдруг вспомнил он. — Если меня долго не будет и тут что-нибудь такое... загляни, пожалуйста, к Лукиничне. Очень меня беспокоит ее хатка. На самом ветродуве она...

До последних минут Неведров еще надеялся, что беду пронесет. А сейчас он на это уже не надеялся и внутренне окреп, ощутил знакомую собранность.

Он вышел на крыльцо. Да, уже никаких не было на небе просветов. Никакого «глаза». На остров наползал размазанно-черный, незрячий лик тайфуна.

АВСТРАЛИЯ ПОЕТ

По мотивам австралийских народных песен

Алексей СУРКОВ

Осенью прошлого года я провел три недели в Австралии. По пути туда я первый раз в жизни пересек экватор и попал впервые в южное полушарие, где все не так, как в нашем, северном. Не так стоят звезды на небе. В то время как у нас наступает осень, у них начинается весна. Люди с севера едут спасаться от зноя на юг. Города похожи на английские только по названиям и внешности. Только по внешности похожи на англичан, ирландцев, валлийцев и шотландцев нынешние внуки и правнуки выходцев с британских островов. Жизнь в просторной, еще до сих пор на добрых две трети необжитой стране наложила неизгладимый отпечаток на их характер, повадки, привычки, на их быт и фольклор. Англичанин сдержан и замкнут. Австралиец дружелюбен и общителен. Пионеры, заселявшие австралийский материк, были обречены на замкнутую жизнь в одиноких усадьбах, заброшенных в глушь джунглей или в малые оазисы среди Великой Австралийской пустыни. Каждый случайный спутник был для них находкой. Песня входила в одинокое жилище, на уединенное поле, отвоеванное у «буш», как единственный и желанный собеседник. Отсюда общительность в характере австралийца. Отсюда его «певучесть», склонность петь и в одиночку и хором на пикниках, склонность к этой широкой форме человеческого общения.

Народная песня — зеркало народной жизни. Меня австралийская народная песня пленила своей энергией, жизнерадостностью, неисчерпаемым и неистребимым юмором. Она спутница и зеркало нравов тех, кто населял страну во второй половине девятнадцатого и в начале двадцатого века. Песня — спутница вековечных бродяг-поденщиков, всю жизнь меряющих шагами дороги Австралии в поисках работы. Она спутница ширеров — стригалей, в сезон стрижки овец зарабатывающих «длинные доллары» у хозяев-скваттеров и умеющих быстро и шумно истратить эти деньги в ближайших придорожных кабачках, разбросанных по всей обжитой части страны, заменяемых ныне заправочными станциями и американизированными барами с высокими стойками и дьявольской коктейльной смесью вместо старого традиционного пива.

Некоторые из народных песен настолько популярны, что их с бо́льшим основанием можно назвать национальным гимном австралийцев, чем официальный гимн. Первой среди таких песен является «Плясунья Матильда», воспевающая неистощимую жизнерадостность «свегмена» — бродяги-поденщика и верного его спутника — заплечный мешок «Плясунью Матильду», неутомимо танцующую на спине своего хозяина и по дорогам Тасмании, и по дорогам тропического Квинсленда, и по выжженным беспощадным солнцем дорогам Центральной Австралии.

Простота, жизнерадостность, какой-то неистощимый оптимизм народных песен запали мне в сердце, и я сделал попытку вольно переложить их на русский язык, чтобы дать нашему читателю хотя бы приблизительное представление о своеобразнейшем австралийском фольклоре и через него — возможность заглянуть в сердце общительного, трудолюбивого и органически расположенного к дружбе народа.

ПЛЯСУНЬЯ МАТИЛЬДА

Встал веселый свегмен
На привал у озера.
В тень эвкалипта загнал его зной.
И он пел у костра и ждал,
И чайник ему подпевал:
Всюду Плясунья Матильда со мной.
Пляшет Матильда, пляшет Матильда,
Всюду Плясунья Матильда со мной.
И он пел у костра, и он ждал,
И чайник ему подпевал:
Всюду Плясунья Матильда со мной.

Подошла овечка
К озеру напиться.
Бросился свегмен за жирной овцой.
И он пел, и суму раскрывал,
И в сумку овцу убирал.
Всюду Плясунья Матильда со мной.
Пляшет Матильда, пляшет Матильда,
Всюду Плясунья Матильда со мной.
И он пел, и суму раскрывал,
И в сумку овцу убирал.
Всюду Плясунья Матильда со мной.

Появился скваттер
На горячей лошади.
Стражник показался один и другой.
— Ну-ка, парень, суму раскрывай
И живо овцу подавай!
Всюду Плясунья Матильда со мной.
Пляшет Матильда, пляшет Матильда,
Всюду Плясунья Матильда со мной.
— Ну-ка, парень, суму раскрывай
И живо овцу подавай!
Всюду Плясунья Матильда со мной.

Быстро прыгнул свегмен
В озеро с разгона.
— Я вам не дамся, не сдамся живой!

С той поры он на дне лежит,
Но все голос его звучит:
— Всюду Плясунья Матильда со мной.
Пляшет Матильда, пляшет Матильда,
Всюду Плясунья Матильда со мной.
С той поры он на дне лежит,
Но все голос его звучит:
— Всюду Плясунья Матильда со мной!

«ЛЕНИВЕЦ ГАРРИ»

Мы из Рото, кончив стрижку,
Подались с большой деньгой,
Порешив без дела, праздно
Шляться месяц и другой.
Если чек шуршит в кармане,
Для гуляки Сидней — рай.
Но стоит «Ленивец Гарри»
По дороге в Гандигай.
В пути на Гандигай,
Пять миль — и Гандигай.
Кабачок «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай.

В Морамбиджи возле Янко
Мы в неделю добрели;
Барнет-крик за Нарандеррой
Старым бродом перешли.
В Вэгг не сделали привала —
Прямо в Сидней, знай, шагай!
Но сманил «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай,
В пути на Гандигай,
Пять миль — и Гандигай.
Кабачок «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай.

Знал я девушек немало
И немало пива пил.
От девчонок и от пива
Я терял нередко пыл.
Но такое злое пиво
И девчонки — век вздыхай! —
Есть в одном «Ленивце Гарри»
При дороге в Гандигай.
В пути на Гандигай,
Пять миль — и Гандигай.
В кабачке «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай.

Тут мы с плеч мешки смахнули
И ввалились дружно в бар.
Заказали ром, малину
И по шиллингу сигар.
А девчонка за прилавком
Подмигнула: «Не плошай!»
Так нас взял «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай.
В пути на Гандигай,
Пять миль — и Гандигай.
Кабачок «Ленивец Гарри»
При дороге в Гандигай.

За неделю все, до пенни,
Мы спустили в кабаке.
Вскинув на плечи котомки,
В путь пустились налегке.
Милым девушкам сказали
Мы прощальное «гуд бай!».
Прощевай, «Ленивец Гарри».
Мы пошли на Гандигай.
Путем на Гандигай,
Пять миль — и Гандигай.
Прощевай, «Ленивец Гарри»,
Мы пошли на Гандигай.

«КЛИК!» — ГОВОРЯТ НОЖНИЦЫ

Старый ширер в загоне сидит в холодке,
Держит ножницы в длинной, костлявой руке.
Смотрит долго на голый овечий живот.
Дай другую — покажет он всем, как стрижет!

«Клик! — клекот ножниц.— Клик! Клик!
Клик!»
Взмахи все быстрее, держись, старик!
Самый быстрый ширер отстает слегка,
Сердится, ругает деда-чудака.

Босс на стуле плетеном сидит за столом,
За работой следит, шарит взглядом кругом.
Он ворчит, стригалей нерадивых коря,
Чтоб шерстинка и та не пропала зазря.

«Клик! — клекот ножниц.— Клик! Клик!
Клик!»
Взмахи все быстрее, держись, старик!
Самый быстрый ширер отстает слегка,
Сердится, ругает деда-чудака.

Тут же парень измазанный в грязной руке
Держит черного дегтя запас в котелке.
Чуть увидит порез у овцы на боку,
Ширер просит: — Эй, Джекки, подай деготьку!

«Клик! — клекот ножниц.— Клик! Клик!
Клик!»
Взмахи все быстрее, держись, старик!
Самый быстрый ширер отстает слегка,
Сердится, ругает деда-чудака.

Стрижку кончили все, получили расчет.
Живо, скатки на плечи! В дорогу! Вперед!
В кабачке соберется наш дружный кружок.
Всех, кто входит, зовем: — Выпей с нами, дружок!

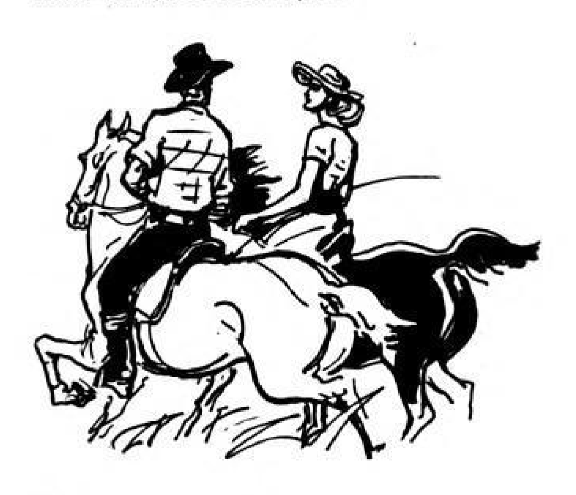
«Клик! — клекот ножниц.— Клик! Клик!
Клик!»
Взмахи все быстрее, держись, старик!
Самый быстрый ширер отстает слегка,
Сердится, ругает деда-чудака.

Старый ширер у стойки немножечко пьян.
Он в натруженных пальцах сжимает стакан.
Он не сводит с бочонка зеленого глаз.
— То-то, мы его нынче осушим как раз!

«Клик! — клекот ножниц.— Клик! Клик!
Клик!»
Взмахи все быстрее, держись, старик!
Самый быстрый ширер отстает слегка,
Сердится, ругает деда-чудака.

РЕКА РИДИ

В воскресный день однажды
Миль десять по реке
К лагуне с Мэри Кемпбелл
Скакал я налегке.
Мы дали роздых коням.
День в горных складках сник.
Под сенью казуарий
Мы шли вдоль Роки-крик.

Потом домой галопом
Мы мчались в тишине.
Лик милой Мэри Кемпбелл
Был светел при луне.
Мне счастье в лунном свете
Мерещилось вдали.
Устали наши кони
И тихо в ряд пошли.

В десятке миль от Райен,
Где близок горный пик,
Я домик свой построил
Над самым Роки-крик.
Расчистил я участок,
Все взял своим трудом
И перед урожаем
Ввел Мэри в новый дом.

Дубы грустят над Риди,
Струится вдаль река.
Как прежде, отразились
В лагуне облака.
Над желтой тонкой пылью,
Что ветром взметена,
Как встарь, сияют солнце,
И звезды, и луна.

Но от моей избушки
Давно уж нет следа.
Давно дождями в поле
Размыта борозда.
Дни радости умчались,
И в сердце я унес
Могилу бедной Мэри
Меж золотых мимоз.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО

Дороги или тропки

Вл. РУДИМ

— Вы не могли бы уделить мне несколько минут внимания?

Вид у мужчины растерянный, он нерешительно опускается на предложенный ему стул.

— Я зашел в редакцию посоветоваться. Вот какая история произошла со мною.

Александр Семенович Михайловский приехал в Москву по служебным делам и, покончив с ними, заглянул в редакцию.

Он рассказывает взволнованно и сбивчиво. После окончания института его послали работать на мясокомбинат начальником холодильника. Пока он осваивался да присматривался, к нему тоже кое-кто присматривался и «подбирал отмычки», как выразился сам Михайловский.

Дело в том, что на комбинате орудовали жулики, а им очень был нужен начальник холодильника, чтобы списать недостачу мяса. Видя, что новый работник на махинации не идет, дельцы составили фиктивный акт о порче мяса, доложили «своему» человеку в управлении, и ...Михайловский оказался уволенным.

Нет, он сейчас пришел в редакцию не затем, чтобы просить о восстановлении на работу.

— Этот вопрос уже решен,— говорит Александр Семенович.— Правда, мне предоставили новую работу, не на мясокомбинате, но я вполне удовлетворен. Меня угнетает другое: я все еще чувствую себя виноватым перед коллективом мясокомбината.

И Михайловский рассказывает, что в дни, когда он хлопотал в связи с фиктивным актом, ему стали известны серьезные махинации на комбинате, но так как он ушел оттуда, то не стал никому о них сообщать. Успокоился? О, нет, его все время мучила совесть: «Вот я знаю то, что другим не известно, и молчу. Я пытаюсь себя уговорить: это уже тебя не касается. Словами себя утешаю, а сердце не принимает их! Чувствую: неправильно я живу, а все же не хватает решимости поступить так, как нужно».

Долго бередили душу Михайловского разные сомнения. Это был не только вопрос о том «сказать или не сказать», это было гораздо большее — поверка своей принципиальности и честности.

Принять правильное решение помогли ему многие. Он никогда не забудет случайной встречи в пригородном поезде с рабочим холодильника Иваном Якушиным. Это был тот самый рабочий, на которого Михайловский как-то накричал, хотя и за дело, но грубо, оскорбительно. Следовало бы извиниться, да тут возникла эта история с увольнением, и Михайловскому уже было не до других. И сейчас, в поезде, он со всей остротой понял свою ошибку.

Заметив Якушина, Михайловский хотел было пройти мимо, но Якушин сам поднялся навстречу. И сказал, что Михайловского уволили несправедливо, что, если нужно, он пойдет куда следует и даст свои показания. Александра Семеновича очень тронули эти слова.

Или встреча с Анной Юрьевной Хлебниковой, которую все считали на мясокомбинате черствым человеком, «сухарем». А, собственно, из-за чего? Из-за того, что она никогда не позволяла себе на завтрак отрезать кусочек колбасы, изготовляемой в цехе, а всегда покупала в магазине. Честность Анны Юрьевны и родила незаслуженное «сухарь».

— Меня она тоже как-то покритиковала за сто граммов колбасы, я на нее глупо обиделся,— сознался Александр Семенович.— А когда у меня произошла неприятность, по инициативе Анны Юрьевны была создана комиссия, которая все тщательно проверила и сняла с меня ложное обвинение.

Вот какие люди работали рядом с Михайловским. Расставшись с ними, он все время думал: прав ли, что молчит?

Каплей, переполнившей чашу, была короткая газетная заметка из зала суда: заведующего скотобазой осудили за махинации, которые принесли ему огромный барыш. Одному такая операция не по плечу. А где же сообщники? Они укрылись. Михайловский только теперь с такой остротой почувствовал: вот почему он мешал кое-кому на мясокомбинате. Был бы он там — на скамье подсудимых сидело бы несколько человек.

Оставить это? Нет и нет. Он нашел в себе силы побороть сомнения и заявил о том, что знал. Теперь решающее слово — за следственными органами.

А в редакцию Михайловский зашел только за тем, чтобы услышать, что он поступил правильно, «по правде нашей жизни».

Со своими раздумьями и сомнениями обращаются в редакцию многие: одни сами приходят, другие присылают письма. Спрашивают: как мне жить дальше, прав я или неправ?

Такой же вопрос содержался и в письме, полученном «Огоньком» из Молдавии.

«Не знаю как нужно жить на свете: обманывать ли, наносить ущерб предприятию, подхалимничать, заискивать, как делают некоторые и живут припеваючи, или жить честно, добросовестно и соблюдать государственные интересы?»

Автор этого письма — Евгений Егорович Перерва, работавший главным бухгалтером на консервном заводе «Октябрь» в Молдавии. Он сообщает, что его уволили за то, «что честно живу на свете и мешаю жуликам воровать и обманывать государство».

И вот я еду в Молдавию в поселок Красное. Я выслушал Е. Е. Перерву, директора завода Н. Д. Кузнецова и других людей — на заводе «Октябрь», в Тираспольском райкоме партии, в Кишиневе, в совнархозе. Было время, когда Кузнецов и Перерва жили душа в душу. Оба вели себя с подчиненными грубо, время от времени запускали свою руку в государственный карман. И все было тихо — сор из избы не выносили.

Но вот между ними что-то произошло (мне так и не удалось узнать, что именно), и дороги вчерашних друзей разошлись. А когда Перерва оказался уволенным, он стал выступать в роли борца за честность и справедливость, начал во все концы посылать жалобы и просить защиты. Позиция у Перервы хитрая: почти все, что он сообщал, соответствовало действительности. Верно, что на заводе крупные недостатки, что Кузнецов в ряде случаев, выражаясь языком дипломатическим, превышал свои полномочия и старался свои личные расходы переложить на завод. Верно, что служебная легковая машина превращена в личную собственность семьи Кузнецова и уже прославилась на всю Молдавию: директорский сын налетел на этой машине на колхозную подводу, убил лошадь и покалечил человека. Кузнецов и шофер заводской легковой автомашины Никуличев систематически представляли фиктивные командировочные удостоверения и по ним получали деньги.

Все это делалось со спокойной совестью: к таким делам на заводе привыкли. Лишь бы выполнять план, а все остальное неважно.

А каков же Перерва? Он незаконно выписал себе лечебное пособие, запустил учет, выгнал более тридцати бухгалтеров. У Перервы мерка к человеку одна: если не согласен с ним — вылетай.

Вот сидит передо мною Ф. З. Вальков и рассказывает о том, как Перерва над ним «по-соседски издевался». Федор Захарович — заводской плотник и сосед Перервы, их дома стоят рядом. Когда Перерва строил себе дом, двери и окна ему делал Вальков. Причем делал за счет заводского служебного времени. Перерва снимал его с работы и посылал к себе строить и пилить. Так почти полтора месяца трудился Вальков на Перерву. Чем же он не угодил главному бухгалтеру? Материал на окна и двери оказался сырым, и они летом рассохлись. Вот за это Перерва и начал гонение на соседа: то здесь ущипнет, то там укусит.

— Даже кур моих потравил, двадцать одну штуку,— добавляет Вальков.

Захотел плотник провести электричество — Перерва не разрешил взять отвод от своего столба. Пришлось Федору Захаровичу ставить столб и тянуть провод от другого соседа. Теперь нужно было уплатить в заводскую кассу за проводку — Перерва не принимает денег, несмотря на три резолюции директора. Валькову ничего другого не оставалось, как перевести деньги по почте.

Перерва хочет только одного: защитить свои узкие, эгоистические интересы. Справедливость для него — это когда ему не мешают, когда во всем потакают, когда можно извлекать максимум благ из своего служебного положения. И едва Перерве помешали в этом — он поднял крик: пострадал за то, что хочу честно жить.

Спустя некоторое время после командировки я позвонил в Кишинев, в Управление консервной промышленности, спросил, что нового на заводе «Октябрь». Начальник Управления Б. Свиридов сказал:

— Кузнецов исправляется, дела у него идут лучше.

— А что слышно о Перерве?

— Продолжает жаловаться.

В редакционной почте есть новые письма с теми же вопросами: «По совести, по правде ли я поступаю?» Люди поверяют свои думы, пишут о себе и о товарищах, пишут о тех, кто бродил глухими тропками и выбрался, наконец, на широкую дорогу правдивой, честной жизни, пишут о тех, кто помог заблуждавшимся добрым советом, делом, примером.

Тропки и дороги... Они еще переплетаются в нашей жизни. И тем, которые упорствуют, не желают сойти с темных тропок, хочется сказать словами А. М. Горького: «В интересах ваших искренно желаю, чтоб жизнь хорошенько взгрела вас, чтоб вы почувствовали на коже вашей ее тяжелую, шершавую руку,— великой беспощадной учительницы, которую мы, люди, сами же насыщаем разумом и волей».

Это — справедливое пожелание.

Красива Африка!

Еще в конце 1959 года я побывала в Эфиопии с первой группой советских туристов. Две недели — короткий срок, но впечатлений за это время набралось столько, словно провела я там годы.

Эфиопия — очень красивая высокогорная страна. Голубые озера и Голубой Нил, синее небо и синее Красное море. Все города утопают в зелени и цветах.

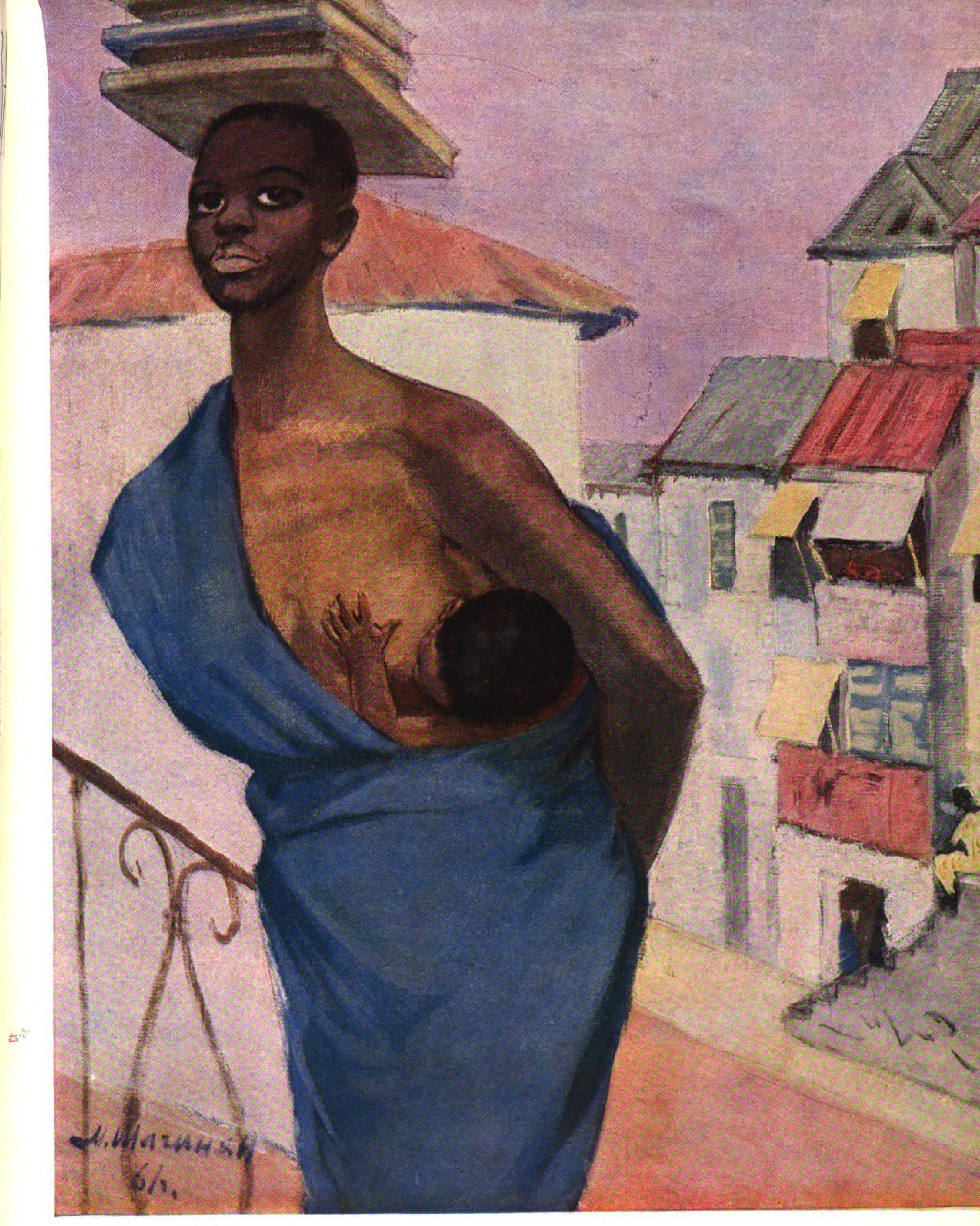
Не менее, чем пейзаж, поражает глаз художника на редкость красочная грациозная толпа. Стройные женщины, с корзинами на головах и детьми за спиной, похожи на черную деревянную скульптуру. Они очень приветливы, любезны, всегда улыбаются и всегда рады поговорить с вами. Как только принимаешься за карандаш и бумагу, толпа сразу же окружает плотным кольцом. Начинается длинный разговор, причем участвуют в нем главным образом руки. Но собеседники всегда понимают друг друга.

Вся жизнь этих городов — на улицах, на базарах. Торгуют кофе и сахарным тростником, циновками и керамикой, фруктами и золотыми украшениями. И все это пестро, насыщено красками.

В Аддис-Абебе я познакомилась с очень интересным художником Эфеверком Текле. Его работы сейчас экспонируются в Москве, в Музее восточных культур.

Вторично я отправилась в Африку в конце прошлого года и побывала на сей раз в Гане, Того и Либерии. Здесь пейзаж совсем другой, чем в Эфиопии. Серый океан. Прямо на берегу — ряды кокосовых пальм. Их корни омывает прибой. Очень влажно. Небо кажется подернутым дымкой. Оно тоже серое, как и океан, даже в солнечный день. Зато земля красная. И опять удивительно стройный, красивый и очень радушный народ. Опять радость встреч: собеседники узнают, что мы из Советского Союза, и становятся нашими друзьями.

Мирэль ШАГИНЯН

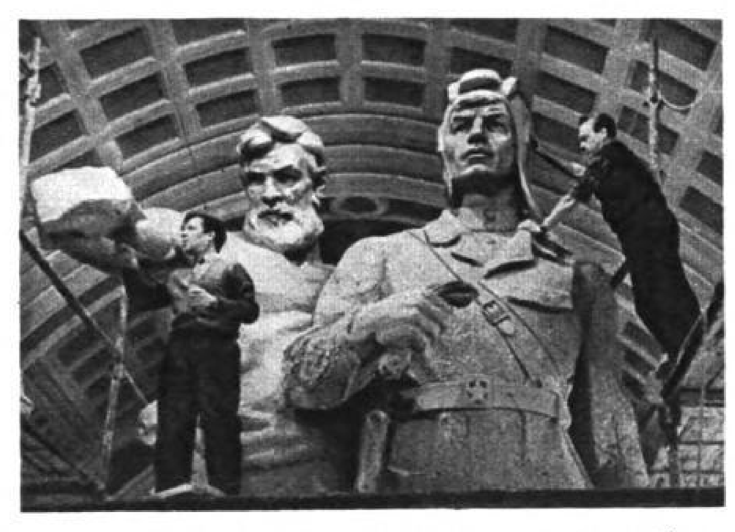

Мирэль Шагинян. МАТЬ. Гана.

Мирэль Шагинян. СКУЛЬПТОР. Гана.

ХИЖИНА В ГОНДАРЕ. Эфиопия.

ВОКРУГ НАС

Скульпторы В. Друзин и П. Сажин в мастерской у памятника героям-уральцам.

Фото И. Тюфякова.

ГИГАНТ

Все дальше в открытое море уходят буровые вышки нефтяников Азербайджана, установленные на искусственных стальных островах. На них строятся поселки. А в недалеком будущем на таких островах будут воздвигаться настоящие города. Для этого потребуются новые мощные технические средства.

Советские конструкторы разработали проект колоссального плавучего крана — строителя морских нефтепромыслов. Грузоподъемность его — 250 тонн.

Кран-гигант будет погружать в портах на палубу части искусственных стальных или железобетонных островов, буровые вышки и нефтяное оборудование. Затем кран сможет перевозить их по Каспийскому морю в любую погоду и в любое время года. Он будет также устанавливать искусственные острова на морском дне на глубине до шестидесяти метров, воздвигать на островах буровые вышки с оборудованием и все остальные сооружения, а если нужно, и разбирать их.

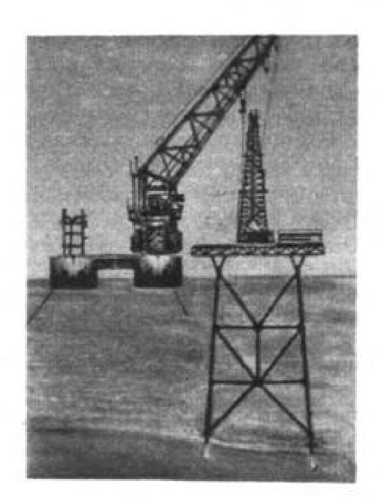
Попробуйте представить себе размеры крана. Трехгранная трубчатая стрела его длиною 70 метров опирается на огромную стальную башню, так называемый колокол, высотой с девятиэтажный дом. В колоколе размещены несколько машинных залов с подъемными лебедками, кабина управления, грузо-пассажирский лифт, десятки мощных электромоторов, работающих от собственной дизель-генераторной установки.

Все зарубежные плавучие краны могут работать только в портах, на спокойной воде.

Горьковским судостроителям пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить необходимые для работы при сильном волнении мореходные качества судна. Они создали оригинальное крановое судно, состоящее из двух корпусов, соединенных одной общей грузовой палубой,— морской катамаран.

В этом году кран будет изготовлен на заводе подъемно-транспортного оборудования в Ленинграде, а крановое судно — на заводе «Красное Сормово» в Горьком.

Т. РУСАКОВ, инженер-конструктор.

Героям-уральцам...

Уральский добровольческий танковый корпус! Через Орел, Львов, Берлин, Прагу пронес он свои боевые знамена. Тридцать семь Героев Советского Союза было в его составе. Уральцы сражались в танках, сделанных их отцами и братьями сверх напряженного военного плана.

Одна из магистралей украинского города Каменец-Подольска называется улицей Уральских танкистов. Во Львове есть сквер и площадь имени танкиста-уральца Александра Марченко, а в Праге на гранитном постаменте как символ вечной славы стоит исторический уральский танк, один из тех, что принес освобождение столице Чехословакии...

В Свердловске воздвигнут монумент в честь героев Отечественной войны — воспитанников Уральского политехнического института. Недавно на площади перед зданием института состоялось его торжественное открытие. Монумент создан по инициативе и на средства студентов.

Танк из гранита будет служить пьедесталом величественному памятнику героям-уральцам, который устанавливается на Привокзальной площади Свердловска.

А. ТРИГОРЬЕВ

Памятник героям Отечественной войны — воспитанникам Уральского политехнического института.

Толина пушка в музее

Десять лет назад в тридцать седьмом номере «Огонька» за 1951 год была напечатана корреспонденция «Толина пушка» и снимок: юноша около орудия. На металлической табличке, прикрепленной к щиту, можно прочитать:

«Моему дяде Андриенко Устину Федоровичу.

Пусть мой скромный подарок ускорит разгром фашистской Германии.

Ваш племянник Толя Андриенко. 29. 4. 45 г.».

...В освобожденную от врага Одессу вернулась из эвакуации вместе с заводом семья рабочего Я. Ф. Андриенко. Его братья сражались на фронтах. Старший из них, Устин Федорович, прислал письмо. Он был командиром орудия, прошел путь от Орловско-Курской дуги до Венгрии. Там его ранили. Устин сообщил, что ранение легкое, скоро поправится, но пушки у него пока нет. Разбил вражеский снаряд.

Письмо Устина встревожило девятилетнего племянника Толю.

— Дядя без пушки! Все воюют, наши войска идут вперед. Лишь дядя Устин не может воевать.

Пионер Толя Андриенко написал тайком письмо и послал по адресу: Москва. Кремль. Верховному главнокомандующему.

— Что же ты написал тогда в своем письме? — спросил я летом 1951 года, когда был в Одессе, у комсомольца Анатолия Андриенко.

— Написал так: «Я нашел много золота. Прошу на деньги от моей находки купить новую пушку и послать в часть, где служит мой дядя младший сержант Андриенко. Пусть уничтожит побольше фашистов».

История находки такова.

Однажды в развалинах разбитого бомбой дома мальчик нашел клад. Большая жестяная банка, довольно тяжелая. Когда ее вскрыли, оттуда посыпались золотые кольца, браслеты, цепочки, медальоны, крестики, часы, даже золотые зубы. На дне в мешочке лежали бриллианты, алмазы, жемчуга. А под ними записка на чужом языке. Перевели ее на русский, прочитали и узнали, чья жестянка. Гитлеровский громила награбил у наших людей добро, сложил в банку и запаял ее. В записке он указал свой адрес за границей, чтобы эти ценности отослали, если на советской земле ему придет капут.

Клад в жестянке был передан Толей и его отцом-коммунистом в фонд обороны Родины.

И в самом начале 1945 года «персональная» пушка прибыла на фронт.

Толина пушка участвовала в боях за освобождение Будапешта, Вены и Праги.

«Свою» пушку Толя впервые увидел, когда ему было 16 лет.

Мы вместе поехали в полк, где служил его дядя и где оставалась на страже мира пионерская пушка. Артиллеристы радостно встретили юношу, называли его «хозяином пушки». Толя сказал, что тоже хотел бы стать артиллеристом. И ему помогли осуществить это желание. Осенью 1951 года он поступил в артиллерийское училище. Теперь Толина пушка переменила адрес и находится в Ленинградском артиллерийском музее.

Я написал об этом Толе в его воинскую часть, но письмо вернулось обратно: в соответствии с законом Советского правительства о сокращении Вооруженных Сил СССР расформирован полк, в котором служил Анатолий Андриенко. Его демобилизовали. Он вернулся в Одессу, работает электриком в бригаде коммунистического труда на том же заводе, где трудится его отец.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Михаил ДУДИН

* * *

Траве расти, и женщинам рожать,
И соловьям свистеть рассветной ранью.
Пройдет вся жизнь моя, а я все буду ждать
Своих друзей, оставленных за гранью
Слепых огней и вечной тишины,
Откуда нет моим друзьям возврата.
Но наши души не разобщены,
И мертвый брат живого кличет брата.
О соловьиный щелк на утренней заре,
Свист пеночки в черемуховой дрожи!
Окопный дым и вся земля в золе.
Два сердца. Две любви, как две росинки, схожи.
Нет, не тоска! Немая песнь души,
Живых и невозвратных связь живая.
На перекличку дружества спеши,
Моя печаль, душа сторожевая.
Я крест тревоги до конца снесу,
Чтоб никогда и никакая сила
Июньскую тишайшую росу
В черемухе цветущей не спалила!

КАК ЗАЖИГАЮТСЯ МАЯКИ

В. ПОЛЫНИН

Этой зимой — начиная с январского Пленума ЦК КПСС, во время зональных совещаний с участием Н. С. Хрущева — в печати замелькало знакомое мне еще с прошлого года имя рабочего совхоза № 23 Павлодарской области, Целинного края, кукурузовода Казбека Жапарова.

...Казбек Жапаров при встрече Н. С. Хрущева в Целинограде — тогда еще Акмолинске — преподносит высокому гостю от имени всех целинников хлеб-соль... Казбек Жапаров сидит в президиуме совещания целинников... Казбек Жапаров выступает на совещании с речью... Н. С. Хрущев называет Казбека Жапарова чародеем казахстанской земли и маяком в нашем сельском хозяйстве...

Самое любопытное, что этот яркий маяк зажегся там, где, казалось, меньше всего следовало ожидать его вспышки. Совхоз № 23 овцеводческий. В рационе овец, как известно, кукурузный силос не имеет большого удельного веса. И совхоз получал грамоты на Всесоюзной выставке за хорошие настриги шерсти, и старший чабан совхоза Куляй Шарбакбаева стала Героем Социалистического Труда в то время, когда овец кормили на естественных пастбищах и за счет сенокосов правобережья Иртыша. Не было, кажется, никаких причин к тому, чтобы кукуруза в совхозе № 23 стала любимицей.

Я был в этом хозяйстве в прошлом году. Павлодарская область с ее легкими песчаными почвами — во всем северном Казахстане самое благоприятное место для выращивания проса, дефицитной крупяной культуры. А в совхозе № 23 дела с просом шли лучше, чем в других хозяйствах.

Расспрашивая директора совхоза Петра Мефодьевича Выборного о многовековом опыте казахов-просоводов, я прочел на полусвернутом знамени, стоявшем в углу директорского кабинета: «...за кукурузу...» Это было знамя «местного» значения, и я лишь на всякий случай записал: «Казбек Жапаров — 580 цнт. с га». Показатель не бог весть какой: в том же году звеньевой Чистовского совхоза Северо-Казахстанской области Алексей Коваленко получил с каждого гектара по 1 008 центнеров зеленой массы с початками...

И вот по итогам 1960, тяжелого для Целины года Казбек Жапаров вышел вперед со своими 660 центнерами, обогнав Алексея Коваленко, который на тучном черноземе, а не на песках накосил в два раза меньше. Кукурузовода-ветерана Алексея Коваленко подвели холода, непогода, несвоевременные осадки, а Казбеку Жапарову все это было, словно слону дробина.

А ведь из маяков предпочтение отдают тем, что горят ровным, постоянным, немеркнущим светом, и особенно в ненастье...

* * *

Естественно, с тех пор к Казбеку Жапарову началось паломничество кукурузоводов и некукурузоводов. Петр Мефодьевич Выборной, директор совхоза, вот-вот объявит гостеприимство опаснейшей и вреднейшей традицией. К счастью для самого Казбека, при всем его уважении к людям, интересующимся подробностями его жизни и работы, он, ни о чем не умалчивая, заученно выкладывает все, что от него требуется, за полторы-две минуты.

Родился в 1928 году тут же, в селе Черном, где теперь 23-й совхоз. Отец Казбека Темиржан тоже был крестьянином, убит на фронте. С 13 лет Казбек стал в семье кормильцем. Семнадцати лет научился водить автомобиль, потом трактор, потом комбайн. Женат. Трое детей. В 1956 году за хороший урожай пшеницы на полях своей бригады — он был бригадиром — получил орден «Знак Почета». Член КПСС с 1953 года. Участник Выставки достижений народного хозяйства 59-го, 60-го годов. Награжден Малой серебряной медалью. Как он выращивает кукурузу? Старается делать все так, как написано в элементарнейших инструкциях: зимой дважды провести снегозадержание, вовремя и на нужную глубину вспахать, получить при севе хорошие квадраты, успеть раздругой пройтись по междурядьям с культиватором, вовремя скосить. Всё.

И действительно, всё: пороха Казбек не выдумывал.

И все-таки почему именно в 23-м совхозе, а не где-нибудь у соседей зажегся маяк первой величины?..

Помните Марию Демченко? Помните Ганну Кошевую? Помните движение пятисотниц, которые собирали по пятьсот центнеров сахарной свеклы с гектара? Вот где, на Украине, надо искать начало истории казахского маяка.

...Александра Исаковна Максимец была пятисотницей на Киевщине. Ее сын Володя — кстати, ровесник Казбека Жапарова — в том же возрасте, что и Казбек, узнал крестьянскую работу. Еще школьником Володе Максимцу случилось убирать урожай на участке Ганны Кошевой. Тетя Ганна взяла тогда на каждом гектаре по 800 с лишним центнеров сахарной свеклы. Попадались бураки, которые приходилось таскать по одной штуке. После десятилетки Володя Максимец поступил в Белоцерковский сельскохозяйственный институт и учился на свекловода.

Накануне выпуска на практике под Киевом будущий агроном работал на одном поле с трактористом Грибом. Грыб жил когда-то в Казахстане. Он сказал, что там земля не беднее украинской, правда, климат посуровее, но переселенцы с Украины строят хаты потеплее и не жалуются. Посадить бы на ту землю агронома с богатой головою!..

Однако судьбе было угодно, чтобы Владимира Федоровича Максимца и Зою Абрамовну, его жену, зоотехника, «распределили» в Калининскую область. Но тут раздался первый целинный призыв — шел 1954 год, — и Максимцы в числе десяти специалистов-добровольцев прибыли в Казахстан.

По последним данным, из той десятки на целине остались трое, в том числе оба Максимца. Максимцы остались, несмотря на то, что Владимир Федорович не мог приложить здесь своих свекловодческих познаний, несмотря на то, чтобы бытовые неустройства не позволяли Зое Абрамовне, ставшей матерью, работать по специальности, несмотря на то, что на Украине обоим «был готов и стол и дом», и несмотря на все бытовые соблазны, которыми обжитая Киевщина отличается от суровой казахской степи.

Вот тут-то, в совхозе № 23, и сошлись механизатор Жапаров и агроном Максимец. Первый сезон, когда они стали работать вместе, принес обоим немало приятного: Жапарова наградили орденом «Знак Почета», Максимца — медалью «За трудовую доблесть». Но это были награды за пшеницу. Что касается кукурузы, то до прихода в совхоз Максимца ее тут хоть и выращивали подряд два года, но накопленный опыт был ценен лишь одним: он показывал, как не надо ухаживать за «королевой».

До приезда в совхоз Максимца лишь директор Петр Мефодьевич Выборной видел кукурузу не только на картинках: Петр Мефодьевич тоже родом с Украины. К сожалению, познания директора мало что добавляли к тем инструкциям и брошюрам, которые зубрил Казбек Жапаров. А вырастить приличный урожай капризной кукурузы с помощью одних брошюр удастся не скорее, чем с помощью одних письменных наставлений овладеть техникой высшего пилотажа.

А вот сочетание «Жапаров — Максимец» стало тем сочетанием, которое чем-то напоминало, по терминологии ботаников, союз подвоя с привоем. Максимец отлично знал кукурузу, Жапаров вырос на той земле, где предстояло ее поселить. Максимец до тонкостей знал потребности растения, Жапаров до тонкостей знал возможности казахской природы.

Первый урожай, выращенный по правилам агротехники, которую ввел новый главный агроном, дал на некоторых участках до 18 центнеров зерна и до 207 центнеров зеленой массы. Со всей области слетались землеробы подивиться на чудо. Не только в совхозе, в районе, но и в обкоме партии ломали голову, как найти способ не упустить урожай под снег: никто не был готов — и сам Максимец тоже — к тому, что кукуруза не только даст зеленую массу, но и прекрасные початки. Обком наскреб, сколько смог, кукурузоуборочных зерновых комбайнов, в Павлодаре провели срочную мобилизацию среди населения для уборки початков вручную. Секретарь обкома по сельскому хозяйству неделю жил в совхозе. Важно было сохранить не столько урожай, сколько саму идею: в возможности кукурузы павлодарцы в те времена верили слабо.

Вряд ли стоит пытаться в двух словах изложить технологию, по которой работали Жапаров и Максимец: в двух словах ничего не объяснишь, а подробно все уже рассказано в специальных статьях, брошюрах и показано на Выставке достижений народного хозяйства. Там можно даже увидеть жапаровскую кукурузу в натуре. Она закрывает комбайн.

Казбек Жапаров и Владимир Федорович Максимец.

В стране десятки издалека заметных маяков — кукурузоводов. У таких, как Мануковский, Гиталов, есть чему поучиться и Казбеку Жапарову. К слову, побывать на полях Мануковского — первая мечта Жапарова. Но отличительная особенность павлодарского маяка в том, что воздвигнут он на малоразведанном фарватере, там, где стихия меньше, чем где бы то ни было, покорена земледельцем, и воздвигнут тот маяк за какие-то четыре года (Жапаров только в 1957 году познакомился с кукурузой), а свет маяка год от году становится ярче: 1957 год — 180 центнеров зеленой массы, 1958-й — 196 центнеров, 1959-й — 580 центнеров, 1960-й — 660 центнеров. График роста урожаев наталкивает на мысль: не станет ли Жапаров первым, кто опровергнет миф, будто урожайные для кукурузы годы на Целине непременно сменяются неурожайными? Впрочем, более определенно эту мысль высказал сам Жапаров, и перед довольно солидной аудиторией.

На недавнем зональном совещании в Целинограде Казбеку Жапарову предоставили слово для выступления. Казбек взошел на трибуну, надел очки — очки меняют его лицо до неузнаваемости, они маскируют веерки мелких веселых морщинок, разбегающихся в стороны от глаз по вискам, и делают лицо Казбека строгим, даже сердитым, и Казбек в очках напоминает почему-то учителя, недовольного успеваемостью своего класса, — и стал читать в микрофон текст своего выступления, составленного загодя в райкоме. Дело шло, как по маслу: этот текст Казбек уже несколько раз читал дома и еще один раз на областном совещании. Но тут Н. С. Хрущев, из президиума, заметил Казбеку, что, по всей вероятности, задачи, сформулированные на недавнем Пленуме, знакомы всем, кто здесь собрался, по газетам, и попросил лучше рассказать, почему кукуруза получается у Казбека такая рослая. Казбек забыл в этот момент о всех своих производственных секретах и вспомнил слова директора совхоза Выборного: «Не читай по бумажке, пропадешь!» Казбек смешался и сказал совсем не то, что ему рекомендовала бумажка. Там стояло: «Претворяя в жизнь исторические решения январского Пленума ЦК КПСС, я обязуюсь в 1961 году получить не менее 660 центнеров зеленой массы с каждого гектара...» А Казбек сказал: «Дам 700!» Но эти два слова произвели гораздо большее впечатление на присутствующих, чем прочитанные по бумажке слова. И дело кончилось тем, что Н. С. Хрущев с Казбеком Жапаровым обнялись и расцеловались.

700 центнеров. Много это или мало?

Средний урожай зеленой массы кукурузы по Целинному краю в прошлом году был около 100 центнеров с гектара. И если бы кукурузоводы Целины хотя бы наполовину приблизились к жапаровскому показателю, вторая — мясо-молочная — целина была бы в основном уже поднята.

Но значение жапаровского успеха не столько в самой цифре урожайности, сколько в его доступности для каждого рядового целинного кукурузовода. Чаганак Берсиев, например, получил 201 центнер проса с гектара, хотя за 25—30 центнеров просоводов и поныне, и заслуженно, награждают орденами. Но рекорд Чаганака Берсиева можно сравнить с рекордом штангиста Юрия Власова: да, попадаются иногда среди людей феномены, способные совершать подвиги, которые мы с трудом воспринимаем как реальные. Чаганак Берсиев, например, был не рядовым земледельцем, а талантливым селекционером; он всю жизнь подбирал самый удачливый сорт для своего поля; рекордный урожай был получен Берсиевым на искусственно орошаемом участке, а не на богаре — так называется обычная, неполивная земля; и, наконец, Берсиев сам не смог повторить своего же рекорда. И, к счастью, в нашем сельском хозяйстве уже не спорят о том, что важнее: получить где-то от какой-то коровы 14 тонн молока в год или же надаивать от каждой всего по 3 тысячи килограммов. Жапаровский результат замечателен тем, что получен он не в тепличных условиях и без участия своевременно убираемых в тень безвестных помощников. Оттого жапаровский силос и стоит по 13 копеек за центнер! Это почти даром.

И Владимир Федорович Максимец — что делает ему большую честь, — видя, что Казбек Жапаров кое в чем сильнее других звеньевых совхоза, не дарил Казбека особым расположением, не ставил его в наиболее благоприятные условия. И если главный агроном успевал по нескольку раз в день побывать на поле Жапарова, то и остальные 13 звеньевых не могли остаться в обиде. Не потому ли в тот год, когда Казбек дал 660 центнеров, его коллеги Иннокентий Федоров, Александр Аникин, Владимир Козлов взяли на своих участках по 600—610? Да и самый худший результат в совхозе мог бы кое-где быть выдан за высокое достижение. Оттого в совхозе № 23 скот не успевает поедать силос, и в прошлом году его даже ссужали соседним районам.

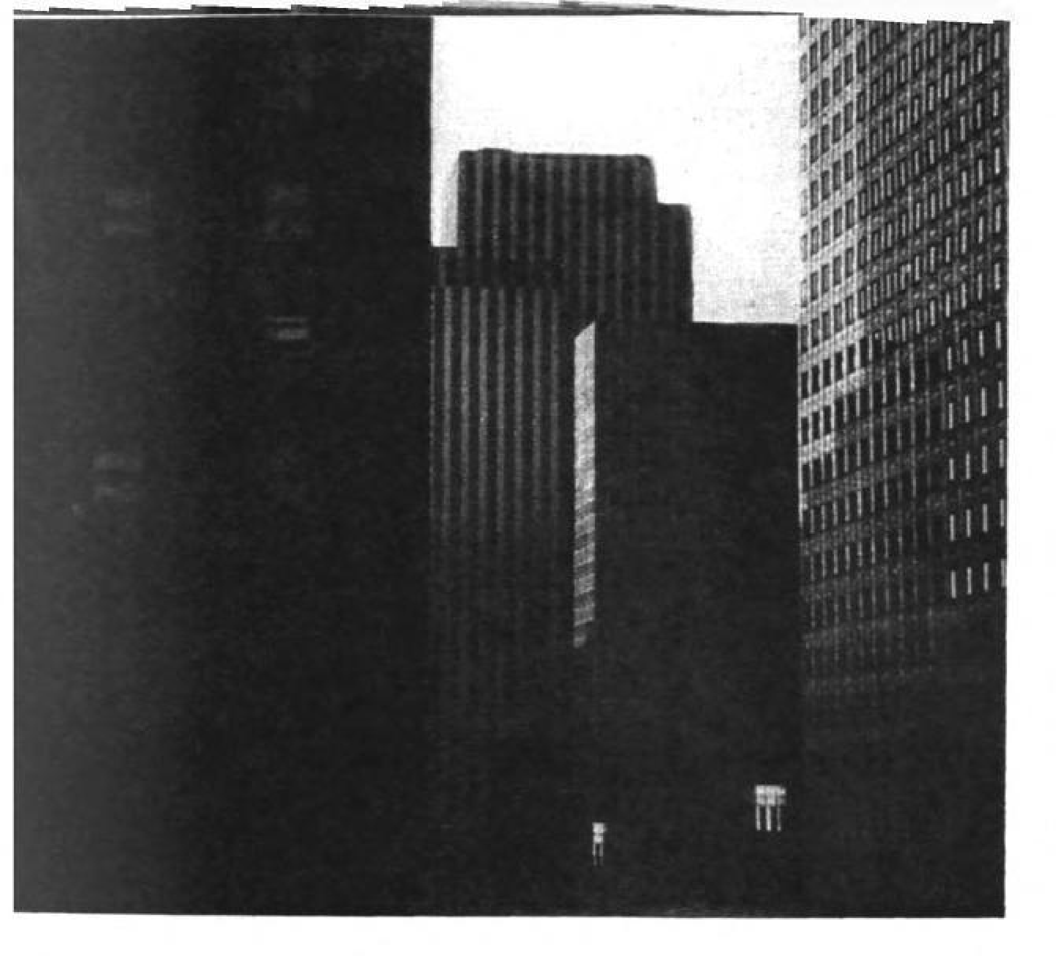
...Недавно в Лебяжинском районе, Павлодарской области, образовался новый зерносовхоз. Директором туда назначен Максимец. Владимир Федорович еще не перебрался со всем своим добром на новое место, где стоят пока шесть щитовых домиков и палатки, и иногда наезжает в село Черное, на центральную усадьбу 23-го совхоза. По дороге из Черного в Казынский совхоз Максимец обязательно должен пересечь поле Казбека Жапарова. Я решил воспользоваться этим обстоятельством и сделать снимок, чтобы и «маяк» и «фонарщик», его засветивший, стояли рядом, как они стояли и работали все предыдущие четыре года.

* * *

Когда Владимир Федорович рылся в своих бумагах, чтобы уточнить кое-какие данные, я заметил в его папке газету со статьей о выращивании на Целине сахарной свеклы.

— Уже семена свекольные к себе завез, — признался Максимец.

Но за этими словами таился другой смысл. Я его понял так: «Ждите новых маяков!»

ВПЕРВЫЕ В НЬЮ-Й

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Что прежде всего бросается в глаза новичку в Нью-Йорке? Небоскребы, мосты, чрезмерное скопление машин. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» совсем недавно, в день отъезда нашей делегации на Родину, устроила проверку эффективности различных видов транспорта. Оказалось, что на близкие расстояния самое скорое, самое удобное и, конечно, самое выгодное — это собственные ноги. На далекие и средние расстояния на первом месте оказался мотороллер. Значит, машина не очень эффективна.

От отеля «Коммодор», где жили советские журналисты, до 102-этажного «Эмпайр Стейт Билдинг» пешком можно пройти за 8—10 минут. С одним американским журналистом мы решили поехать на его машине, хотя он предупредил нас, что лучше идти пешком (правда, американцы пешком не ходят) или поехать на такси.

Недалеко от «Эмпайр Стейт Билдинг» бесплатной стоянки (или, как здесь говорят, места для паркования) не было: все забито машинами. Поехали искать платную стоянку, искали минут пятнадцать. Оттуда шли двенадцать минут. Когда мы вернулись, наша машина оказалась в углу, в шестом ряду. Пока нам «выдали» машину, прошло еще 5 минут. За стоянку заплатили значительно больше стоимости проезда сюда на такси.

— Но все-таки пешком ходить американцы не любят,— услышали мы снова.

Это мы и сами заметили. Идешь иной раз по улице. Улица как улица, и реклам много, и дома большие, и машины идут вереницей. Но что-то не то, чего-то не хватает.

— А смотрите, на улице почти нет людей,— говорят тебе.

Зато попадешь вечером на Бродвей — яблоку негде упасть.

Многолюдно было и у речного порта на Гудзоне утром в воскресенье. Девушки и юноши в спортивных костюмах, с сумками и рюкзаками, пожилые пары с зонтиками усаживались на катера, чтобы совершить прогулку вокруг Манхеттена.

Нашим гидом оказался молодой журналист, работающий в рекламном агентстве — Ненон Векслер. Он был с милой девушкой, тоже журналисткой. Ее звали Роберта Шаф. У них скоро свадьба.

— Оставайтесь на свадьбу,— пригласила девушка.

К сожалению, такого приглашения мы принять не могли: нужно было ждать более месяца.

Ненон Векслер не только рассказывал нам о Нью-Йорке, но и много спрашивал нас о Москве, о наших студентах, о подготовке журналистов. Девушка тоже проявляла большой интерес к жизни Советского Союза.

Когда узнали, что мы собираемся ехать к Даулингу, они сказали: «О, это богатый человек!»

Даулинг неоднократно бывал в Советском Союзе, он известен нам. Это ему принадлежат слова: «Мы с вами большие и искренние друзья до тех пор, пока не касаемся политики. Давайте не произносить политических речей».

Пользуясь его гостеприимством, мы осматривали цветник, парк, некоторые здания будущего Научного центра Нью-Йорка. Лесосад с прекрасными клумбами разноцветных гиацинтов, тюльпанов, гладиолусов, роз существует всего второй сезон. Лес площадью в 30 квадратных миль Даулинг купил у Гарримана пять лет назад.

— Узнаете? — спросил у нас Даулинг, показав на «плачущее дерево». Это — металлическое дерево-фонтан. Немного дальше еще одно, побольше.

— Когда я был у вас в Петергофе, мне очень понравились такие «чудеса».

Подходя к детскому городку, мы спросили у хозяина, не занимается ли он спортом: «Вид у вас спортивный».

— О, я когда-то был чемпионом по плаванию, плавал вокруг Манхеттена, где вы совершали сегодня прогулку. Занимался и поднятием тяжестей, правда, поднимал куда меньше Воробьева и Власова.

У озера с большими фонтанами прогуливаются красивые фламинго бледно-розового цвета.

— Кормили их морковью и креветками, и они восприняли цвет пищи,— сообщил Даулинг. Потом, засмеявшись, сказал: — Нужно бы всех людей кормить морковью и креветками, тогда бы не существовало расового вопроса.

В кафе Даулинг познакомил нас с женой, директором парка. Помогая обслуживать гостей, хозяин в то же время рассказывал о будущем театре на воздухе, о водопаде, о японском участке, где с помощью японцев уже высажены деревья и цветы. Он подробно рассказал о сети различных институтов, которые будут здесь скоро воздвигнуты.

— Реактор и административный корпус уже построены.

На высоком холме у большого красивого горного озера старая доменная печь — памятник. В этой печи когда-то были отлиты огромные звенья цепи, которая преградила в Гудзоне путь вражеским английским кораблям.

Мы едем на длинной черной машине. За рулем Даулинг. Едем по его дороге, на его машине. Даулинг сообщает, что он собирается в Москву для переговоров по расширению культурных связей.

Портрет Юрия Гагарина с его факсимиле и пластинка с «Лебединым озером» Чайковского, которые мы подарили, пришлись по душе.

— Будем всячески развивать культурные, научные связи,— говорит еще раз наш богатый хозяин.

Потом в Чикаго мы вспомнили наш разговор с Даулингом о музыке, когда на пресс-конференции нашей делегации задали такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, правда ли, что в Советском Союзе до 1953 года было запрещено исполнение произведений Чайковского?»

Конечно, в Америке есть люди, знающие нашу страну, наше искусство, но, к сожалению, много таких, кто до сих пор живет старыми анекдотами о России. Подобную пищу читатели нередко получают из рук наших американских коллег — журналистов.

Альфред Барр — директор Нью-йоркского музея современного искусства — приятный собеседник. Говорит он горячо, со знанием дела ведет беседу о поэзии, живописи. Альфред Барр хорошо знаком с русским искусством. Он был в Третьяковской галерее, называет свои любимые полотна. Разговор о реалистических произведениях был недолгим, тем более, что в Нью-йоркском музее их почти не было. Спор разгорелся у полотна, названного художником Поллоком «№ 1». Другого названия нет. Просто «номер один».

Пока директор музея развивал идею «картины», к нам подходила молодежь и с интересом прислушивалась. Девушки и юноши были студентами, и, видно, из тех, которые начинают понимать подлинный смысл правды и лжи. Не зря во многих американских университетах студенчество стали подозревать в «неблагонадежности».

Советские журналисты прямо сказали, что они отказываются признавать мазню за искусство.

— Ведь нередко,— сказал кто-то из нас,— за произведения живописи шарлатаны выдают трехминутное «творчество» пульверизатора.

Молодежь соглашается с нами. Раздался дружный и очень, особенно для музея, громкий смех, когда рассказали случай с Луначарским, которому один художник предлагал «картину» за большую сумму. «Какая же это картина?» На белой бумаге стояла лишь большая точка. «Эх, Анатолий Васильевич,— сказал художник,— не знаете вы, сколько недель и месяцев думал я, где поставить эту точку!»

Недалеко от Сан-Франциско, на берегу океана, расположен небольшой городок, где живут художники. В плавучем ресторанчике мы обратили внимание на две больших доски для объявлений: одна фанера была окрашена в оранжевый цвет, другая — в серый, с коричневыми подтеками. У одной доски мелом на стене было написано 500, у другой — 450. Эти цифры нам показались какими-то объявлениями, которые должны быть написаны на самих досках. Но эти две фанеры оказались картинами.

— Одну вы можете купить за 500 долларов, другую — за 450,— объяснил нам Альберт Кан.

Жена его Риетт поведала о том, что все-таки кое-кто такие «доски для объявлений» покупает.

Скажу откровенно, что до поездки в Америку представление о ее молодежи у меня связывалось с рок-н-роллом и абстрактной живописью. Правда, знал я и о настроениях студенчества, протестующего против кабалы золотого мешка, против душевного растления. Несколько дней, проведенных в США, особенно в университетах, на стадионах, ряд встреч с молодежью порадовали меня и моих товарищей.

Мне посчастливилось в Нью-Йорке присутствовать на концерте ансамбля Игоря Моисеева. Я очень тогда хотел, чтобы в театре было больше советских людей, чтобы они могли видеть и чувствовать особое уважение к нашей стране, восхищение нашим искусством.

Концерт начался поэтическим танцем «Снегурочка». Артисты вызывали шумное одобрение не только в конце танца, но очень часто и во время танца. Особый успех имели «Партизаны», гопак, русская пляска. Невозможно назвать ни одного танца, не имевшего успеха. А потом, как бы вне программы, ансамбль исполнил пародии на рок-н-ролл. Трудно

представить себе, что творилось в зрительном зале. Более трех с половиной тысяч американцев стоя приветствовали советских танцоров. Печать тоже высоко оценила выступления ансамбля.

Из театра мы шли пешком. Рестораны были полны. Подвыпившие дамы снимали туфли и пытались танцевать босыми. Такие сценки мы видели потом и в ресторане нашего отеля. У одного кинотеатра висел антисоветский плакат, оскорбляющий наш народ. Рядом с петлей на шее был изображен Фидель Кастро.

Вот так в один день, в один час мы видели как бы две Америки. От одной веет дружбой, радушием, гостеприимством, от другой — животным страхом за свое будущее, ненавистью к правде, справедливости, человеческому достоинству.

— Меня зовут Джин Гейчер,— отрекомендовалась рыжеватая, худенькая, с карими живыми глазами девушка, когда мы переступили порог Нью-йоркской фондовой биржи. Мы узнали, что таких бирж в Америке 14 (возможно, их и 13, но ведь здесь, как правило, «чертову дюжину» не признают: ни домов, ни этажей в домах нет тринадцатых — после 12 сразу идет 14). В стране около 3,5 тысячи пунктов, с которыми связана эта биржа. Я представил себе огромного спрута с тысячами щупальцев. В представлениях миллиардеров биржа — это благотворительное общество, проявляющее заботу обо всем народе.

Я не буду рассказывать о «кипучей жизни» двух огромных залов, где с 10 утра до 5 часов 30 минут вечера маклеры зорко следят за взлетами и падениями акций. Акции, акции, акции — о них мечтают, за них убивают, ими живут.

Огромное помещение, сотни чиновников. Директор биржи принял нас, приветствовал. Затем нам показали документальный фильм об этой бирже с русскими титрами и русской речью диктора.

Кинофильм доказывал нам, что в Америке — «народный капитализм» и любой рабочий, любая домохозяйка — в общем, все простые люди Соединенных Штатов Америки, купившие несколько акций,— хозяева экономики страны. Развитие экономики — дело рук всего народа...

Конечно, все богатства создаются руками народа, но кто владеет этими богатствами? На этот вопрос картина ответа не давала.

Фильм заканчивался таким призывом: «Будущее Америки, ее экономика, наука, культура зависят от капитала, от вашего участия, господа владельцы акций!»

Но жизнь показывает иное. От «народного капитализма» мало проку миллионам безработных и разорившимся фермерам, всем тем, кого давит дороговизна жизни. «Народный капитализм» беспомощен в решении расовой проблемы в южных штатах Америки, не предлагает ничего против духовной опустошенности многих людей.

Продолжение следует.

ОРКЕ

В. Воронин бьет по воротам...

Гол!

Фото А. Бочинина.

Отборочный матч на первенство мира: СССР — Турция

ИТАК, ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Шесть лет назад к нам приезжали чемпионы мира — футболисты Федеративной Республики Германии. В напряженной, полной драматизма борьбе они проиграли тогда сборной команде СССР. Немецкий тренер, один из крупнейших футбольных авторитетов, Зепп Гербергер, сказал журналистам:

— Я такой игры от русских не ждал... Это великолепно!

После этого Гербергер много раз видел и нашу сборную и наши клубные коллективы и стал своеобразным знатоком русского футбола. Может быть, именно поэтому тренер национальной команды Турции Сандро Пуппо счел за благо после недавней победы над футболистами Норвегии не возвращаться на родину, а направить своих питомцев в Барзинг-Хауз (ФРГ). Там они прошли специальную подготовку к матчу со сборной СССР под наблюдением Гербергера.

Турки однажды принимали участие в чемпионате мира. Это было в 1954 году. Тогда они попали в финальную пульку по жребию, который вытянул на их счастье итальянский мальчик. В качестве живого талисмана возили турецкие футболисты его в Швейцарию на матчи чемпионата. Но мальчик ничем уже помочь не мог, ибо там нужно было выигрывать не по жребию.

В прошлом чемпионате мира, который состоялся три года назад в Швеции, руководители турецкого футбола участвовать отказались, так как они были включены в зону азиатских команд. Это их «обижало».

Теперь турки попали в пятую европейскую зону вместе с Советским Союзом и Норвегией. Этим, пожалуй, и нужно объяснить ту серьезность, с которой они отнеслись к отборочным матчам, пригласив в качестве тренера итальянца Сандро Пуппо и в качестве консультанта по русскому футболу — Зеппа Гербергера.

Не знаю, в какой мере турецкие футболисты восприняли советы знатного консультанта, но в отборочном матче на первенство мира, который состоялся в минувшее воскресенье в Москве, мы увидели команду, которая сразу же повела позиционную борьбу, выдвигая вперед трех, а иной раз и двух форвардов.

Нужно сказать, что турецкие защитники на подступах к своим воротам — и на дальних и на ближних — искусно завязывали «оборонительные узлы», которые никак не могли распутать наши форварды.

Правый крайний С. Метревели постоянно имел перед собою Шерефа и Мустафу, а когда обыгрывал их, то встречался с центральным защитником Басри.

В этих тяжелых условиях массированной защиты Метревели удавалось все же растягивать фронт обороны и направлять мяч к воротам. Нужно отдать должное турецким футболистам. Несмотря на большое скопление игроков на штрафной площадке, они действовали организованно и хладнокровно.

Грозовые тучи нависали над турецкими воротами, гром гремел, сверкали молнии, но... мячи не влетали в сетку. Непрерывные атаки не имели логического завершения. Их бесплодность, однако, нельзя объяснить только умелыми действиями турецких защитников. Наши форварды имели полную возможность обстреливать ворота с разных дистанций и обстреливали их, но крайне неудачно. Особенно грешили неточными посылами мяча В. Бубукин и М. Месхи. Единственный мяч, который решил исход матча, был забит полузащитником В. Ворониным.

Трудно судить о тактической схеме, которой придерживались наши гости. Накануне матча их тренер Сандро Пуппо сказал журналистам, что они взяли на вооружение бразильскую тактику с четырьмя защитниками. Так они играли недавно и в Осло в отборочном матче с Норвегией. Однако в Москве турецкие футболисты не показали ничего хоть отдаленно напоминавшего бразильскую тактику.

Чрезмерная забота о неприкосновенности своих ворот и некоторое безразличие к чужим не могли, естественно, принести успеха. Это был довольно откровенный расчет на нулевую ничью. Но когда мяч все же влетел в сетку турецких ворот и нашим гостям, казалось, нужно было перейти к контратакующим действиям, чтобы уравнять шансы, они продолжали действовать по-старому. В этом не было смысла. Расчет же на то, что два аса, Лефтер и Метин, могут прорваться и сквитать счет, был в лучшем случае необоснован.

Наши защитники, игравшие синхронно, сравнительно легко разбивали все попытки турецких нападающих нанести удар по воротам. Вратарю В. Маслаченко так и не пришлось проявить свое мастерство: за весь матч турецкие форварды лишь два раза выходили на выгодные позиции для взятия ворот и в обоих случаях посылали мяч мимо них.

Нужно сказать, что дуэль турецкого «короля голов», техничного футболиста Метина с центральным защитником А. Масленкиным была выиграна советским футболистом, который не уступил ему ни в умении обращаться с мячом, ни в скорости.

Вообще наши защитные линии на этот раз, как, впрочем, и в прошлые разы, выполнили свою задачу очень хорошо. Особенно порадовали Г. Чохели и В. Воронин. Игра этих футболистов мужает от матча к матчу и становится более эффективной и выразительной.

Итак, сборная СССР одержала первую победу в отборочных играх пятой европейской зоны. Это первый барьер, который взят в своеобразном беге на пути к Чили.

Нашей сборной предстоит еще 1 июля в Москве брать второй барьер в матче с национальной командой Норвегии, затем ехать в августе в Осло, а в ноябре — в Стамбул для повторного матча. Только тогда будет определен финалист зоны. Он получит право среди 16 сильнейших команд оспаривать Кубок золотой богини и золотые медали чемпионов мира.

Пока положение в пятой зоне таково: турецкая сборная, выигравшая у норвежцев, имеет 2 очка, сборная СССР, выигравшая у турецкой сборной,— 2 очка, и команда Норвегии — 0 очков.

М. МЕРЖАНОВ

ЕСТЬ МИРОВОЙ!

Валерий Брумель, девятнадцатилетний московский студент, за один год стал популярнейшим спортсменом мира. Недавно в журнале «Огонек» (№ 21) Брумель рассказал нашим читателям, как у него разгорелся спор с рекордсменом мира американцем Джоном Томасом и как, «обстреливая» рекорд Томаса — 2 метра 22 сантиметра,— он преодолел в зимнем ленинградском манеже высоту в 2 метра 25 сантиметров, а затем трижды победил Томаса на соревнованиях в нью-йоркском зале Мэдисон сквер-гарден.

Но вот беда: несмотря на все свои успехи, Брумель не смог превысить мировой рекорд Томаса, так как по международным правилам результаты, показанные под крышей, как мировые рекорды не регистрируются. А под открытым небом советскому спортсмену никак не удавалось взять высоту 2 метра 23 сантиметра. Много раз Валерий Брумель пытался этого достигнуть. Он выступал в Одессе, Москве, Ужгороде, Леселидзе, Киеве, Париже. Он дважды штурмовал мировой рекорд во время своих выступлений в Китайской Народной Республике. И каждый раз его преследовали неудачи.

И вот новая попытка. Москва, 18 июня. Брумель начинает прыжки с высоты 2 метра, преодолевает планку на высоте 2 метра 5 сантиметров, 2 метра 8 сантиметров, 2 метра 11 сантиметров. На этой высоте закончил выступление Игорь Кашкаров, а Валерий Брумель взял с первой попытки 2 метра 14 сантиметров, 2 метра 18 сантиметров. И вот наконец на щите появляется 2 метра 23 сантиметра. Легкий, стремительный разбег — и вот он, мировой рекорд!

После того, как судьи самым тщательным образом проверили установленную высоту, стало известно, что Валерий Брумель взял 2 метра 23,6 сантиметра.

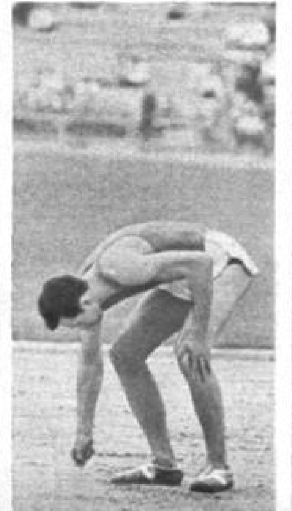
Свой мировой рекорд молодой легкоатлет посвящает XXII съезду КПСС.

В. ЯКОВЛЕВ

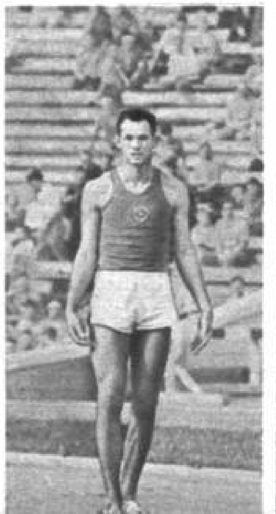
Н а с н и м к а х: судья устанавливает планку на высоте 2 метра 23 сантиметра. Последние расчеты... Вот она, заколдованная высота! Перед разбегом. Брумель в воздухе. Есть мировой!

Фото А. Бочинина.

Просим выявить, каким образом удается Т. В. Ткаченко оставаться до сих пор крупным домовладельцем.

Из письма в редакцию жильцов дома № 11 по проспекту Калинина, Днепропетровск.

«Владения» Т. В. Ткаченко.

Дом Н. В. Максимовой.

Фото Г. Пазенко.

Трофим Ткаченко и другие

Я. ДЫМСКОЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Скажу прямо, прочитав это письмо, я опешил. Крупный домовладелец? В наше время? Откуда такое? Не может быть!

И, выезжая в Днепропетровск, я буквально сгорал от нетерпения увидеть живьем этот пережиток прошлого. Мне рисовался внешний и внутренний облик этого, если можно так выразиться, классового ихтиозавра. Хотелось поскорее поглядеть на него, дореволюционного Тита Титыча в сапогах и поддевке, с окладистой бородой, громоподобным голосом и купеческими повадками.

Надеждам моим, однако, не суждено было сбыться. Придя по указанному адресу, я с огорчением установил, что Т. В. Ткаченко нет дома. Не было его дома и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра.

А вскоре оказалось, что встретиться с ним мне вообще не удастся по причине его крайней застенчивости. В отличие от классического Тита Титыча из пьесы Островского Трофим Васильевич — редкий скромник и всячески чурается популярности: бежит, как черт от ладана, от корреспондентов, депутатов и любых других посланцев общественности.

Убедившись в том, что мне не удастся непосредственно побеседовать с современным домовладельцем, я было загрустил, но потом утешился. Деяния Ткаченко, увековеченные в документах и красочно проиллюстрированные многочисленными рассказами его жильцов, вполне компенсировали отсутствие личных контактов.

Представьте себе погожий летний день. Лучи солнца, самовольно перемахнув через забор, безбоязненно освещают обширную и используемую до отказа территорию. Раскинувшийся на ней жилой массив из четырех домов плотно окружен огородами, курятниками, виноградниками.

На узеньких дорожках среди всякой домашней живности играют дети. Они шепотом переговариваются, то и дело посматривая по сторонам.

Но вот во дворе появляется некий гражданин. У него нет ни поддевки, ни смазных сапог, ни кудлатой бороды. Неслышно ступая и сладко улыбаясь, он подкрадывается к детям, шевеля пальцами, как щупальцами. Ребятишек, наученных горьким опытом, как ветром сдувает.

Гражданин следует дальше. Обогнув двухэтажный дом, он делает стойку, уставившись на протянутую во дворе веревку с бельем. Умильное выражение на его лице сменяется задумчивым. Осторожно оглядевшись и убедившись, что никто не наблюдает, он вынимает из кармана ножницы. Выстиранное белье падает на землю.

Закончив обследование подвластной территории, гражданин приступает к обходу квартир.

— С вас причитается за квартирку,— настойчиво стучится он в двери.— Позвольте получить.

Спрятав в карман деньги, гражданин пишет расписку, достает личную печать и, дыхнув на нее, привычно ставит оттиск на бумажке. Это и есть Трофим Васильевич Ткаченко.

Некоторые квартиры Ткаченко, тяжело вздыхая, обходит. Их жильцы переводят причитающуюся по закону квартплату через банк: ровно столько, сколько положено, ни больше, ни меньше. Как тут не вздыхать: выселить их Ткаченко не имеет права, а устраивать скандал — что толку? Еще набегут, чего доброго, корреспонденты, пойдут разговоры, фотографии, то да се. Нет уж, лучше не связываться: времена нынче не те...

Начало незаурядной деятельности Ткаченко восходит к 1922 году, когда молодой Трофим Васильевич оформил у нотариуса торговую сделку, которой мог бы позавидовать и Тит Титыч. Он купил всего-навсего пять домов, уплатив за них наличными девятьсот миллионов рублей.

Нетрудно догадаться, что, пробившись в домовладельцы, Ткаченко не ограничился тем, что любовался своим недвижимым имуществом. Пока шли годы нэпа, пятилеток, войны, восстановления, пока страна сдавала экзамен на зрелость, он сдавал свои владения внаймы.

Конечно, тишайший Трофим Васильевич не лез на рожон. Он понимал, что к чему, и старался воды не замутить: не давать заметных поводов для вмешательства извне. Ну, а если находятся недоброжелатели, что возводят на него хулу, то на всех ведь не угодишь!

Вот, например, говорят, что он все годы обманывает государство и недоплачивает налогов, так как получает с жильцов значительно больше, нежели указывает в квитанциях. А пусть попробуют докажут!

Или утверждают, что он якобы один на один издевается над детьми и взрослыми. А где свидетели?

Еще жалуются, что он не ремонтирует домов. Так ведь он и не отказывает. Просто над ним не каплет. А если над кем-то течет и они, не вытерпев, сами чинят крышу, что ж, вольному воля. Он не возражает...

Одним словом, так длилось до 1960 года, когда жильцы домов, принадлежащих Т. В. Ткаченко, поняли, что их попытки образумить хитроумного домхоза (домохозяина) обречены на провал. Прививать Титу Титычу нормы советской морали — все равно, что приучать клопа питаться простоквашей. И тогда они обратились с жалобой в Красногвардейский райисполком. Люди взволнованно просили положить конец тяжелому и бесправному существованию семей, которых «осчастливил» Ткаченко.

Справедливости ради нужно сказать, что этот зов о помощи был услышан: исполком поручил депутату райсовета произвести обследование. Депутат подтвердил отчаянное положение жильцов, и районные власти решили вмешаться.

На состоявшемся 20 сентября заседании Красногвардейского райисполкома председатель тов. Кондра с понятным возмущением говорил о частнособственнических пережитках на территории района, и все члены исполкома единогласно проголосовали за передачу домов Советской власти. Но прошло более полугода, а домхоз и ныне там.

Правда, в последнее время железобетонный Ткаченко почувствовал некоторое колебание почвы под своими домами. Он вдруг ударился в неслыханную щедрость: пытается срочно «раздарить» дома ближайшим родственникам. Дескать, я не я и хата не моя. В остальном же на его домовладельческом фронте без перемен.

И тут самое время перейти от Т. В. Ткаченко к другим. Их много, в Днепропетровске этих «других»!

Вот, например, домохозяин М. К. Сехон. На Философской улице, в доме № 12, он сдает свое «владение» нуждающейся в площади фабрике имени 9-го мая. Из-за этого ему самому, бедняге, приходится проживать в государственной квартире № 10 дома № 6 по Харьковской улице и тратиться на трамвай, когда приходит пора собирать арендную мзду.

А вот А. М. Корниенко. Ей не повезло: двухэтажный дом с полуподвалом по переулку Калинина, № 19, принадлежит горемыке только наполовину. Поэтому ее возможности весьма ограничены: всего семь квартирантов платят ей деньги.

Дом № 40 по той же Философской улице. В нем три жилых этажа. Всего здесь 366 квадратных метров жилой площади. Не всякий Тит Титыч мог похвастаться подобным достоянием. И всем этим, мягко выражаясь, солидным недвижимым имуществом владеет, не щадя живота, одна Н. В. Максимова, сама проживающая во флигеле. Нелегко ей, бедняжке, приходится: обойти тринадцать квартирантов и собрать с них деньги — ног и рук не напасешься!

И вот я подошел к концу рассказа. Но не поднимается рука, чтобы поставить на этом точку. Пусть точку поставят общественность и органы власти Днепропетровска. Пусть они скажут гражданину Ткаченко и другим:

— Времена купеческого Замоскворечья давно кончились. Хватит жить на нетрудовые доходы!

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОКИ

О. ДРИЗ

ВЕСЕЛЫЙ ПЛАКАТ

Висит у химчистки
Веселый плакат:
Здесь вычистить могут
Ковер и халат,
Рабочую куртку,
Двубортный пиджак,
Нарядное платье,
Прадедушкин фрак.
Пальто и штаны
Станут новыми тут.
Вот совесть в химчистку,
Увы, не берут!

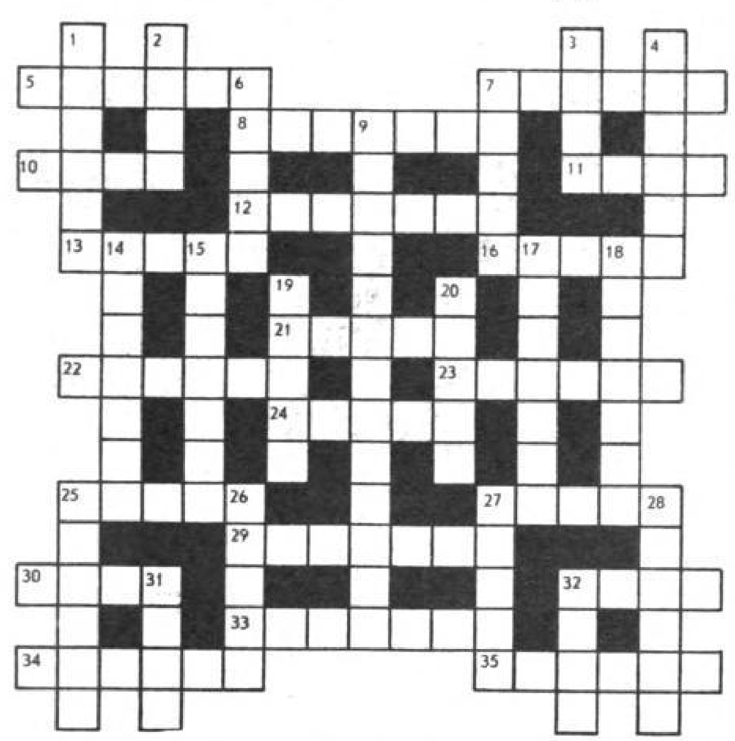
Перевод с еврейского
Р. СЕФ.

ЧУТКИЙ ПЕС

Раз обратился
К Полкану Барбос:
— Что-то со мною,
Как видно, стряслось.
Чую воров я,
Но вот в чем беда:
И на хозяев
Рычу иногда.
— Что же,— Полкан
Отвечает дружку,—
И у хозяев, знать,
Рыльце в пушку!

Перевод
Т. СПЕНДИАРОВОЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Денежная единица Португалии. 7. Французский писатель XIX века. 8. Группа европейских народов. 10. Упаковка. 11. Застольная речь. 12. Памятник. 13. Русский изобретатель-металлург. 16. Создатель произведений литературы, живописи. 21. Коричневая минеральная краска. 22. Город в Узбекистане. 23. Поэт, автор стихотворения «Нелюдимо наше море». 24. Певчая птица. 25. Столица Республики Сенегал. 27. Кондитерское изделие. 29. Полярная область земного шара. 30. Масличное растение. 32. Остров в Средиземном море. 33. Каспийско-черноморская сельдь. 34. Пятипалая ящерица. 35. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли.

По вертикали:

1. Оттиск с гравюры. 2. Часть кривой линии. 3. Машиностроительная крепежная деталь. 4. Опись, перечень. 6. Костяк. 7. Головной убор. 9. Спортсменка. 14. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». 15. Шутливое выражение. 17. Духовой инструмент. 18. Роман И. А. Гончарова. 19. Приток Терека. 20. Балет А. И. Хачатуряна. 25. Вершина Центрального Кавказа. 26. Осветительная аппаратура сцены. 27. Озеро в Приморском крае. 28. Вождь восстания против римлян на юго-востоке Причерноморья. 31. Комплект колес локомотива. 32. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

3. Эльба. 5. Салют. 7. Сейнер. 9. Индекс. 10. Олеандр. 13. Вучетич. 15. Ботаник. 16. Тетерев. 17. Индиец. 18. Теркин. 22. Полушка. 24. Казачок. 25. Аргонны. 26. Тачанка. 27. «Победа». 29. Латвия. 31. «Тоска». 32. Труба.

По вертикали:

1. Вьюн. 2. Плед. 3. Эренбург. 4. Аэролит. 5. Смирнов. 6. Текстиль. 8. «Чапаев». 11. Ленинград. 12. Лактионов. 14. Черенок. 15. «Березка». 19. Шпангоут. 20. Чухрай. 21. Динамика. 22. «Полтава». 23. Арбалет. 28. Ейск. 30. «Труд».

На первой странице обложки: Бортпроводница Тамара Бейсенова более года летала на воздушных трассах Казахстана. И вот наконец первый рейс в Москву на лайнере «ИЛ-18».

На последней странице обложки: Озеро Иссык — «Казахская Рица» — расположено вблизи Алма-Аты. В воскресные дни сюда приезжают на отдых жители столицы и соседних районов.

Фото В. Тарасевича.

Юбилей штемпеля

Во время английской буржуазной революции XVII века, по некоторым сведениям — в год смерти Кромвеля, по другим — еще при его жизни, на пост генерального почтмейстера был назначен Генри Бишоф.

На почте были явные и тайные сторонники Кромвеля и короля. Они широко использовали почту для шпионажа, особенно после реставрации королевской власти. Почта часто вовсе не доходила до адресатов, исчезала или доставлялась с громадным опозданием. Борясь с этим, в целях контроля 2 августа 1661 года Бишоф издал распоряжение, чтобы на письма накладывался штемпель с указанием даты поступления и чиновники не могли бы задерживать письма.

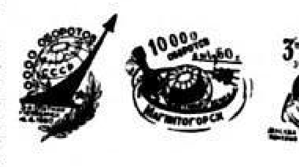
Известно, что до приказа были опыты применения штемпеля. Старейшие английские письма с печатями найдены с датой 19 и 24 апреля 1661 года. Штемпель представляет изображение круга диаметром в 13 миллиметров, разделенного чертой пополам. Вверху ставилось сокращенное название месяца, внизу — число.

В этом году почтовому штемпелю 300 лет.

Мы воспроизводим первый штемпель и разные памятные советские почтовые гашения марок писем, посылаемых в памятные дни и юбилеи из почтовых отделений городов, отмечающих дату.

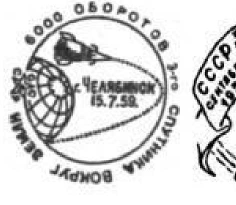
И. АЛИЕВ

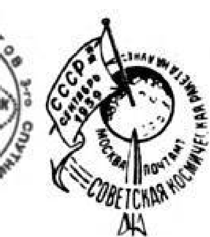

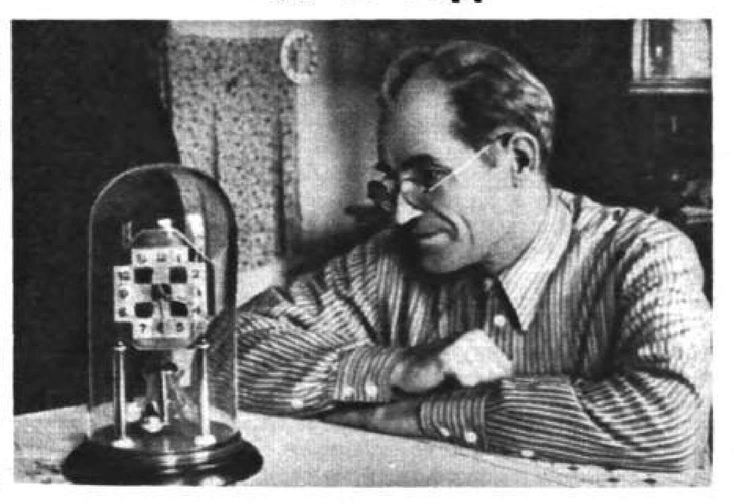

Раз в год

В городе Урюпинске, Сталинградской области, живет пенсионер Ефим Илларионович Грибанов. Славится он как мастер-умелец.

Особенно интересны настольные часы, сконструированные мастером. Они отличаются необычной формой маятника, делающего круговые движения. Для точности хода механизм часов помещен под стеклянный колпак. Заводятся часы один раз в год.

Н. НЕХАЕВ

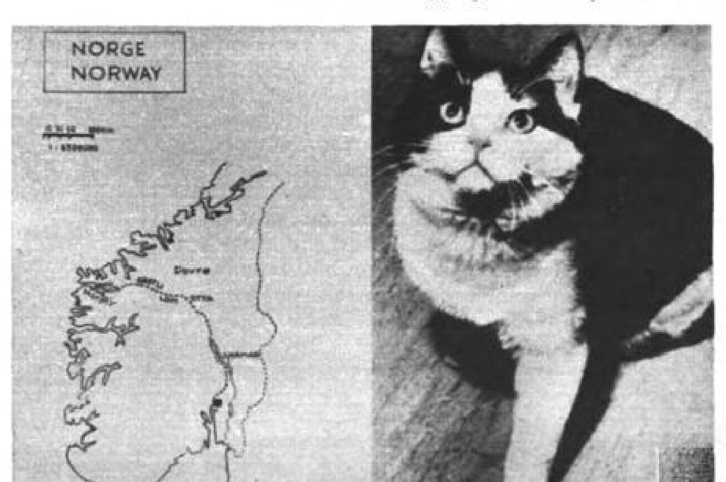
ВЕРНАЯ ЛИЗА

Кошку, которую вы видите на фотографии, зовут Лиза. В Норвегии она прославилась своей преданностью хозяйке.

Хозяйка Лизы, отправившись из Осло навестить семью своего жениха, захватила с собой и кошку. Здесь она оставила кошку, так как держать ее в квартире в Осло не позволяли условия.

Через несколько месяцев Лиза, отощавшая, грязная, голодная, появилась перед дверями своего прежнего жилья, пройдя около шестисот километров. На карте вы видите путь Лизы — от Северного Фьорда до Осло.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

МАСТЕР РИСУНКА

Есть художники, которые сразу заявляют себя приверженцами определенного направления и жанра в искусстве. Таков Анатолий Никифорович Яр-Кравченко, убежденный последователь рисовальной культуры лучших мастеров русской реалистической школы.

...Шесть часов утра. Молодой художник с альбомом и карандашом шагает по ленинградским улицам, стараясь уловить новые штрихи в облике растущего города,— утром они всегда заметнее! В восемь часов рисунок уже лежит на столе в редакции газеты, а час спустя студент академии художеств сидит за мольбертом в мастерской своего учителя И. И. Бродского.

Это было в юности. Затем — командировки по стране, множество рисунков, портретов, работа над картиной «А. М. Горький читает сказку «Девушка и смерть».

Война. Яр-Кравченко в рядах Советской Армии. Во фронтовой газете почти ежедневно появляются его рисунки.

В суровые дни блокады Ленинграда печатается альбом зарисовок художника. Когда наши войска перешли в наступление, часто на фронтовых дорогах можно было увидеть щиты-плакаты с портретами героев работы Яр-Кравченко.

После войны художник осуществил свою заветную мечту: создал альбом портретов «Галерея советских писателей».

«Я побывал почти во всех наших республиках и в каждой встречался с писателями, которые мне позировали. Во время сеанса мы много разговаривали, и это дало мне возможность ближе познакомиться и понять каждого из них»,— рассказывал Яр-Кравченко. В последние годы он создал в содружестве с А. П. Зарубиным широкое эпическое полотно «Ответственность на вас», изображающее встречу писателей с А. М. Горьким в октябре 1932 года.

Яр-Кравченко — блестящий график. Никакой недоговоренности, недосказанности не признает он в рисунке, все изобразительные средства подчиняя основной мысли произведения.

Анатолий Никифорович находится в расцвете своих творческих сил. Его картины, его рисунки в «Правде» говорят о том, что и сегодня — в дни своего пятидесятилетия — художник живет интересами боевой, кипучей жизни страны.

Народный художник СССР
Н. ТОМСКИЙ

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

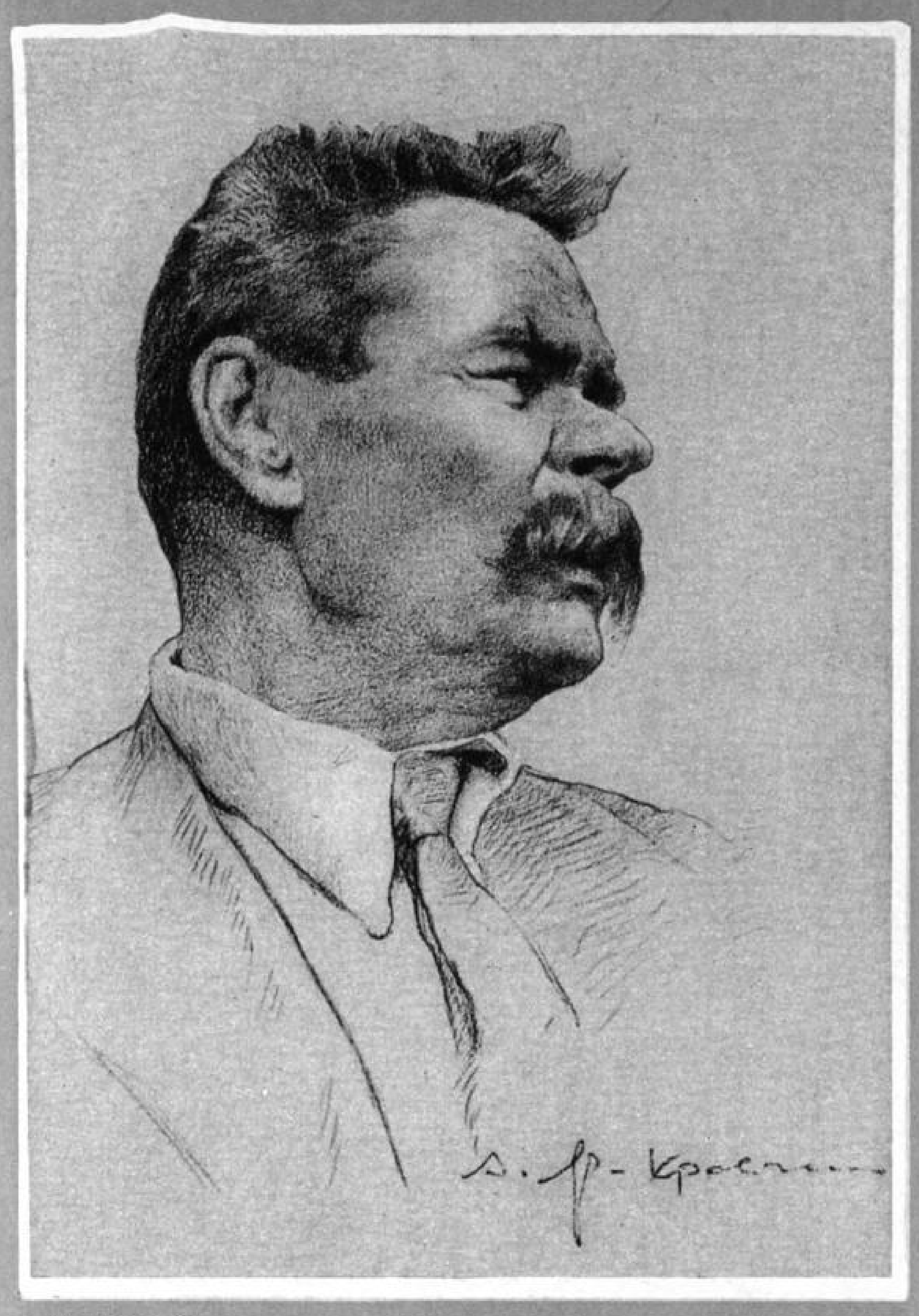
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

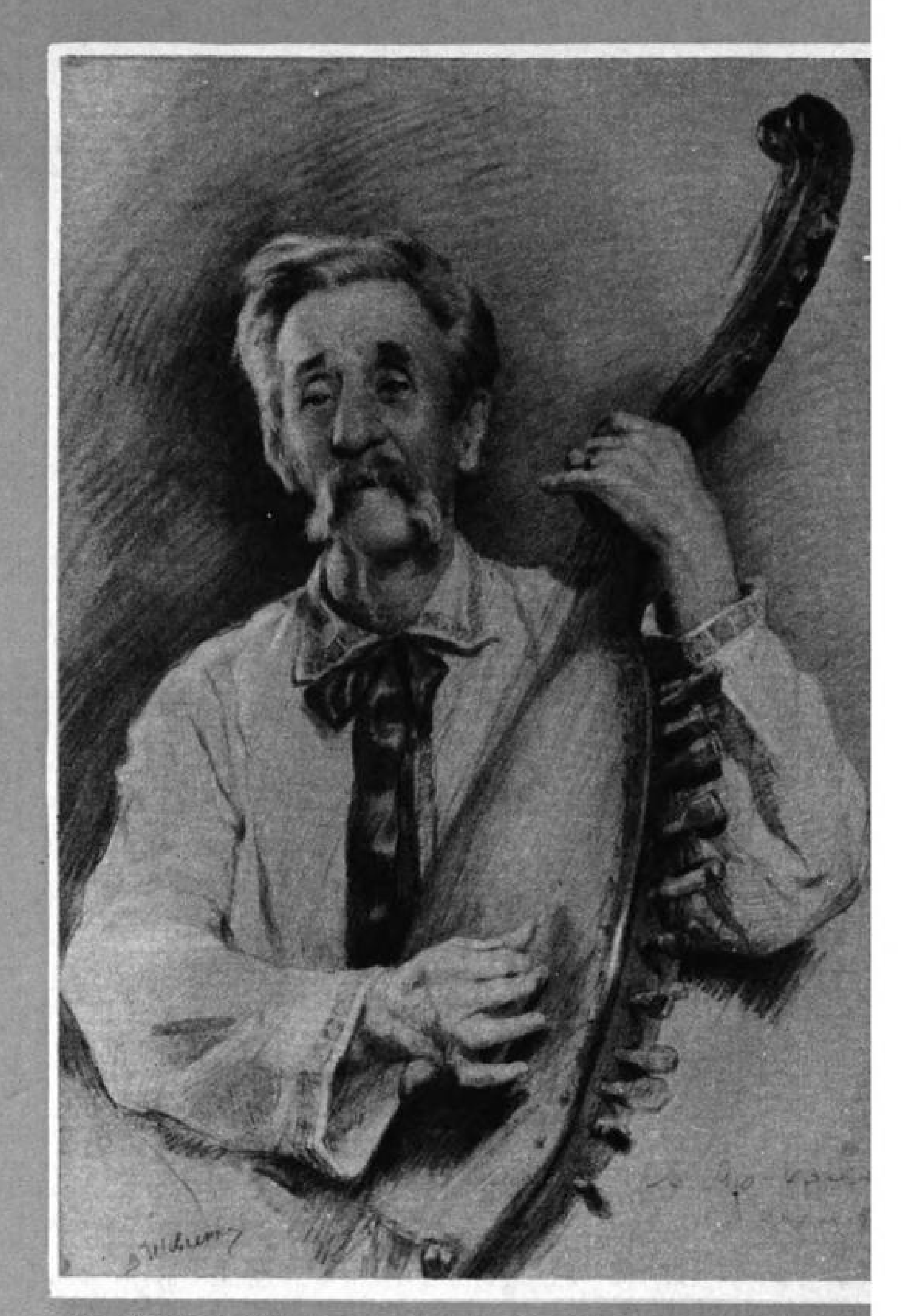
А 01298. Подписано к печати 22/VI 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1213. Заказ № 1508.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РИСУНКИ
А. ЯР-КРАВЧЕНКО

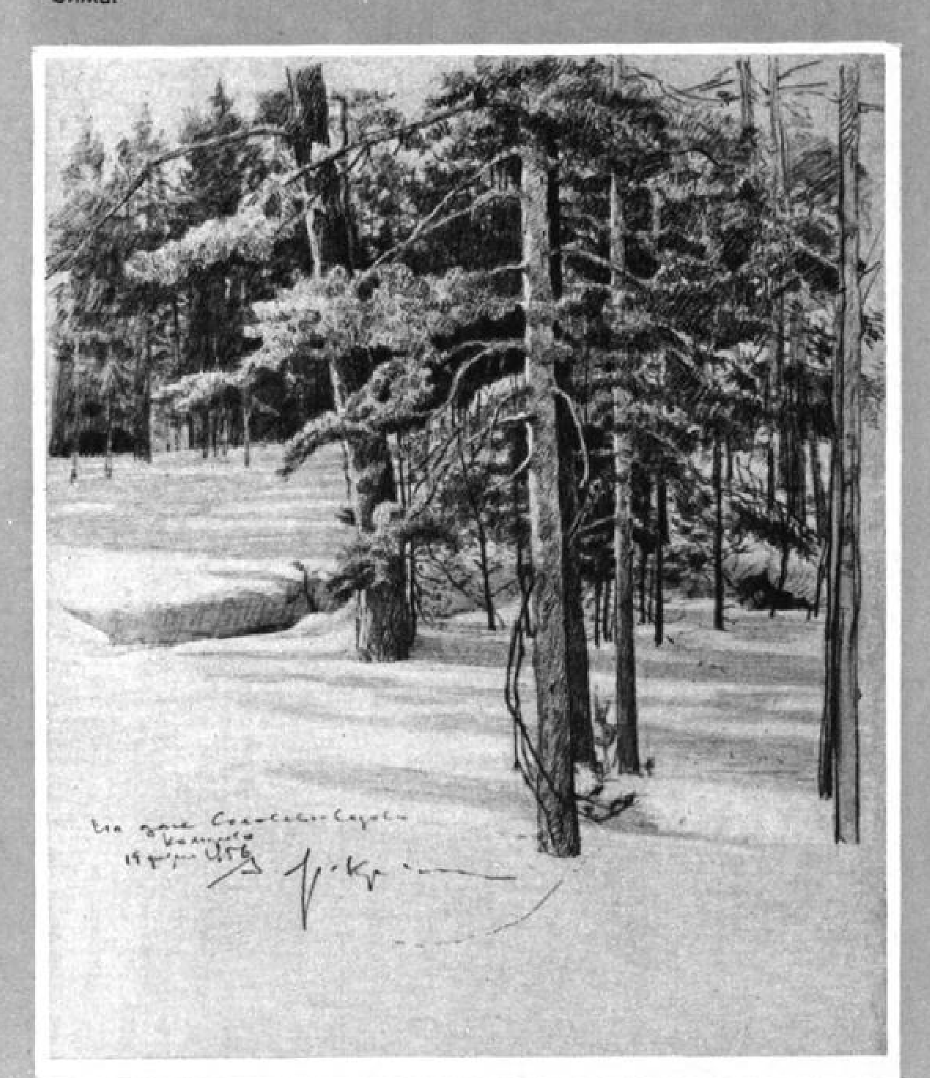

М. Горький.

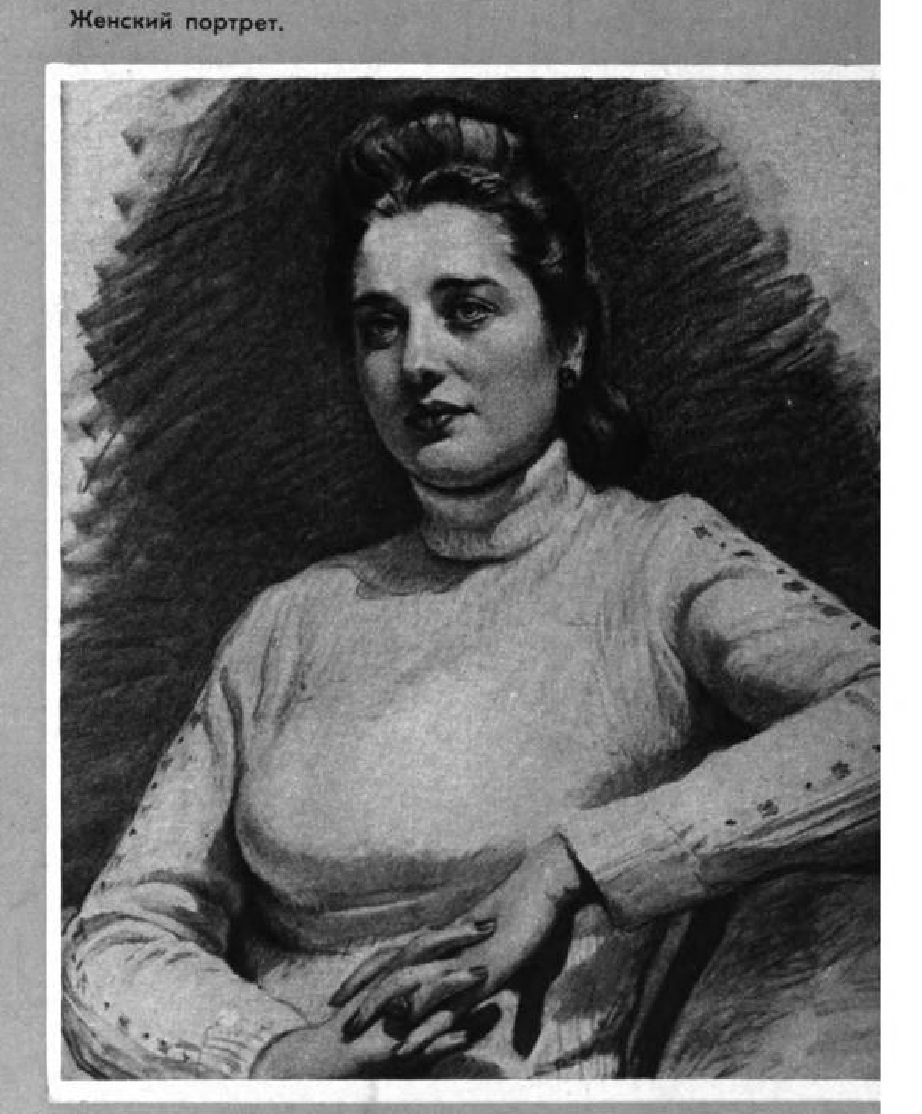

Правнук Т. Г. Шевченко — бандурист В. Шевченко.

Зима.

Женский портрет.

Цена номера 30 коп.